

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Геннадий
Прашкевич

КОСТРЫ
МИРОВ

«АЗБУКА»

Геннадий Мартович Прашкевич

Костры миров

Серия «Фантастика и фэнтези. Большие книги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134846

Г. М. Прашкевич. Костры миров: Вече; Санкт-Петербург; 2025

ISBN 978-5-389-27563-8

Аннотация

Прашкевич, как кошка в рассказе Киплинга, – гуляет сам по себе. В этом его отличие от большинства отечественных фантастов. И не фантастов тоже. Борис Стругацкий верно определил человеческую и литературную сущность писателя: «Многообразен, многознающ, многоталантлив, многоопытен». Здесь на первом месте «многообразен». Это правильно. Писатель должен меняться. Вот говорят: занял нишу. Ниша для писателя значит смерть. Это место, где стоит его урна и куда читатели приносят ему траурные венки.

Прашкевич постоянно меняется. Это очень важное его качество. Как неусидчивость, любовь к путешествиям, пешеходству, перелетам с континента на континент, идущая от юности, от первых полевых опытов тяга познавать мир глазами, руками, кожей, долбать его геологическим молотком, вдыхать

его ветер, соль, его дымы и туманы, и все не праздну, не для туристической галочки «Вася здесь был», все с пользой, все для будущей книги.

Сборник составлен из работ автора разных лет.

Тексты многих произведений, вошедших в книгу, представлены в новой авторской редакции и местами существенно отличаются по сравнению с прежними публикациями.

Содержание

Костры миров	9
Костры миров	9
1	9
2	19
3	25
4	30
5	32
6	37
7	45
8	47
9	50
10	57
11	60
12	69
13	74
14	80
15	84
16	86
17	91
18	93
19	97
20	104
Кот на дереве	111

1	112
2	112
3	114
4	119
5	122
6	125
7	131
8	132
9	133
10	137
11	138
12	141
13	142
14	143
15	151
16	153
Демон Сократа	155
Глава I. Юренив	155
Глава II. Огонь из ничего	170
Глава III. Серый пакет	177
Глава IV. Купить штопор	187
Глава V. «Убери! Я их не видел!»	196
Глава VI. Зона	205
Глава VII. Ия	215
Глава VIII. Телефон, швейцар, женщины	222
Глава IX. Цитата из Тьюринга	233

Глава X. Чукча Йэкунин	241
Глава XI. Нус	249
Глава XII. «Когда нам не мешали...»	254
Глава XIII. Козмин Насон, покрученник	260
Глава XIV. Эффекты второго порядка	269
Глава XIV. (Продолжение)	275
Глава XV. Сквозь века	282
Глава XVI. Большой огонь	287
Глава XVII. «Ты с нами...»	291
Глава XVIII. Облачко в небе	295
Глава XIX. Дом ученых	301
Глава XX. Плата за будущее	307
Глава XXI. Подарок Роджера	316
Год спустя (Вместо эпилога)	318
Агент Алехин	325
1	325
2	327
3	331
4	332
5	336
6	337
7	339
8	345
9	348
10	350
11	354

12

356

13

363

Конец ознакомительного фрагмента.

365

Геннадий Прашкевич

Костры миров

© Г. М. Прашкевич, текст, 2024

© А. В. Етоев, состав, 2024

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

* * *

Костры миров

Костры миров

1

Хенк был счастлив.

Под его ногами лежала настоящая земля.

В его лицо упруго давила волна настоящего воздуха.

Кисловатый запах металла, запах кислых почв, горячего песка жестко и сладко щекотали ноздри. Земля все еще отдалена миллиардами световых лет? Не важно! Теперь не важно. Теперь он среди людей. Пусть их немного, пусть все они, как он, Хенк, заброшены на далекую планетку лишь необходимыми для человечества делами, пусть Симма столь же мало похожа на Землю, как Крайний сектор на Внутреннюю зону, он, Хенк, все равно среди людей. Его так и подмывало поднять голову и взглянуть на Стену. Но голову он не поднял. Спирали металлических зарослей под ногами счастливо поскрипывали, их ржавые стебли искрились, как щетки электрогенератора. Хенк мысленно прикинул, какое напряжение могут вырабатывать эти металлические заросли там, где их корни уходят в глубину почв Симмы не меньше чем на ми-

лю, и присвистнул. Он привык к удивительным вещам, но еще не отвык удивляться.

– Надень шляпу и топай в бар, – сказала Шу.

– Надо говорить – нахлобучь шляпу! – засмеялся Хенк.

Со своим сверхмощным бортовым компьютером он всегда обращался как с обыкновенным человеком.

– Я никогда не видела шляп, – заметила Шу без всякой обиды. – Я всего лишь представляю их геометрию. Видимо, этого мало.

– Ничего. Скоро я покажу тебе настоящую шляпу.

Этот разговор состоялся час назад. За шестьдесят минут Хенк успел законсервировать «Лайман альфу», прошел через Преобразователь и сдал хмурому диспетчеру все нужные данные для расчета будущего курса к Земле.

Диспетчер не скрыл недоумения:

– Ты из зоны протозид?

Прозвучало как «мы не ожидали гостей».

Взглянув на Хенка, диспетчер все же решил уточнить:

– Оберон?

– Человек! – возразил Хенк. – Разве не видно? Разве не вы вели на посадку «Лайман альфу»?

– Это делают у нас автоматы. – Диспетчер, похоже, не поверил Хенку.

– А Преобразователь? – счастливо рассмеялся Хенк. – Разве я изменился, пройдя через горнило Преобразователя?

– Нетипичная зона. Иногда здесь мудрит даже Преобра-

зователь.

Диспетчер хмуро ткнул кулаком в необозримую стену Центра управления, украшенную множеством экранов.

– Чаще всего мы имеем дело с квазилюдьми.

– И все же не всегда, – возразил Хенк.

Конечно, он имел в виду себя: человека.

– А есть и такие, – не слушал его диспетчер, – что сразу начинают себя вести как люди...

Хенк рассмеялся:

– Я как раз из таких.

Диспетчер не улыбнулся.

Он привык держаться официально, положение обязывает.

Весь вид диспетчера говорил: «Я занят, я при настоящем деле, я из тех людей, которые помнят саму Землю, а вот кто ты – это нам пока неизвестно. Может, и вправду – человек, тогда я найду возможность извиниться, ну а если ты все-таки оберон, извинения не имеют значения».

«Что ж, – сказал себе Хенк. – Трудно было ожидать чего-то другого. Нетипичная зона – это Нетипичная зона. У диспетчера действительно нет никаких оснований доверять моим словам. Никто на Симме не ждал земного корабля, тем более из зоны протозид, закрытой для всех представителей Межзвездного сообщества».

И решил: «Ладно, пусть считает меня обероном».

Трое земных суток – это не так уж много: всего трое суток.

Он усмехнулся: термину «оберон» много больше. Термин

«оберон» вошел в обиход задолго до первого выхода Хенка в космос, где-то в год пуска сразу семи Конечных станций Вселенной, оборудованных Преобразователями. Принцип Преобразователя был, кажется, не до конца ясен даже самим предложившим его цветочникам (ходили слухи, что Преобразователь – всего лишь случайное заимствование цветочников у некоей загадочной крайней расы), но ни одна из цивилизаций, входящих в Межзвездное сообщество, не отказалась от такого подарка. В объемистую горловину Преобразователя могло войти любое разумное существо (из любого сектора космоса), но на выходе вы всегда получали человека, точнее, квазичеловека, еще точнее, оберона, обладающего довольно приличным словарным запасом и навыками смысловых схем, достаточных для деловых объяснений. Это сразу и навсегда избавило Конечные станции типа Симмы (Хаббл, Фридман, Оорт, Ньютон, Бете, Ридан) от массы хлопот; запасы продовольствия, газов, воды, биологически активных веществ теперь свелись к стандартным, к тому же контакт с представителями самых отчужденных звездных рас предельно упростился.

Что же касается самого термина «оберон», к нему скоро привыкли.

Планету под Конечную станцию предоставили тоже цветочки.

Удобное местечко. И радиус планеты вполне соответствовал ее названию.

Симма – малый маяк. Симма – маяк на краю света. Кстати, *на краю света* – это вовсе не метафора. Обращенная Северным полюсом к Вселенной, Южным своим полюсом крошечная планетка всегда смотрела на Стену. На совершенно невероятную темную бездну Стены. Единственное, что дарило свет Симме, – квазар Шансон, чудовищный сгусток перевозбужденной магнитоплазмы, непрерывно преобразующий гравитационную энергию в свет, в радио- и ультрафиолетовое излучение, в яростное вращение и турбулентность. Мощно пульсируя, выкинув над собой гигантский голубой выброс, квазар Шансон одиноко и яростно пылал на фоне полного мрака.

Это был истинный мрак. Это была истинная тьма.

За квазаром Шансон уже ничего не было.

Вообще ничего материального.

Тьма.

Стена тьмы.

Хенк так и говорил себе – Стена.

Понятно, никакой стены там не существовало. Просто с одной стороны постоянно мерцали, сливаясь в тусклые светящиеся шлейфы, мириады далеких звезд и галактик, а с другой – не было *ничего*.

Мрак.

Пустота.

Абсолют мрака и пустоты.

Но этот мрак, эта пустота воспринимались Хенком имен-

но как Стена, и (несмотря на бессмысленность такого представления) ничего с этим Хенк не мог поделаться.

Стена? Ну и пусть Стена. Почему нет?

Хенк счастливо топал по космодрому, не поднимая глаз к небу.

Впрочем, если бы он их и поднял, никакой особенной тьмы над собой он все равно не смог бы увидеть. Конечная станция располагалась на Северном полюсе Симмы. «Трое суток, – повторил про себя Хенк. – Всего трое земных суток, и я получу карту курса и отправлюсь домой! На Землю! Стеной пусть любятся обероны».

Слабые электрические разряды легко покалывали ноги Хенка.

Разумеется, ему так лишь казалось. И кстати, ничуть не раздражало.

Он ступал пусть по металлическим, но все же зарослям, он ощущал пусть чужие, но запахи. Сам воздух, поступающий не из каких-то ограниченных резервуаров, а просто извне, радовал и веселил Хенка. Он радовался: он среди людей. Он радовался: он наконец покажет Шу настоящую шляпу. Свой универсальный бортовой компьютер Хенк всегда называл этим древним женским именем – Шу. Слов нет, тахионные корабли сделали достижимыми любые, даже самые отдаленные точки Вселенной, но без компьютера типа Шу это оказалось бы попросту невозможно. Он, Хенк, дошел до Нетипичной зоны, он, Хенк, видел Стену – благодаря Шу.

Он, Хенк, плавал в энергетических безднах квазара, был огненным шаром, разумным огненным шаром – благодаря Шу. Он, Хенк, дрейфовал в звездных течениях Нетипичной зоны, принимал формы, невозможные в любом другом случае, – опять же благодаря Шу. Так что, если он, Хенк, у первого встречного на Симме попросит шляпу для Шу, его поймут. Впрочем, и недоумение, и даже усмешку предполагаемого первого встречного он, Хенк, снесет без усилий.

Ради Шу!

Хенк был счастлив.

Шу его ждет, «Лайман альфа» всегда готова к вылету, необходимые данные отправлены диспетчером в Расчетчик Преобразователя. Всего лишь через трое земных суток он, Хенк, получит разрешение на выход из Нетипичной зоны, а значит, явится на Землю как раз к началу очередного редакционного Совета Всеобщей энциклопедии (том «Протозиды»). Не важно, что по часам Симмы этот Совет завершил свою работу несколько столетий назад, – курс «Лайман альфы» будет вычислен по такой кривой пространства-времени, которая приведет Хенка в точно назначенный день и час, ни минутой раньше, ни минутой позже. Самая грубая ошибка никогда еще не превышала десятых долей секунды. Для сотрудников Всеобщей энциклопедии все будет выглядеть так, будто он, Хенк, отсутствовал каких-то два с половиной месяца, что в пересчетах Межзвездного сообщества вполне эквивалентно израсходованной им энергии, и вот вернул-

ся с необходимыми дополнениями к одному из самых сложных томов Всеобщей энциклопедии: «Протозиды». Основная статья этого тома принадлежала пока ему же – обширные компиляции, составленные по древним мифам и наблюдениям цветочников, арианцев, океана Бюрге и тех немногих звездных рас, что когда-либо соприкасались с протозидами.

Увлекательные, обширные, но... компиляции.

Были ли они верны, соответствовали ли действительности?

Можно ли вообще, изучая некую отчужденную расу, опираться только на мифологию и наблюдения рас, никогда не относившихся к протозидам с симпатией? То, что протозиды никогда не заглядывали во Внутреннюю зону Вселенной, то, что они упорно не хотели замечать своих звездных соседей, все это, по мнению Хенка, еще не давало оснований прямо относить протозид к тем цивилизациям, что в принципе не способны к контакту. Цивилизация – понятие вообще довольно туманное, его не так-то легко сформулировать и истолковать, тем более что пути развития звездных рас мало где были схожими, к тому же истолкователи таких понятий, как «цивилизация», как правило, сами живут внутри вполне определенных цивилизаций, что, в свою очередь, не может не вносить в их суждения ту или иную долю предвзятости.

Туп, как протозид.

Темен, как протозид.

Жесток, как протозид.

Он, Хенк, никогда не соглашался с подобными формулировками, хотя мифы цветочников, арианцев, океана Бюрге были под завязку набиты именно такими формулировками.

Да, протозиды.

Они же – первичники.

Они же – истребители звезд.

Время от времени, собираясь в гигантские скопления (а масса каждого отдельного протозида намного превосходит массу таких планет, как Сатурн или Юпитер), протозиды пытаются уйти из Нетипичной зоны к какой-либо одинокой звезде. При этом им все равно, обитаемы ли миры, в пределы которых они так неожиданно вторгались. Мифология арианцев, цветочников, океана Бюрге сохранила память о пяти подобных, никем и никак не объясненных вторжениях, после которых и цветочникам, и арианцам слишком многое приходилось начинать сначала. Сжигая себя в звезде, доводя ее до мгновенного чудовищного взрыва, протозиды гибли, а вместе с ними в океане раскаленной плазмы, заливающей Крайний сектор, гибли другие солнца, планеты, спутники, населенные космические станции, радиобуи и, разумеется, разумные существа. Являлось ли все это осмысленными, хорошо рассчитанными ударами необъявленной, но настоящей войны с соседями? Никто этого не знал, ибо протозиды ни с кем не шли на контакт. Редкие, но упрямые попытки землян (арианцы, цветочники, океан Бюрге давно отказались от таких попыток) установить связь с протозидами

пока что не дали никаких заметных результатов, вот почему члены Межзвездного сообщества смотрели сквозь пальцы на совершаемые время от времени вылазки объединенных флотов цветочников и арианцев в Нетипичную зону. Ходили слухи, что цветочники и арианцы занимаются *рассеиванием* замеченных ими скоплений...

Рассеиванием?

Что ж, они защищались.

Тот тезис, что пока у цивилизаций есть антиподы – конфликт неизбежен, Хенку всегда не нравился.

Но сейчас Хенк был счастлив.

Он добыл кое-что действительно новое.

Его наблюдения и исследования, проведенные в Нетипичной зоне, несомненно, привнесут нечто новое в единое знание Межзвездного сообщества.

Они с Шу неплохо поработали.

Хенк машинально провел ладонью по обезображенному шрамом лбу, будто снимая с него невидимую паутину. Широкий некрасивый шрам, вертикально опускающийся к переносице, был привычен для него, как морщина. Еще один шрам, только шире, страшнее, прятался под рубашкой – зазубренным треугольником он спускался от шеи под левую лопатку и чуть ниже. От этого левое плечо Хенка всегда казалось немного опущенным. Впрочем, сам он этого не замечал. Да и занимала его сейчас вполне конкретная мысль. Он думал: найдется ли на планете Симма самая обыкновенная

широкополая шляпа?

Радуюсь сам, он хотел обрадовать Шу.

2

Хенк был счастлив.

Трое суток – это не просто карантин.

Трое суток – это прекрасная возможность вернуть себе хоть какие-то навыки землянина. Не так-то просто после долгого одиночества дружески похлопать по плечу первого встречного, а Хенку этого очень хотелось. Впрочем, то, что за стойкой бара стоял длинный жилистый усач с объемистым миксером в руках, а перед ним на высоком табурете откровенно скучал плечистый субъект в желтой майке звездного перегонщика, вовсе не означало, что Хенк видел перед собой настоящих людей.

Обероны. Скорее всего, обероны. Хотя в штате Конечной станции непременно должны находиться и типичные земляне. Межзвездное сообщество строго следило за соблюдением определенных пропорций. Так что, если ты ненароком похлопал по плечу плечистого субъекта в желтой майке звездного перегонщика, это не означало стопроцентно, что ты похлопал по плечу человека – а не китообразное, скажем, существо с Тау или разумное облачко с Пентаксы.

Хенк бросил на стойку плоскую коробку с кристаллами памяти («Физика Нетипичной зоны», «Теория протозид»

и прочее) и не без некоторой опаски воззрится на высокий табурет: он не был уверен, что после столь долгого отсутствия не совершит какой-нибудь неловкости.

Эта мысль тут же получила подтверждение.

На мгновение Хенку захотелось зависнуть над табуретом, как он любил это делать, беседуя с Шу, но он вовремя спохватился и взгромоздился на табурет так, как, по его понятиям, и следовало это сделать землянину, – без особой ловкости, но с достоинством. Усатый бармен и плечистый человек в желтой майке звездного перегонщика обернулись к Хенку одновременно. Будь Хенк пылевым облаком, распростершимся на полнеба, ему не составило бы труда держать в поле обзора сразу обоих, но сейчас он был всего лишь человеком. Поэтому он просто дважды кивнул.

– Титучай?

Терпкий тонизирующий напиток всегда был к месту, но, спрашивая, усатый бармен не улыбнулся – возможно, сам подозревал в Хенке оборона или, скажем так, не был общителен.

Хенк усмехнулся.

Такие парни, как этот бармен, ему всегда нравились.

Дело не в хмурости. Спроси у такого, где можно найти шляпу, он нисколько не удивится и не пойдет трепать по всей Симме о каком-то чокнутом со звезд, разыскивающим не принадлежащую ему шляпу.

Взяв это на заметку, Хенк повернулся к звездному пере-

гонщику.

Впрочем, перегонщик выглядел ничуть не приветливее бармена. Презрительно выпятив широкие, плоские, прямо щучьи губы, он странно щурился, будто испытывал к Хенку не столько интерес, сколько неясное подозрение.

– Титучай! Титучай! – Хенк радовался. – Три титучая. Я угощаю.

И предложил:

– За возвращение!

– А счет? – недоброжелательно поинтересовался бармен.

Хенк назвал бортовой номер своего корабля, автоматически являющийся номером его счета. Хенк гордился этим номером. «Лайман альфа» – резонансная линия водорода с длиной волны 0,12 микрона. Надежный счет. Тем более что на Симме счет имел вовсе не символическое значение. В сущности, Конечная станция принадлежала цветочникам, и все расходы Хенка оплачивала Земля, причем оплачивала чистой информацией. Могло, кстати, оказаться так, что чашка титучая, выпитая Хенком, оплачивалась именно его, Хенка, статьей. Скажем, о тех же протозидях.

– С возвращением, – бармен без особого энтузиазма поднял чашку.

– Возьми посудину пообъемистей, – радушно посоветовал Хенк. – Непохоже, что вы тут, на Симме, часто пьете за возвращение.

Бармен хмыкнул:

– Не так уж и редко.

И добавил хмуро:

– Сегодня ты – третий.

– Открыли регулярную линию? – удивился Хенк.

– До этого еще не дошло, – вмешался в разговор щучьегубый. – Но на Симме не пусто. Вторую чашку бармен сегодня поднимал за меня.

– А первую?

– За патрульных.

Хенк не стал спрашивать, что делают на Симме сотрудники звездного Патруля.

Он не хотел терять время на патрульных. Он с удовольствием смотрел сквозь толстую, но прозрачную стену бара. Там, за невидимым колпаком силовой защиты, слабый ветерок лениво курчавил металлические заросли, гонял по земле ржавую спиральную стружку. Две-три звезды прокололи дикое пепельное небо Симмы. Голова бармена время от времени перекрывала свет звезд, это мешало Хенку, и он перебрался на другой табурет, ближе к щучьегубому.

Звездный перегонщик воспринял это как сигнал к сближению.

– Сегодня и завтра, – доверительно сообщил он, – в Аквариуме оберон с Оффиуха.

Хенк кивнул. Ему нравилась эта новая манера обращаться ко всем на «ты».

– Секреты пластики? – вспомнил он. – Я слышал об этом.

– Это следует видеть. – Щучьегубый переглянулся с барменом. – А видеть это можно только здесь, на Симме. Офффиухцы, они как бы вроде этих поганых протозид, их не сильно выманишь из Нетипичной зоны.

– Подыскивай сравнения! – возмутился бармен. – Протозид! – Он брезгливо поджал губы. – Думай, о чем говоришь. Протозиды убивают, а оффиухцы радуют. Есть разница, правда?

Он плеснул в свою чашку еще несколько капель титучая и выругался.

Хенк усмехнулся. Похоже, за время его отсутствия в Нетипичной зоне изменилось немного. Да и вряд ли могло измениться. Ненависть арианцев, цветочников, океана Бюрге к протозидам не могла рассеяться сама по себе, так что Хенк сейчас чувствовал себя гонцом, несущим добрую весть. Завтра утром он разберется в своих заметках, систематизированных для него Шу и вложенных в кристаллы памяти, и, возможно, в том же Аквариуме познакомит сотрудников Конечной станции с некоторыми из своих выводов.

Он поманил к себе бармена:

– Через Симму, наверное, прошло немало людей?

– С Земли? – не понял бармен.

– Главное, людей, – ухмыльнулся Хенк.

– Конечно, были такие.

– На складах Симмы, должно быть, попадают занятные вещи, а?

– Да уж наверное. Мы ничего не выбрасываем.

И спросил:

– Тебя интересует что-то конкретное?

– Да, – кивнул Хенк.

– Твой счет надежен, – помолчав, кивнул бармен. – Говори. Если на складе эта штука сыщется, она твоя.

И Хенк сказал:

– Шляпа.

Он ничего не добавил к просьбе. Он ничего не хотел объяснять.

Правда, никаких объяснений и не понадобилось. И бармен, и звездный перегонщик с плоскими щучьими губами уже разглядели шрам, вовсе не украшающий Хенка. Уже совсем другим, сочувствующим голосом бармен спросил:

– Где тебя так?

Он явно понял просьбу Хенка по-своему. Он явно решил, что шляпа нужна самому Хенку – прикрыть свой некрасивый шрам. А сочувствие прорезалось оттого, что до него наконец дошло: Хенк – человек. Оберон, пройдя сквозь Преобразователь, никогда не получит ни морщинки, ни бородавки, ни тем более шрама. Квазилюди всегда гармоничны. У них не бывает заметных уродств. Их тела всегда чисты.

– Где тебя так? – переспросил бармен.

– Сейчас не важно, – отмахнулся Хенк.

– Такой удар может отшибить не только память, – сочувственно кивнул бармен. – Как у тебя с памятью? Имя свое

помнишь?

– Еще бы! – Хенк подмигнул бармену. – Я – Хенк.

– А я – Люке, – еще раз кивнул бармен. – Так меня и зови. Люке. Конечно, это не имя, но мне нравится, когда меня так называют.

– А я – Ханс, – протянул руку звездный перегонщик. – По-настоящему Ханс, без всяких там этих оберонских штук.

Хенк кивнул. Хенк был растроган.

Он подумал: «Шу повезло. Шу увидит шляпу».

3

Он долго не мог уснуть.

Сперва ему помешал диспетчер.

– Хенк, – спросил диспетчер по внутреннему инфору, – как нам отодвинуть твою «Лайман альфу»? Она мешает почтовикам.

– Проще простого, – ответил Хенк. – Свяжитесь с Шу, она все сделает.

– Шу? – удивился диспетчер. – Почему ты не зарегистрировал спутника?

– Шу – это бортовой компьютер, – терпеливо объяснил Хенк.

И потом опять долго не мог уснуть.

В детстве его мучило мерцание звезд.

Чудовищная непостижимость этого мерцания.

В юности он открыл комету. Через какое-то время ее хвост растянулся на полнеба, он был бледно-белым, но в долгих ночных снах виделся Хенку цветным. Хенка с детства удручала необходимость прятаться под покровом земной атмосферы. Он широко открывал глаза, будто это могло помочь увидеть самую дальнюю даль космоса. Он любил думать, что его дом не ограничен пределами Солнечной системы. В принципе, это было так. Окончив школу Поисковиков, Хенк сам стал выходить во Внутреннюю зону. К сожалению, никогда дальше. Зато дальше ходил его старший брат Роули – звездный разведчик. Хенк всегда завидовал разведчикам. Ему хотелось думать, что там, среди звезд, разведчики – его личное продолжение. Он не уставал следить за мерцанием звезд. Его всегда мучило: а что там, за горизонтом событий? Что там, в Крайнем секторе? Что там, в Нетипичной зоне, где укрывается недоступная для всех известных цивилизаций раса протозид, игнорирующая любую попытку контакта?

По материалам своего брата, звездного разведчика Роули, Хенк написал книгу.

Книга, посвященная Нетипичной зоне, сразу привлекла внимание специалистов. Бывшего пилота, а теперь космоисторика и космопалеофитолога Хенка пригласили в редакцию Всеобщей энциклопедии. Десять лет, проведенные в ее штате, принесли Хенку известность.

Лучший знаток первичников.

Разумная, но замкнутая на себя раса заполняла даже сны Хенка.

Иногда он видел даже такие сны, о содержании которых не мог рассказать ни брату, ни друзьям. Зато из нескольких специалистов Всеобщей энциклопедии, выразивших желание взять на себя дальний поиск, связанный с изучением протозид, предпочтение было отдано именно Хенку. Он подозревал, что какую-то роль в этом могла сыграть трагическая гибель его брата Роули – там, в глубинах Крайнего сектора. Подразумевалось, что будущие наблюдения Хенка внесут ясность в один из самых сложных отделов Всеобщей энциклопедии. Подразумевалось, что будущие наблюдения Хенка, как раньше наблюдения Роули, не только дополнят, но и перестроят весь этот отдел, все еще полный сумятицы.

Параллельно делам во Всеобщей энциклопедии Хенк читал в Высшей школе курс космической палеофитологии. Этот курс был определен им как «Века и растения». Из лекций Хенка его ученики выносили не просто понятие об эволюции тех или иных живых форм. Нет, они узнавали о расхождении, оказавшихся роковыми для некоторых, теперь уже не существующих звездных цивилизаций, о тех поистине роковых узлах, с которых Разум, взрываясь, начинает строить вторую природу, отрываясь от своих естественных, предопределенных происхождением корней.

На Земле у Хенка было место, где он всегда чувствовал себя особенно хорошо.

Небольшой свайный домик, лесное озеро. За озером, как рыжие облака, осенью пылали лиственницы, не закрывая собой Енисей. Еще дальше голубели горы. Хенк водил учеников по своему саду, обращал внимание на тот или иной куст, на запахи, на цвет, присущий только определенному кусту. Он, Хенк, разбил самый северный сад роз, в котором белые шары древних, как сама история, Лун и благородные Галлики росли прямо на земляных грядках, а желтые и светлые дамасские розы, пережившие римскую историю и последующие пятьдесят веков, оставались столь же упругими и свежими, как во времена Цезарей. Хенк по-детски гордился зеленоватыми чайными розами, аромат которых и впрямь напоминал крепкий чайный букет, карамзиновыми Дюк де Монпасье, огненно-алыми Амулетами. Он любил бархатистые, с розовым ободком Кримсон Роули и всегда влажные, покрытые чудесными капельками нежной росы бутоны Арон Уор. Показывая свои розы, рассказывая о них, Хенк благоговейно поднимал глаза горé.

Ему нравилось, что звезды и розы схожи.

Иногда Хенк подводил своих учеников к невысокому бревенчатому забору, отделяющему сад от пасеки. Здесь, у грядок, над которыми золотились Мадам Жюль Граверо, желтели буйные Маман Коте, лучились сквозь плотную кожистую листву блестящие, как бы покрытые восковым налетом, алые пернецианские, он непременно задерживался. Ведь там среди блеклых, как осень, Лидий и Сестер Калли, среди алых

Гранд Гомбоджап белела привитая на простой шиповник самая обычная на вид парковая роза. Но над нею Хенк работал почти пятнадцать лет. Он не резал и не формировал куст, он просто помогал розе развиваться, разве лишь осенью снимал с веток листья, чтобы не привлекать к ним внимания прожорливых северных мышей. Он берег розу не от холодов, он берег ее от жесткого северного солнца. Отзываясь на раннее весеннее тепло, верхняя часть куста могла торопливо пойти в рост, тогда как корневая система еще не проснулась. Со всем остальным куст справлялся сам.

Ни разу за пятнадцать лет Хенк не видел на цветах выведенной им розы ни одной крапинки, ни одного цветного или бледного ободка. Она была чистой, как снег, и он с удовольствием выкашивал вокруг траву, даря розе покой. Он с удовольствием сидел рядом с нею, а когда, случалось, шел дождь, когда слезились темные окна, а листва берез обвисала страшно и сыро, он укрывал ее от дождя.

Розу он назвал именем брата Роули.

Он назвал ее именем звездного разведчика, трагически погибшего в районе катастрофического взрыва 5С 16 – космического объекта, долго вызывавшего недоумение астрофизиков. Хенк не уставал верить, что однажды слухи о гибели его брата непременно будут опровергнуты, как это пусть редко, но случается. Хенк не уставал верить, что Роули жив, что он все еще где-то там – в безднах космоса.

Он долго не мог уснуть.

Туп, как протозид. Темен, как протозид. Жесток, как протозид.

Он вспомнил безгловую гримасу жилистого бармена Люке и холод, проглянувший во взгляде звездного перегонщика Ханса. Туп... Темен... Жесток... Арианцы, цветочники, океан Бюрге – все они, наверное, имели право так говорить, но почему это повторяют земляне?

Хенк улыбнулся.

Он разрушит стереотипы.

Протянув руку (в комнате было темно), он нашел на столе коробку с кристаллами памяти. Крошечный голопроектор тут же заработал – от тепла ладони.

Маршрут... Маяки... Физика Нетипичной зоны... Хенк удивился. Разве он не взял с собой кристалл «Протозиды»? Не вставая с постели, дотянулся до инфора:

– Как у тебя?

– У меня хорошо, – ответила Шу.

– Чем занята?

– Рассчитываю маршрут.

– Но этим занят Расчетчик Преобразователя.

– Ну да, я, конечно, ничего об этом не знала...

Хенк понял, что Шу обиделась, и быстро сказал:

– Я сам хотел попросить тебя продублировать работу Расчетчика.

Шу все сразу поняла.

И наконец спросила:

– Как у тебя?

Хенк вздохнул.

Он все еще помнил лица Люке и Ханса.

– Шу, – спросил он, – почему земляне не любят протозид?

– Их никто не любит. Они вне сообщества, Хенк.

– Ну да, – протянул он. – Истребители звезд.

– Не только. Они древние, Хенк. Они очень древние. –

Голос Шу стал ровным. – Вспомни, как человек относится к тем, кто намного старше его по происхождению, – к мокрицам, к змеям, к членистоногим. А протозиды еще древнее, Хенк. Они очень древние.

Он кивнул.

– Хочешь спросить еще что-нибудь?

– Да. Кажется, я забыл на борту кристалл «Протозиды».

– Ты его не забыл, Хенк.

– Но его нет в коробке.

– Его действительно там нет.

– Почему?

Шу промолчала.

– Почему, Шу?

– Кристалл «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

– С чего ты это взяла?

Шу не ответила. Но Хенк знал, что Шу ничего не делает просто так.

Он уважал мнение Шу. И еще он знал, что, сколько бы он сейчас ни спрашивал, она ничего ему не скажет. Еще какое-то время он молча смотрел на потемневший, вдруг отключившийся экран. Он был сбит с толку. Но все равно радость его не оставила: он на Симме!

5

А разбудил его стук.

Он не сразу сообразил, кто может стучать в его дверь на борту «Лайман альфы».

Ах да! Он на Симме!

Инфор наконец сообщил:

«К вам гости».

– Кто они? – Хенк не хотел вставать.

«Хотят объяснить сами».

– В любом случае им придется подождать.

– Прости, Хенк, у нас мало времени. – На вспыхнувшем экране появилось чье-то смуглое лицо, несомненно удрученное.

– Вы слышали мои слова? – удивился Хенк.

– Ты забыл отключить внешний инфор.

Хенк поднялся. Принимая душ, внимательно присматри-

вался к гостям – он видел их на экране инфора. Два человека (или оберона), они вошли в комнату и остановились у окна, будто их интересовал вовсе не Хенк, а ржавый железный пейзаж дикой утренней Симмы.

– Садитесь.

Он вышел из душевой, затягивая пояс халата.

– Извини, Хенк, – сказал смуглолицый, видимо старший в группе.

У него были пронзительные, широко поставленные голубые глаза, и они действительно смотрели холодно и пронзительно. Все равно Хенку он понравился больше, чем его спутник – печальный красавчик, как бы равнодушный к происходящему. Этот печальный красавчик так и не отошел от окна, внимательно рассматривая поле. Голубые куртки обоих украшал отчетливый белый круг с молнией и звездой в центре – официальный знак звездного Патруля.

– Итак? – Хенк опустился в кресло.

– Хенк, – сухо сказал голубоглазый, – нам нужна твоя помощь.

– Инспектор звездного Патруля Петр Чельшев. – Второй протянул Хенку жетон.

Хенк не потянулся за жетоном. Он знал, что его пальцы встретят пустоту, его пальцы пройдут сквозь плотный листок фольги, не ощутив никакого сопротивления. Каждый такой жетон является сугубо индивидуальным, он материален только в руке хозяина. Хенк отчетливо видел круг, звез-

ду, молнию.

– База Водолея? – спросил он.

Чельшев кивнул.

– Хархад, – представился печальный красавчик, не отходя от окна. Ударение в имени он сделал на первом слоге.

– А я Хенк. Я давно не общался с землянами.

– Сколько лет ты отсутствовал?

– По среднекосмическому – около четырехсот. Триста семьдесят пять, так точнее.

Отрешенность Хархада, не отходящего от окна, его удивила.

– Что вы там видите?

– Почтовая ракета...

Хархад обернулся к Чельшеву:

– Это ничего не меняет, Петр?

– Как? – удивился тот. – Ракета пришла вовремя?

Теперь они смотрели в окно все трое. Там, на фоне суетящихся роботов, медленно, бесшумно, как изображение на фотопластинке, проявился сперва туманный, затем плотный, как будто все более уплотняющийся темный корпус пузатой тахионной ракеты. Она напоминала корабль Хенка, но была короче и не несла над собой броневое рога, в котором размещались мозг Шу и связанный с нею Преобразователь.

– Что делают роботы на поле?

– Готовятся выгружать почту.

– Зачем у них эти трубы?

– Духовой оркестр, – презрительно фыркнул Чельшев. – На Симме строго блюдут традиции. Да и то... Почтовые ракеты, как правило, запаздывают, но эта, кажется, пришла вовремя...

– Она с Земли?

– О нет, Хенк. Она с базы цветочников. Почтовую связь мы держим через цветочников. Так выходит дешевле. К сожалению, у цветочников, как и у арианцев, – Чельшев незаметно покосился на Хархада, – свое чувство времени. Сутки-двое, для них нет никакой разницы.

Чельшев наклонился к экрану инфора:

– Это сегодняшняя?

Ему ответил диспетчер:

– Жаль разочаровывать тебя, Петр.

– Но сейчас семь ноль-ноль.

– Это вчерашняя ракета, Петр.

Отключив инфор, Чельшев обернулся к Хенку, и они рассмеялись.

– Чем я могу вам помочь? Я землянин. Я знаю, что обязан помогать землянам.

Чельшев кивнул. Да, он тоже не сомневается. Он знает, что Хенк – землянин, и он знает, что Хенк поможет землянам.

– Выведешь «Лайман альфу» на рассчитанную нами орбиту. Расстояние не более сорока световых лет, для твоего корабля это минутное дело.

Чельшев остро глянул на Хенка:

– Сможешь?

– Я не планировал загружать Шу, но если это необходимо...

– Необходимо, – подтвердил Чельшев.

И спросил как бы между прочим:

– Шу? Кто это?

– Бортовой компьютер.

– Это женское имя...

– Ну и что?

Чельшев усмехнулся:

– Действительно.

– А цель прогулки? – спросил Хенк.

– Обязательно хочешь знать?

– Разумеется.

Чельшев и Хархад переглянулись.

– Боюсь, Хенк, цель тебе не понравится, – медленно произнес Петр Чельшев, сотрудник звездного Патруля. – Ты долго отсутствовал и не знаешь того, что происходит в Крайнем секторе. – И повторил: – Боюсь, Хенк, наша просьба тебе не понравится. Но если быть совсем точными, это не просьба...

– Что же это?

– Приказ.

Приказы звездного Патруля не обсуждаются, это Хенк знал.

За спиной любого звездного Патруля стоит, как правило, целая цивилизация, если не две и не три. Но Хенк не любил неясных приказов.

Он переспросил:

– Цель?

– Одиночный протозид, Хенк, – медленно пояснил Челышев. – Всего лишь одиночный протозид.

– Надеетесь на контакт?

– Нет, Хенк. Мы знаем, что протозиды неконтактны.

– Тогда что же?

– Мы не надеемся на контакт, Хенк.

Челышев выдержал еще одну паузу:

– Мы надеемся уничтожить этого протозида.

И добавил негромко:

– Мы – Охотники.

6

Хенк немало слышал об Охотниках.

Весьма квалифицированные профессионалы.

Готовили их на одной из баз Водолея: специальная закрытая школа для специалистов, работающих в ситуациях, последствия которых непредсказуемы. Он, Хенк, никогда прежде не встречался с Охотниками, но много слышал о них. В системе Гинапс Охотники в свое время потеряли почти треть сотрудников, но сумели предотвратить столкновение

двух воинственных подрас Гинапса. Еще Хенк слышал об Охотнике по имени Шарп. Хенрик Шарп почти девять лет провел в зловонных подземных городах планеты Бессель, чуть было не угнанной представителями миров нКва. Планета Бессель никогда не принадлежала мирам нКва, так же как последние никогда не входили в Межзвездное сообщество. Заслугой Охотника по имени Шарп, особо отмеченной океаном Бюрге, явилось его достаточно ровное отношение ко всем задействованным в этом происшествии расам и подрасам, в том числе и к представителям крайне несимпатичных существ миров нКва.

Но – протозид!

Арианцы – да. Цветочники – да.

И те и другие не раз организовывали вылазки против протозид.

Однако чем мог помешать *людям* одиночный гравитационный гигант, равнодушно дрейфующий в сорока световых годах в стороне от Конечной станции? Но Хенк, конечно, не мог не верить Петру Чельшеву и его коллеге. Они являлись сотрудниками звездного Патруля, они, конечно, получили приказ с Земли. Такой приказ, как правило, весьма строго обоснован, и, если дело доходит до его исполнения, возражений попросту не может быть.

Истребители звезд? Конечно.

Но в районе квазара Шансон дрейфовал сейчас *одиночный* протозид; организм, конечно, странный, но ни для кого

не представляющий опасности. Ситуация усугублялась еще и тем, что любая акция, проведенная против такого вот оди-ночного протозида, мгновенно становится известной всей этой необычной и древней расе. Ведь одиночный протозид – всего лишь часть единого колоссального, рассеянного в про-странстве организма.

Хенк механически следовал за Охотниками.

Он не видел смысла в готовящейся акции, но приказ оста-вался приказом.

Корпус «Лайман альфы» отбрасывал тень чуть ли не на половину поля. Щелкнули замки; шипя, опустился на бетон язык дежурного пандуса.

– Как у тебя? – спросил Хенк, проверяя шлюзы.

Шу ответила:

– Разрабатываю маршрут.

Охотники невольно задрали голову: голос Шу звучал где-то под сводами.

– Переключись на бортовую аппаратуру, – хмуро прика-зал Хенк. – Через двадцать минут стартуем.

– Земля? Ты получил разрешение?

– Нет, – ответил Хенк. – Пока не Земля.

И прежде чем бросить карту курса в щель Расчетчика, взглянул на Чельшева.

– Ничего не могу сделать, Хенк, – показал головой Охот-ник. – Мы прибыли на Симму незадолго до тебя. Приказ есть приказ, нас не всегда знакомят с подробностями. Мы посто-

янно ожидаем новостей и поправок, но ты же сам видишь – связь тут не является уверенной. Не могу утверждать определенно, но, похоже, в нашем секторе что-то случилось. Что-то такое, от чего даже этот одиночный протозид вдруг стал опасен. Надеюсь, к нашему возвращению мы получим разъяснение. Мы всего лишь исполнители, Хенк.

Хенк усмехнулся.

«Лайман альфа» стартовала.

Вспышка, казалось, ослепила всю Симму.

Теперь они шли в открытом пространстве. На правом экране, едва-едва укрощаемый мощными фильтрами, пылал квазар Шансон. Прошло каких-то семь минут, и радары засекли протозида. А еще через две минуты Хенк и его увидел на экране – крошечную запятую, действительно крошечную, чуть побольше его корабля, но с массой, превышающей десяток солнечных. Всего лишь крошечная запятая, такая невинная на фоне звезд. При этом Хенк знал, что протозид их *видит*. Он знал, что протозид их *чувствует*. А это означало, что корабль Хенка сейчас одновременно видят и чувствуют *все* протозиды, на каком бы расстоянии они ни находились. Разве руки Хенка не чувствовали бы опасности, защеми он ногу капканом?

– Одиночный протозид никому не опасен, – хмуро заметил Хенк.

И уточнил:

– Никому и никогда.

И опять спросил:

– Кто может отдать приказ об уничтожении пусть неродственного нам, но разумного существа?

– Межзвездное сообщество, – сухо, но твердо ответил Петр Чельшев. – Межзвездное сообщество существует давно, и я никогда не слышал о его ошибках.

– Это одиночный протозид, – подчеркнул Хенк. – Охота на него лишь оттолкнет от нас всех других протозидов. Да, конечно, я знаю, они не ищут дружбы с нами, но они ведь *другие*, Петр.

– Сочувствую, Хенк.

Тяжелое молчание залило штурманскую обсерваторию «Лайман альфы».

Случайные звезды, входя в поле обзора, слепили глаза, Хенк тут же стирал их изображение разрядчиком. Теперь уже на всех экранах отчетливо определилась массивная запятая протозиды. Протозид плыл в пространстве, одинокий, как космос. С невольной завистью Хенк ощутил, как жгут сейчас эту темную запятую бешеные лучи квазара, как мощно всасывает он в себя каждую случайную пылинку, этот разумный, но замкнутый на себя организм. Кто они – протозиды? Почему он, Хенк, землянин, не может думать о протозидыдах как о врагах?

У Хенка закружилась голова, колющая боль ударила под лопатку.

Он почти вспомнил!.. Но что, что?.. Он тут же пришел

в себя. «Ладно... Я к этому еще вернусь». Сейчас он хотел одного – не нанести вреда протозиду. Он искал выход. Он верил, что протозид тоже никому не хочет беды. Медлительный путь протозида к квазару Шансон никому не грозил опасностью. Хенк не хотел, чтобы протозид был уничтожен. Уткнувшись в экран, он просчитывал самые невероятные варианты.

– Пристегнитесь, – приказал он Охотникам, пересаживаясь в кресло дистанционного Преобразователя.

И постучал пальцем по панели.

– Я готова, – не сразу, но откликнулась Шу.

Казалось, она чувствовала состояние Хенка.

Впрочем, так это и было. А может, ее смущали гости.

Хенк тронул ногой педаль дальнегомера, и протозид сразу приблизился, заняв собой весь экран. «Три градуса... Четыре... Пять...» – размеренно считывала Шу. Тогда Хенк развел сферу охвата, и силуэт протозида сразу полностью вошел в круг, вычерченный локаторами. Координатная сеть Преобразователя туго оплела массивную запятую, осталось лишь нажать на рычаг разрядника, но Хенк медлил. Была крошечная надежда на то, что протозид поймет, почувствует смертельную опасность и мгновенно сместит себя в совершенно иное пространство. Он это мог. Но молчаливая запятая ко всему и ко всем оставалась равнодушной. Она видела «Лайман альфу», но не испытывала к ней никакого интереса.

– Чего ты тянешь? – не выдержал Чельшев. – Переключай

генераторы на гравитационную пушку.

– На борту «Лайман альфы» нет пушек, – произнес Хенк не без тайного удовлетворения.

– Как нет? – удивился Челышев.

Хенк усмехнулся. Он вовремя вспомнил древнее, как протозид, слово:

– Я не пират.

– Как же ты собираешься... воздействовать?

– Для хода на досветовых скоростях «Лайман альфа» оборудована противометеорной защитой.

– Ты говоришь об этом не очень уверенно.

– Это потому, что мне не по душе ваш приказ.

– Это приказ Земли, Хенк!

– Пусть так. Мне он все равно не по душе.

Хенк солгал Челышеву и Хархаду. На борту «Лайман альфы» действительно не было гравитационных пушек, но на ее борту не было и никакой противометеоритной защиты. На «Лайман альфе» стоял самый настоящий Преобразователь. Не стандартная машина Конечных станций, умеющая арианца или неуклюжего обитателя системы Гинапс одеть в квазичеловеческую плоть, а мощный прибор, рассчитанный вообще на любую форму. Хенк радовался, что не успел зарегистрировать Преобразователь на Симме. Теперь, благодаря этому, он нашел выход.

– Пора! – потребовал Челышев.

Хенк, содрогнувшись, нажал на рычаг разрядника.

Они не отрывали глаз от экранов. Протозид, темный и равнодушный, все так же висел в тугой координатной сети. Казалось, он ничего не почувствовал. Но конечно, так лишь казалось. Он, Хенк, знал, что пусть на долю секунды, на ничтожную, почти неощутимую долю, но этот темный, ни на что не реагирующий организм все равно должен был содрогнуться от ужаса разрушения. И тот же ужас разрушения («Преобразования», – поправил себя Хенк) в ту же долю секунды испытал каждый другой протозид (*все протозиды*), как бы далеко он ни находился.

«Все протозиды знают, что это сделал я», – ужаснулся Хенк.

И в этот момент протозид исчез. На том месте, где он только что находился, разматываясь, как смерч, вверх и вниз от «Лайман альфы» расплывалась чудовищная пылевая туча, чудовищный черный шлейф, перекрывший мерцание редких звезд, чудовищный траурный свиток, развернутый его, Хенка, руками.

– Дельная работа, – одобрил Чельшев.

– Что дальше? – сухо поинтересовался Хенк.

– Дальше – Симма, – с облегчением кивнул Чельшев. – У тебя в запасе двое суток, Хенк. Отдохни, посети Аквариум, посмотри на этого оффиухца. Ты ведь знаешь о его выступлении. Захочешь, заглядывай к нам. В наших комнатах все как на Земле. Вне работы мы просто земляне.

Хенк промолчал.

– Мы делаем общее дело.

Хенк не ответил. Он отключил экраны и передал управление Шу. Уже полчаса он не слышал от нее ни слова. Она, конечно, сердилась, но при этом только она понимала, что он провел Охотников. Они ничего не знали о Преобразователе «Лайман альфы», они считали, что Хенк разнес протозид на атомы. В принципе, так оно и было, только каждый атом пылевой тучи, в которую превратился протозид, и сейчас был строго определен в пространстве. Это со стороны протозид выглядел нейтральной тучей, бессмысленным темным облаком, заставшим полнеба, – на самом деле это облако оставалось живым. Медлительное, бесформенное, оно продолжало осознавать себя протозидом, и он, Хенк, верил, что рано или поздно вернет ему первоначальный вид.

Настроение Хенка медленно улучшалось.

Он выполнил приказ Земли, ведь он оставался землянином.

Но он не уничтожил протозид, ибо, как всякий землянин, чтит Свод, созданный для всего разумного в космосе.

7

«Все! – сказал себе Хенк, подставляя голые плечи под тугие струи воды. – Больше я не выполню никаких приказов. Протозид распылен, это ошибка. Я обязан сообщить об этом на Землю».

Он вспомнил брата.

Роули обожал безумные проекты.

Мечтой Роули была мгновенная всекосмическая связь.

Как на возможное будущее такой связи он указывал на протозид.

Когда-нибудь по собственной воле протозиды расселятся по всем Крайним секторам. Все известное протозиду, находящемуся на одном краю Вселенной, мгновенно становится известно другому протозиду, находящемуся совсем на другом краю. Если протозиды войдут в Межзвездное сообщество, незачем станет гонять из конца в конец дорогостоящие тахионные ракеты, забрасывать пространство радиобуями, платить цветочникам только за то, скажем, что однажды ему, разведчику Роули, захочется поговорить с братом.

– Шу, – потребовал Хенк по внешнему инфору, – мне необходим кристалл «Протозиды».

– Запись «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

Ответ Шу прозвучал в высшей степени категорично, и Хенк не стал спорить.

Пусть так. Не отключая связи, Хенк мерял шагами свою комнату на Симме. Экран инфора светился, по нему пробежали мутные светлые и темные полосы, они бесконечно таяли и бесконечно возникали, оставаясь все теми же полосами. Собственно, подумал Хенк, это и есть портрет Шу.

– Сегодня в Аквариуме оберон с Оффихуха.

– Советуешь посмотреть?

– Конечно.

Хенк вздохнул.

Он отчетливо ощущал свою зависимость от некоторых тайных решений Шу.

Иногда это его раздражало. И все же он никогда не противился этой зависимости.

8

Аквариум оказался не так велик, как представлялось Хенку.

Овальный зал, поверху – галерея, внизу три стрельчатых узких входа.

В соседней с Хенком ложе располагалась целая семья: две женщины, пятеро мужчин и семь или восемь мелких отпрысков с желтоватыми, как тыквы, лысыми головами. По вялым их движениям Хенк сразу признал арианцев, естественно прошедших через Преобразователь. Потомки одной из некогда самых агрессивных рас, арианцы никогда не питали особых симпатий к Преобразователю. Собственные тела, как бы странно они ни выглядели, устраивали их больше всего, и необходимость рядиться в чужое тело их угнетала. Вот они бы ни на секунду не пожалели протозида, подумал Хенк. Но это ладно. Время терпит. Скоро он будет на Земле. Скоро он скажет все, что думает о протозидах и об Охотниках.

Он откинулся на спинку кресла.

Было приятно думать о возвращении.

До объекта 5С 16 он дойдет на тахионной тяге. А там...

Хенк мысленно представил длинную цепочку звезд, свернувшуюся на карте, как змей из древних легенд, – созвездие Гидры. Это уже Внутренняя зона. Там, на одной из планет звезды Альфард, он проторчит месяца три. Но это тоже не страшно. В сущности, звезда Альфард – преддверие Земли.

В центре Аквариума вспыхнул свет.

Свет становился все ярче. Он ширился, он медленно, но сильно заполнял Аквариум, как гигантский лучащийся пузырь. Впрочем, это и был пузырь – мощного силового поля. Очень скоро он занял весь центр зала, и алые, без перепадов тона, медленно перешли в более спокойные оранжевые.

Белый...

Желтый...

Ослепительно-голубой...

Исполнялся цветовой звездный гимн Рессела-Кнута, давно вошедший в опознавательную окраску всех кораблей Межзвездного сообщества.

И этот свет становился все нежней и нежней... он расслаивался... он медленно плыл в своей замкнутой сфере... и в нем, ни на секунду не смешиваясь, вспыхивали яркие фиолетовые искры и точки, разворачивались голубоватые сполохи – бесконечный рассвет над безмерными океанами Оффиха...

Хенк невольно привстал.

Его переполнил настоящий восторг.

Ему самому захотелось всплыть, зависнуть над силовым шаром невидимого, воплотившегося в свет оффиухца. Его останавливали лишь редкие зрители на галереях и в ложах. К тому же парение могло не понравиться арианцам.

А в силовом пузыре, заполненном нежным сиянием, уже металась странная смутная тень, которая не могла быть даже тенью, такой легкой она была, и, оглянувшись, Хенк увидел, как просветлели даже лица арианцев.

На мгновение Хенка захватила острая, пронзительная тоска.

Он опять был грандиозным облаком. Звездный ветер гнал его бесформенное тело в сторону от квазара Шансон, прямо к Стене, в мрак, в бездонную тьму, в ничто. Звездный ветер вырывал из него мириады атомов, но он, счастливое пылевое облако Хенк, тут же восполнял потери за счет рассеянной межзвездной пыли. Он был туманностью, небулой, рассасывающейся в крошечном пространстве; и такой же туманностью, такой же нежной небулой казалась ему тень оффиухца – бесконечно длящийся взрыв непостижимо добрых лучей, заставляющий его вновь и вновь переживать счастливую уверенность в вечности звезд, в вечности всего разумного.

Потом оффиухец развернулся в широкий линейный спектр.

Но это был не просто спектр. Нет, конечно нет. Хенк не

один час провел над камерой спектрографа, он видел тысячи самых разнообразных световых линий в тысячах самых разнообразных сочетаний, но сейчас перед ним разворачивался и сиял некий символ *живого*.

Хенк застыл в восхищении.

Он никогда не бывал на планете оффиухца.

Но теперь он знал, что планета оффиухца – не худшее место в космосе.

И вдруг услышал испуганное восклицание. Ах да, арианцы! Хенк незамедлительно упал в кресло. Он и завис-то над ним на какую-то секунду, но арианцы успели это заметить. Его странный поступок испугал и возмутил их. Им нравился оффиухец, но они не хотели больше оставаться в зале.

Хенк молча проводил арианцев взглядом.

Они испугались! Они испугались *его*! Почему?

Ну да, он забылся. Его нелепые звездные привычки многим могли показаться дикими. Но в них не было ничего намеренного. Он тоже встал. Кажется, на Симме ему не везет. Что ж, тем с большим удовлетворением он скоро стартует к Земле.

9

И вторая ночь оказалась для Хенка нелегкой.

Он почти не спал, но странно – к диспетчеру явился отдохнувшим.

Диспетчер сидел перед огромным экраном Расчетчика, внимательно следя за нескончаемыми пляшущими перед ним рядами цифр. Рядом с диспетчером примостился Петр Чельшев. Увидев Хенка, Охотник поднял голову, и в его глазах мелькнуло недоумение.

– Я пришел за картами, – сообщил Хенк.

Диспетчер, не оборачиваясь, ткнул пальцем в одну из клавиш, и на пороге внутренней двери появился робот, выполненный в типичном для Симмы квазичеловеческом стиле. Над широкими металлическими плечами робота торчала сферическая антенна, это еще больше делало его похожим на человека. «Универсал, – оценил модель Хенк. – Таких можно использовать в любом качестве – от обыкновенного мусорщика до личного секретаря».

– Подожди...

Диспетчер и Чельшев, как зачарованные, снова устали на ряды и колонки цифр, стремительно сменяющиеся на экране Расчетчика. Цифры возникали, роились, теряли знаки, взаимно уничтожались – бесконечная безумная пляска, совершенно неожиданно закончившаяся нулем.

Просто нулем!

Хенк невольно удивился: как мог оказаться равным нулю столь долгий и громоздкий ряд цифр?

Удивился он вслух.

– Нас это тоже интересует, – раздраженно заметил диспетчер. – Однажды я даже слышал о чем-то подобном, – он по-

смотрел на Чельшева, – но сам никогда ни с чем таким не сталкивался.

И спросил:

– Повторить, Петр?

– Сколько можно! – Охотник хмуро откинулся на спинку кресла. – Впрочем, повтори.

– Послушайте, – нетерпеливо сказал Хенк. – Я пришел за своими картами. Не хочется терять время. Чем быстрее я стартую с Симмы, тем приятнее останутся мои воспоминания о ней. Оставьте в покое свой Расчетчик. Разве это имеет отношение к «Лайман альфе» и к моим картам?

– Имеет! – жестко отрезал Чельшев.

Цифры опять крутились на огромном ярком экране, как облачный оффиухец в силовом пузыре. Цифры неслись по экрану, как затейливые цветные гребешки волн по поверхности океана Бюрге. Хенк невольно пожалел Охотника-диспетчера: через несколько часов он, Хенк, стартует, а им еще неизвестно, сколько оставаться на этой мелкой планетке. «Надо еще успеть зайти в бар, – вспомнил он. – Бармен Люке обещал найти для Шу шляпу».

– Хенк, – вдруг спросил Чельшев, – почему ты так неохотно выполнял приказ Земли? Почему нам пришлось уговаривать тебя?

– Я чту Свод.

– Это главное?

Хенк вызывающе глянул на Охотника:

– Одиночные протозиды никому не опасны.

– Не так уж он одинок, как ты думаешь, – буркнул, не оборачиваясь, диспетчер.

– Да?

Чельшев усмехнулся.

В его усмешке не было ничего угрожающего, но по спине Хенка пробежал холодок.

Впрочем, он тут же отдал должное Чельшеву – Охотник умел объяснять кратко. Протозид, которого Хенк считал одиночным, на самом деле был одним из многих, вдруг устремившихся в сторону квазара Шансон. По сообщениям арианцев и цветочников, именно так всегда начинались зафиксированные в их истории вторжения к звездам, выбранным протозидами для уничтожения. Из равнодушных, ничем не интересующихся существ протозиды мгновенно превратились в грозный очаг опасности.

– Эти данные подтверждены?

– Разумеется.

– Но что они означают?

Хенк все еще не понимал Охотника.

Но Охотник ничем не хотел помочь Хенку.

И Хенк догадался. Сам догадался, двух мнений тут быть не могло.

Даже одиночный протозид обладает чудовищной массой, а огромное скопление подобных существ, если они действительно приблизятся к квазару, может вызвать космический

невообразимый по силе взрыв, который затопит океаном раскаленной плазмы весь Крайний сектор. Цветочники, арианцы, океан Бюрге – они уже сейчас должны думать о защите (если такая защита существовала). Древние мифы обитателей Нетипичной зоны, круто замешанные на ненависти к протозидам, предстали теперь пред Хенком совсем в ином свете.

– И это еще не все, Хенк. Протокиды активизировались не только в нашем секторе.

Хенк понял Охотника и ужаснулся. Он ужаснулся даже не тому, что многие миры могли погибнуть в свирепом космическом шторме, он ужаснулся тону Чельшева – жесткому, четкому, за которым угадывалось некое решение.

– Вы решили уничтожать протозид? Вот так? Поодиночке?

– У нас нет выбора, Хенк. Если они приблизятся к квазару, спасти будет некого. Несколько биосуток – вот, видимо, все отпущенное нам время. За эти несколько биосуток мы должны рассеять скопления протозид, лишить эти скопления критической массы. Той самой массы, которая может привести к взрыву квазара.

Диспетчер, слушая Чельшева, раздраженно кивнул.

Он не понимал, что, собственно, неясно Хенку.

– И мы будем уничтожать протозид поодиночке? Вызовем весь тахионный флот цветочников и арианцев? Ударим по безответным протозидам из гравитационных пушек? Будем

отсекать и уничтожать жизненно необходимые части коллективного разумного организма? И в течение последующих миллионов лет будем сосуществовать рядом с этими калеками?

– Почему ты так горячишься? – раздраженно прервал Хенка диспетчер. – У тебя есть иное предложение?

– Пока нет.

Хенк задохнулся:

– Пока нет. Но какой-то выход должен существовать. Ведь протозиды разумны. Вдумайтесь: они разумны. Просто они не хотят иметь с нами дело. И, как всякая разумная раса, они равны перед любой другой. В том, что мы не можем понять друг друга, виноваты не только они. В конце концов, все ли мы сами сделали, чтобы понять друг друга?

– А они? – взорвался Челышев. – Что они сделали? Вся история протозид – это история разумных миров, гибнущих в огне. Сплошные костры миров! Цветочники, земляне, арианцы, океан Бюрге – разве все мы не пытались вместе и врозь найти общий язык с протозидами? Мы поставляли им межзвездную пыль, окружали сигнальными и охранными радиобуями, засылали к ним отдельных Поисковиков. Ты сам, Хенк, явился из сектора, занятого протозидами, но что ты принес нового? Чем ты можешь помочь нашим друзьям, тем же арианцам, цветочникам, океану Бюрге?

– Свяжите меня с Землей, – потребовал Хенк.

– С Землей?

Хенку показалось, что оба они – и Чельшев, и диспетчер – обернулись к нему со странным любопытством.

– Мы не можем тебя связать с Землей, Хенк.

– Почему? – спросил он, уже не скрывая бешенства.

Диспетчер молча указал на экран Расчетчика. Сумасшедшая пляска цифр вновь погасла, и на экране появился тот же нуль. Все тот же нуль. Он походил на одиночного протозоида.

– Что это означает? – спросил Хенк.

– Это означает, Хенк, – медленно ответил Охотник, – что переданные тобой данные не позволяют Расчетчику начертить твой последующий путь к Земле. Это означает, Хенк, что курс, рассчитанный по твоим данным, не может привести тебя ни к Земле, ни к какой другой населенной планете, входящей в Межзвездное сообщество.

Хенк все еще не понимал.

Тогда диспетчер отключил Расчетчик.

– Путь к Земле, Хенк, – медленно произнес он, – мы рассчитываем только для землян и для членов Межзвездного сообщества. Все остальные допускаются лишь до границ Внутренней зоны.

– Только для землян? – возмутился Хенк. – Что вы хотите этим сказать? Я не землянин? Кто же я?

– Для этого мы и собрались, Хенк, – так же медленно закончил диспетчер. – Согласись, я не могу не верить Расчетчику. А ответ, каким бы странным он ни оказался, будет важен не только для тебя, Хенк. Да, не только для тебя, Хенк.

Мы, Хенк, тоже полны любопытства.

10

Не землянин!

Хенк ошеломленно уставился на Чельшева.

Он, Хенк, не землянин! Что за бред? Он же помнит себя, он помнит Землю, он помнит своих друзей, свой дом, учителей и учеников. Хенк почти кричал. Он даже потребовал повторить расчеты.

– Это ничего не даст, – устало сказал диспетчер. – Расчетчик не ошибается. Я как-то слышал о такой ошибке, но, скорее всего, это анекдот.

– Не будь я собой, – возразил Хенк, – разве я не ощущал бы этого?

– А ты не ощущаешь?

Они замолчали.

Хенк выдохся. Он вдруг понял, как нелегко сидящим перед ним людям.

Он собрался с силами и сумел поставить себя на их место. Они правы: у них нет резона ему доверять. Он пришел из Нетипичной зоны, данные, предоставленные им, дают странные результаты. Что они должны думать? Они просто обязаны докопаться до ответа на вопрос: кто он – Хенк?

Этот же вопрос задал Чельшев.

Улыбка у него получилась мрачноватая.

– Ты ведь позволишь порыться в твоей памяти, Хенк?

Четверть часа назад даже намек на такое вызвал бы в Хенке ярость.

Но сейчас он только кивнул. Почему бы и нет? Если его *обманули* (он не нашел в себе смелости сказать – *подменили*), он сам хотел знать – где? кто? когда? с какой целью? И лишь сейчас он понял назначение робота, все еще стоявшего на пороге.

– Это Иаков, – пояснил Охотник. – Не знаю, почему он назван так, не интересовался. Но знаю, что он свободно ориентируется в любой лжи.

– Иаков! – приказал он. – Займи место в лаборатории.

Лаборатория оказалась просторной и почти пустой комнатой.

На темной, ничем не украшенной стене мерцало несколько больших экранов, в углу светился пульт, на стеллаже – ворох датчиков. Еще один угол занимала массивная тумба самописцев.

Оплетая голову Хенка змеями датчиков, диспетчер предупредил:

– Здесь прохладно, Хенк, но тебе придется снять рубашку...

И замолчал, увидев шрам, изуродовавший спину Хенка.

Легко, одним пальцем, он коснулся ужасной, уходящей под левую лопатку вмятины:

– Где тебя так?

– Не все ли равно?

– Не все равно! – резко вмешался Чельшев. – Мы не задаем пустых вопросов.

– Под объектом 5С 16.

– 5С 16? – Чельшев вспомнил. – Там твоя «Лайман альфа» попала в аварию? Об этом есть запись в бортовом журнале?

– Разумеется.

Тон, каким Хенк это произнес, не мог оживить беседу, но Чельшев настаивал:

– Такой удар должен был разорвать тебя на части, Хенк. Подозреваю, как нелегко было снова собрать тебя.

– Шу все умеет.

Из-под пера самописцев поползли испещренные непонятными знаками ленты. Попискивала, скользя, координатная рама. Где-то искрил контакт – пахло озоном. Хенка неумолимо клонило в сон.

– Не спи, Хенк, – громко предупредил Чельшев, просматривая ленту. – Тебе нельзя спать.

Хенк услышал удивленное восклицание Чельшева:

– На «Лайман альфе» стоит Преобразователь?!

– Что в этом странного?

– Преобразователями снабжены лишь Конечные станции. Почему ты не зарегистрировал свой Преобразователь на Симме?

– Я радовался возвращению. Да и вы сбили меня с толку

этой охотой.

– Все еще жалеешь протозида, а, Хенк?

– Жалею.

– Не напрягайся, – попросил диспетчер. – И помолчи.

– Мне холодно.

– Полчаса потерпишь.

– Хорошо, потерплю, а потом?

– А потом отдохай. Мы постараемся помочь тебе.

– Я хочу вернуться на «Лайман альфу».

– А вот этого делать не надо. Отдохни от своего корабля, Хенк.

11

Хенк выбрал бар.

Не лучшее место для размышлений.

Но сидеть в пустой комнате перед экраном отключенного инфора было просто тошно. «Если Ханс окажется в баре, – загадал про себя Хенк, – значит все выяснится быстро».

Звездный перегонщик оказался в баре.

– Я всегда здесь, – объяснил Ханс, быстро шевеля плоскими губами. – Если жарко, ищу прохлады; если холодно, ищу тепла. Если бы не дела, – неопределенно закончил он, – я бы давно покинул Симму.

В настоящее время Ханс, по-видимому, мерз.

Не прерывая своих сетований (эти проклятые протози-

ды!), он порывлся в тайниках климатической панели, и прозрачные стены бара, потускнев, медленно уступили место душному тропическому лесу. Хенк сидел все за той же стойкой, но вокруг дрожало гнусное марево, лениво клубились влажные испарения. Мангры, а может, другая какая гадость – когтистые, волосатые корешки, – мертво нависали над запотевшей стойкой, у ног бармена тускло отсвечивала плоская темная лужа. Он хмыкнул и опасно заглянул под стойку.

– В прошлый раз, – упрекнул бармен Ханса, – из-под стойки выполз здоровущий кайман. Ты осторожней, Ханс. Кайман, конечно, бесплотен, но на нервы действует.

– Это жизнь, – поджал губы перегонщик.

– То, что ты создаешь, Ханс, никто не назовет жизнью. Нежить, призраки, так будет точнее. – Бармен лениво сплунул под стойку в плоскую темную лужу. – Впрочем, развлекайся. Имеешь право.

Где-то невдалеке над душными зарослями взлетела, шипя, красная сигнальная ракета.

– Готовь титучай, Люке, – хмыкнул Ханс. – Если я прав, сейчас сюда вылезет вся вчерашняя свора.

– Вот чего не хватало, – пожаловался Люке. – Призраки призраками, а грязь на ногах понанесут настоящую, и счет их у нас недействителен.

– Зачем вам все это? – хмуро спросил Хенк.

Ханс медленно обвел взглядом джунгли:

– Как на Земле. Правда?

– Земля давно не такая.

Ханс, казалось, не слышал.

Он теперь завелся на всю катушку.

Он задавал Хенку глупейшие вопросы и сам же отвечал на них, нудно при этом поясняя, что именно так Хенк ему бы и ответил.

– Пока мы контролируем Крайние секторы, – нудно утверждал он, – влияние нашего Межзвездного сообщества практически безгранично. И когда наконец мы ликвидируем всех этих паскудных протозид, Хенк, мы поставим жирную точку.

– Чем они вам так насолили, эти протозиды?

– Ханс многие годы поставляет пылевые облака в район Тарапы-двенадцать, – пояснил за Ханса бармен. – Пылевые облака, если я не ошибаюсь, единственная жратва протозид. По крайней мере, от пыли они не отказываются. К тому же облака эти – единственное, на что они обращают внимание. А Ханс – фанатик. Он умеет делать свое дело. Он многие годы живет работой звездного перегонщика. Он лучший перегонщик всего этого сектора. Никто быстрее, чем он, не может распотрошить и перегнуть на сотню световых лет настоящую глобулу – пылевую туманность. И вдруг эти твари... – Бармен недоброжелательно покосился на Хенка. – И вдруг эти протозиды бросают все и начинают куда-то уходить. Они перестают жрать прекрасную темную пыль, которой нагнал им Ханс. Они куда-то уходят, будто там будет лучше. Мне-

то на протозид наплевать, но вот у Ханса на подходе к Тарапе-двенадцать застряло сейчас шикарное пылевое облако на десяток световых лет. Если его не пожрут протозиды, а, похоже, они этого не сделают, Ханса оштрафует звездный Патруль. – Люке не смог скрыть усмешку. – За умышленное засорение Нетипичной зоны.

– Но ведь Ханс выполняет задание Земли.

– Все так. Но Ханс – профессионал. Он классный перегонщик. Он должен предугадывать действия своих клиентов. Классный перегонщик, – пояснил Люке, – должен уметь предугадывать такие сбои.

– Как можно предугадать действия протозид?

– Не знаю. – Люке снова наполнил чашки. – Когда однажды протозиды направились под Формаут, некто Людвиг сумел такое предугадать. Извини, Ханс, – повернулся он к перегонщику, – я ведь говорю правду?

– Проклятые протозиды!

– Ты должен понять, – еще обстоятельнее пустился в объяснения Люке, наливая Хенку. – Ханс пригнал этим тварям огромное пылевое облако, а они вдруг ушли! Он старался как можно быстрее пригнать им это облако, а они его подвели!

– Ты слушай нас. Хенк – свой парень, – сообщил Люке перегонщику. – Он все понимает!

– Вижу, вижу, – вдруг расчувствовался Ханс. – Таких парней, как Хенк, я чувствую сразу. И на этом стою, Хенк! Слы-

шишь, Хенк? Ты мне нравишься! Позволь, я поцелую тебя!

Плоские щучьи губы Ханса впрямь дотянулись до щеки Хенка.

Заунывно орала в джунглях какая-то птица, вдали взлетали и гасли ракеты. Призраки-путешественники, созданные воспаленным воображением Ханса, кажется, совсем сбились с пути.

– Я рад, Хенк, что ты так легко схватываешь любую проблему, – радовался звездный перегонщик. – Я рад, Хенк, что мы с тобой сидим посреди настоящего болота, как на настоящей Земле, и обсуждаем поведение этих тварей. Завтра утром, Хенк, я проснусь и сразу вспомню, как поцеловал тебя...

– ...«и меня вырвет!» – негромко, но слышно закончил за Ханса Люке.

Они засмеялись, но Хенку опять стало не по себе. Знай Ханс о том, что случилось с ним, с Хенком, у диспетчера, он вряд ли полез бы целоваться, особенно при его нелюбви к протозидам.

«Кто я? Вдруг протозид?»

Мысль вздорная, но почему нет? Разве он не пожалел приговоренного к уничтожению протозида? Разве он не оспаривал приказ Земли? Разве он не обманул Охотников? Ведь превращенного в пылевое облако протозида в любой момент можно вернуть в обычное состояние. Вот и спрашивается: почему он так поступил?

Хенк задумался. Ни Чельшев, ни Ханс так не поступили бы.

Это точно. Не поступили бы. Он внимательно прислушивался к своим ощущениям, он внимательно искал в себе что-то такое, что подало бы ему пусть не сигнал – пусть намек на такой сигнал. Но что? Что следовало искать?

Он не знал. Собственная память ничем не могла ему помочь.

Но Хенк упорно искал. Он понимал: надо сейчас, именно сейчас и очень сильно всколыхнуть, взорвать привычные связки памяти, чтобы из взбаламученного, засоренного мелочами смутного месива медленно поднялась, обнаруживая себя, какая-нибудь чужая начинка.

«Что за бред?»

А бармен опять жаловался:

– Москиты! Ханс, я запретил тебе создавать москитов.

– Они не кусаются, – фыркнул Ханс, не допуская раздраженного бармена к климатической панели. – Зато Хенку нравится. Пусть кусаются на здоровье, это бодрит. Москиты хорошо действуют на нервы. Правда, Хенк, эти москиты хорошо действуют на нервы?

Хенк кивнул.

«Ум не снабжен врожденными идеями, как когда-то считали древние философы. Самый мощный компьютер не вместит в своей памяти все то, что помнит о кухне собственного дома самый обыкновенный земной ребенок: обстановку в

ней, какие и где лежат вещи, что и когда может упасть, а что лучше вообще не трогать. Память не организуется ни в алфавитном, ни в цифровом, ни в каком-то сюжетном порядке, она извлекает свое содержимое путями поистине неисповедимыми, и если я, Хенк, надеюсь на случай, этот случай надо создать...»

Дотянувшись до инфора, Хенк вызвал диспетчерскую.

– Где это ты, Хенк? – удивился с экрана Чельшев. Кажется, он мало что видел из-за густых, отовсюду плывущих испарений.

Ханс перегнулся через плечо Хенка:

– Охотник?

– Ага, я понял, – усмехнулся Чельшев. – Ты в баре.

Хенк кивнул. И не удержался:

– Что вам еще выдал Иаков, Петр?

– Ничего. Пусто! – Чельшев выразительно щелкнул пальцами. – Ты, Хенк, наверное, раскачиваешь сейчас свою память, думаешь, что умнее всех и умнее Иакова. Я угадал? Ну так не мучайся, ничего у тебя не получится. На каком-то уровне память, которую мы исследовали... Твоя память... Она оказалась с пустотами... Множественные лакуны... Такое впечатление, что из твоей памяти выстрижены целые куски.

От Чельшева Хенк не ждал утешений. «Не арианец, не цветочник, не землянин... Охотник прав... Мною нужно заниматься серьезно...»

– Значит, вы не сдвинулись ни на йоту?

Он вдруг ощутил непонятное ему самому удовлетворение.

– Именно так, Хенк. Ни на йоту.

– А может, как раз это и подтверждает, что тут нет особых проблем? – Надежда вспыхнула в Хенке ярче ракеты, взорвавшейся прямо в кроне дерева, наклонившегося над стойкой.

– Нет, не означает, – сухо ответил Чельшев. – Проблема есть. Очень древняя проблема, Хенк.

– Что ты имеешь в виду?

– Проблема гомункулуса, Хенк. Помнишь об этом?

Охотник не мог высказаться яснее. Да, гомункулус. Когда-то этим термином философы древней Земли обозначали крошечного гипотетического человечка, якобы существующего в каждом из нас, – ошибка, в которую весьма легко можно впасть. Разве не так? Спросите любого: *как он видит? Как воспринимает окружающий мир?* Увидите, практически все ответят, нимало не смущаясь: «Ну как видим... где-то в голове у нас есть, наверное, что-то вроде маленького телевизора...»

Но кто смотрит в камеру этого телевизора?

– Послушайте, Петр, – сказал Хенк. – Я требую связать меня с Землей.

– Мы уже отправили официальный запрос.

«Вот так... Они всё учли...»

Хенк вяло помахал рукой:

– Ладно. Тогда до встречи.

Бармен Люке и звездный перегонщик Ханс ничего не поняли в беседе Охотника и Хенка, но перегонщик хмыкнул недружелюбно:

– Что надо от тебя Охотнику?

– Ты и Охотников не любишь?

– А что их любить? Есть верная примета, – усмехнулся Ханс. – Там, где появились Охотники, непременно жди неприятностей.

– Еще титучай! – потребовал Хенк, но тут же отменил заказ. – Как мне добраться до двери? – Он ничего не видел в тумане.

– Шлепай прямо по лужам, мимо дверей не промахнешься, – посоветовал бармен. – Все это призраки, Хенк. Иди прямо. В определенном смысле, Хенк, все мы – призраки. Правда?

Хенк молча пошлепал прямо по лужам, по жидкой грязи, в которой корчились какие-то мерзкие отростки, пузырилась теплая вода. Мутный воздух отдавал тлением. Рядом дрогнула, отклонилась заляпанная эпифитами ветвь, в образовавшуюся дыру глянули сумасшедшие глаза. «Я ищу людей! – услышал Хенк горячечный шепот. – Мне нужны люди!»

Хенк выругался.

Он ничего не хотел слышать о людях.

Он даже не знал, кто он сам. Он чувствовал, что заблуд-

дился.

12

За время работ в Нетипичной зоне Хенк привык оперировать миллиардами лет. Он привык думать, что какой-то запас времени у него всегда есть. Теперь никакого запаса у него не было. Он шел, не зная, не понимая, куда идет, пока не уткнулся в прозрачную стену силовой защиты.

Он поискал выход.

Выход нашелся – прямо на космодром.

Хенк издали увидел исполинское тело своей «Лайман альфы» с рогоподобным выступом в носовой части. «Там Шу», – обрадовался Хенк. Смирив себя, медленным прогулочным шагом двинулся к «Лайман альфе». Охотник запретил ему посещать корабль, но Хенк не хотел подчиняться Чельшеву.

Брюхо «Лайман альфы» нависло над ним, как небо.

Хенк подал сигнал, и люки открылись.

«Понятно, почему меня не остановили».

С «Лайман альфы» был снят курсоркладчик.

– Были гости? – спросил он.

– Да, – ответила Шу, и Хенк готов был поклясться, что голос ее дрогнул.

– Мы задерживаемся.

– Надолго?

Хенк не ответил.

Он тяжело опустился в кресло, и оно сразу приняло под ним максимально удобную форму. Слева от Хенка выдвинулся планшетный столик. Сейчас на нем стоял высокий бокал. В прозрачной воде плавали кусочки льда. От бокала несло холодком одиночества. Поежившись, Хенк пригубил зашипевшую на языке воду.

– Шу, – сказал он, – мы влипли в историю.

– Я знаю.

Странно, но она не требовала объяснений.

– Как ты можешь знать... – начал он, но Шу его перебила:

– Ты главный и единственный объект моего внимания,

Хенк.

– Значит, ты знаешь о том, что мне рассказал Чельшев?

– Конечно.

Хенк не знал, кто ставил модуляции Шу, но, несомненно, это был классный мастер.

– И ты... – начал он.

– Я все знаю. Я не могу чего-то не знать о тебе, Хенк. Ведь в некотором смысле ты – это я. Ты ведь это пришел узнать, правда?

Бокал выпал из разжавшихся пальцев Хенка, но не долетел до пола. Гибкий шуп, вырвавшийся из подлокотника, перехватил бокал прямо в падении и снова водрузил на столик.

– Зачем ты это сделала, Шу?

– Ты спросил. Я ответила.

– Нет, я о бокале.

– Ты хотел, чтобы он разбился?

– Да.

Планшетный столик резко дернулся, осколки стекла разлетелись по всему полу, но Хенк не ощутил никакого удовлетворения.

– Что означают твои слова, Шу? Ты же не хочешь сказать, что я всего лишь какая-то часть своего собственного бортового компьютера?

– И все же в определенном смысле это так, Хенк.

– Выходит, я даже не протозид? Выходит, я просто часть машины?

Он никогда не разговаривал с Шу таким тоном, и на этот раз она промолчала.

– Свяжи меня с Памятью, – попросил он.

Шу не ответила, но экраны штурманской обсерватории вспыхнули.

Хенк решил проследить весь проделанный им путь от Земли до квазара Шансон. Вряд ли это даст ответ на возникшие вопросы, но отдавать разгадку в руки диспетчера или Чельшева он не хотел.

...Туманный шар, условная модель расширяющейся Вселенной, вспыхнул прямо в центре штурманской обсерватории. Этот шар не был велик, но благодаря некоторым эффектам впечатление создавал безмерное. Взгляд не постигал его глубины, тонул в туманностях, лишь постепенно Хенк

различил размытые пятна отдельных галактик и выделил пульсирующую точку квазара Шансон. Мысленно он провел долгую дугу через созвездие Гидры, океан Бюрге, зону цветочников и арианцев, объект 5С 16. Он видел яркие маяки цефеид, ритмичные вспышки пульсаров. Он видел собственный корабль – упрямое серебристое веретено, пожирающее неистребимое вечное пространство. С жадным любопытством, как впервые, он всматривался во Вселенную, в этот гигантский садок, в котором вместо хвостатых рыб медленно шествовали фантастические кометы, не зарегистрированные ни в одном каталоге.

Объект 5С 16.

Безмерный шар Вселенной дрогнул.

Он подернулся серой дымкой и вновь прояснился.

Хенк увидел «Лайман альфу», снабженную рогом Преобразователя, и себя, вращающегося в пространстве. Он и Шу, они были одно целое. Он и Шу, они были одним громадным пылевым облаком. Он и Шу, они были единым гигантским пылевым организмом, их атомы перемешались друг с другом, и все равно Хенк и Шу оставались самими собой.

У Хенка закружилась голова.

Он ведь действительно принимал когда-то форму пылевого облака, одну из самых удобных рабочих форм в космосе; вид плывущего в пространстве облака не смущал и не пугал его, однако нервный холодок тронул спину.

Он чего-то там не уловил... скорее, не понял...

Стоп! Он вернул запись к началу. Наверное, где-то там...

Солнечная система... Созвездие Гидры... Океан Бюрге...

Зона цветочников и арианцев... Упрямое серебристое веретено «Лайман альфы»... Объект 5С 16... Безмерный шар Вселенной дрогнул, подернулся серой дымкой и вновь прояснился. Хенк снова увидел упрямое серебристое веретено «Лайман альфы», снабженное рогом Преобразователя, и вновь увидел себя – грандиозное счастливое пылевое облако, медленно вращающееся в пространстве...

– Шу! – крикнул он. – Выдели в отдельную серию и укрупни маршрут в зоне объекта 5С 16.

Шу не ответила.

– Шу! – крикнул он. – Дай запись маршрута через зону объекта 5С 16!

Шу не ответила.

– Шу! – Он даже привстал. – Где запись случившегося в зоне объекта 5С 16?

На этот раз он услышал ответ:

– Запись маршрута через зону объекта 5С 16 блокирована. Данная запись подлежит просмотру только на Земле.

– Кто заблокировал запись?

– Это сделала я.

– Но почему?

– Данная запись подлежит просмотру только на Земле.

– Что содержится в этой записи? Отвечай! Я хочу знать!

– Боль...

Хенк сжался.

Мгновенное, неясное, почти без памяти, ощущение, жесткое и краткое, как удар, ослепило его. Он не знал, что это, но чувствовал мертвый ужас. Рвущая мертвая бесконечная боль, не оставляющая никакой надежды. Она пронзила его насквозь. Хенк скорчился и закричал, сжимая скрюченными пальцами распухшие вдруг подлокотники кресла. Это длилось какую-то ничтожную долю секунды. Но Хенку хватило и этого. Он уже не хотел знать, что с ним случилось в зоне объекта 5С 16. Даже мимолетный намек на такое воспоминание лишал его воли. Уронив голову на планшетный столик, обессиленный и разбитый, он впал в небытие.

13

Очнувшись, он увидел перед собой Чельшева:

– Вы все видели, Петр?

– Да.

– Тем лучше. Не надо ничего объяснять.

– Что ты теперь намерен делать, Хенк?

– Требовать вылета на Землю.

– А тебя не тянет... Ну, скажем... Тебя не тянет в зону квазара Шансон?

– Не знаю... Нет, наверное, не тянет... – вяло ответил

Хенк и запоздало удивился: – Вы хотите выпустить меня в Нетипичную зону?

– Ни в коем случае, Хенк.

– Тогда к чему этот вопрос?

– Ты не понял?

– Нет.

Чельшев без всякого сочувствия уставился на него:

– Протозиды не входят в Межзвездное сообщество, Хенк, а мы здесь представляем именно Межзвездное сообщество. Твой глубинный интерес к протозидам...

Чельшев замолчал, потом спросил быстро:

– Хочешь, мы устроим тебе встречу с тем одиночным протозидом, на которого мы охотились?

– Каким образом?

– Не хитри, Хенк. Ты знаешь, о чем я говорю.

– С меня хватит загадок, Петр. Объясните.

– Но ведь тот одиночный протозид, Хенк... Ты ведь не убил его, правда?.. Преобразователь не убивает, Хенк. Это не его функция. Ты просто преобразовал протозида, придал ему иную форму, ведь так? Протозид жив, он продолжает существовать, и в любой момент его можно вернуть к активному состоянию... Почему ты не убил того протозида, Хенк?

– «Каждое разумное существо обладает всеми правами и свободами, провозглашенными настоящим Сводом... – бесстрастно процитировал Хенк. – Каждое разумное существо имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность... Никакое разумное существо не должно подвергаться насилию или унижающим его достоинство наказаниям»

ям... Каждое разумное существо, где бы оно ни находилось, имеет право на признание его правосубъектности...» Протозиды, Петр, разумные существа. На них распространяются все статьи Свода.

– Разумные? – Глаза Чельшева вспыхнули. – Но каковы их устремления? Каковы их цели? Есть ли у протозид вообще интерес к звездам, к межзвездной жизни, к конкретным соседям? Почему они уничтожают целые миры, ни на секунду не задумываясь о каком-то там Своде, сочиненном, ты прав, и для их пользы? Ты сам писал, Хенк, я ведь читал твои статьи, что вместе с цивилизацией приходит осознанное желание оставить о себе память для будущего. А протозиды? Что оставят после себя протозиды? Костры миров? Разрушенную Вселенную?

– Вселенная, Петр, – это такая большая штука, что ее трудно разрушить.

– Надеюсь. – Взгляд Чельшева несколько не смягчился. – Но Крайний сектор практически обречен.

– У нас есть еще какое-то время...

– У нас, – усмехнулся Чельшев. – У землян.

И добавил:

– К сожалению, Хенк, никакого времени практически нет больше ни у арианцев, ни у цветочников, ни у океана Бюрге.

– Послушайте, Петр, вы только что ссылались на одну из моих давних статей. Означает ли это, что вы получили ответ с Земли и там, на Земле, знают о моем возвращении?

– Да, Хенк, – жестко ответил Чельшев. – Получили. Но этот ответ крайне неутешителен для тебя.

– Почему?

– Тот Хенк, чье имя ты носишь, умер на Земле естественной смертью примерно двести пятьдесят лет тому назад по земному отсчету.

– Что вас в этом удивляет? – Хенку нелегко было говорить о себе в прошлом времени, но он справился с этим. – Все так и должно быть. Я *вернулся* с Симмы. Я *жил*. Потом *умер*. Все смертно, всё преходяще, Петр. Бессмертия не существует.

– Но тот Хенк, чье имя ты сейчас носишь, никогда не выходил за пределы Внутренней зоны.

– Как это может быть? – Сознание Хенка опять раздваивалось. – Я ведь помню себя, я помню брата. Я помню детство, помню свою статью, которую вы цитировали. В этой статье, кстати, было больше догадок, чем фактов, но все равно к этим догадкам приложил руку именно я!

Чельшев промолчал.

– Я – это я, Петр!

Голос Хенка сорвался. Он сам чувствовал неубедительность своих слов.

– А что мы должны думать, Хенк? Ты не выполнил приказ Охотников. Ты не уничтожил опасного протозоида. Ты насторожил арианцев в Аквариуме своим не принятым в Межзвездном сообществе поведением. Шрамы на твоём теле говорят о ранениях, несовместимых с жизнью, но ты жив.

«Лайман альфа» снабжена Преобразователем, а Преобразователи стоят пока что только на Конечных станциях, и никому в голову не приходит ставить их на отдельные корабли. Кроме того, Хенк, аналогов твоему Преобразователю нет ни у кого из членов Межзвездного сообщества. И еще... И это, может быть, главное... Ты совершенно свободно ориентируешься в биографии человека, который давным-давно умер, причем умер не в Крайнем секторе, а очень далеко отсюда, на Земле... И наконец, Хенк, твой собственный компьютер не выдает тебе твои же собственные записи... Почему?

– А о смысле жизни вы не хотите спросить, Петр?

– До этого мы дойдем сами. А вот узнать – *кто ты?* – это бы я хотел.

Хенк усмехнулся:

– Я тоже.

И сухо предупредил:

– Вам придется еще раз выйти на связь с Землей.

– Что на этот раз? – Челышев держался безукоризненно. – Тахионную связь мы держим через цветочников. Ты нам недешево обходишься, Хенк.

– Я хотел бы знать имена и судьбы всех земных пилотов, работавших в Крайнем секторе, особенно в районе объекта 5С 16, в пределах последних трех сотен лет.

– Это несложно. Такие сведения я могу выдать тебе прямо сейчас. В пределах указанных тобою трех сотен лет в Крайнем секторе работали – экипаж «Гемина», давно и благопо-

лучно вернувшийся на Землю, и звездный разведчик Роули.

Чельшев помолчал и жестко добавил:

– Роули – брат человека, имя которого ты сейчас носишь.

– Это все?

– Это все. Разведчик Роули давно признан погибшим, а весь экипаж «Гемина» вернулся на Землю. Ничего особенного, все укладывается в систему. А вот Хенк, тот Хенк, имя которого ты носишь, никогда не бывал в Крайнем секторе.

– 5С 16... – начал было Хенк.

Его терзала какая-то смутная догадка.

– 5С 16...

Внезапно шрам на его лбу неестественно побагровел, налился кровью – невидимая, но страшная сила терзала Хенка изнутри. Но он справился. Он даже сказал:

– Вы задали столько вопросов, Петр, что я, пожалуй, не все запомнил.

– Я запомнила, – бесстрастно сообщила Шу.

Чельшев усмехнулся:

– У тебя замечательная машина, Хенк...

Хенк не обратил внимания на его слова:

– Что мне делать с вашими вопросами, Петр?

– Задай их протозиду. – Чельшев глядел на Хенка в упор. – Разве у тебя есть выбор?

– Протозиду? После того, что мы с ним сделали?

– Ты же не убил протозида.

Чельшев поднялся и холодно кивнул:

– Примешь решение, сообщи. И советую не разгуливать по станции. Твоя загадка интересует не только нас.

14

«Решил погулять – оставь завещание».

Хенк отвернулся. Такую надпись на стене мог оставить только бармен Люке, она была в его вкусе. Но за стеной действительно начиналась дикая Симма – уже не трава, а настоящие металлические заросли, плюющиеся молниями электрических разрядов.

Хенк просто завис над кустами.

Он не знал, куда он плывет, и не задумывался над тем, где он получил это свое умение плавать в воздухе. Его мучило совсем другое. *Кто тот гомункулус, что смотрит через его глаза?*

Он думал о Земле – когда он ее увидит?

Он думал о брате. О брате, которого не увидит никогда.

Звездный разведчик Роули погиб – это теперь известно. Но известно ведь и то, что он, Хенк, тоже умер. Он чувствовал: между этими событиями должна быть какая-то связь.

Объект 5С 16...

Почему Шу заблокировала записи?..

Он медленно плыл над поблескивающими зарослями, ярко искрящимися, стоило лишь ветру задеть их верхушки. Нетипичная зона... Тут тоже не слишком типичная зона...

Объект 5С 16... Именно в Нетипичной зоне земляне впервые в своей истории встретили протозид. Скопление вещества чудовищной массы, медленно дрейфующего в Крайнем секторе, произвело впечатление даже на многоопытный экипаж «Гемина».

«Такое скопление не может быть единственным, – заявил астрофизик К. Смут. – Его единственность противоречила бы самой сути теории Большого взрыва, ибо главным свойством пространства по этой теории является его изотропность. Я уверен, что со временем мы наткнемся и на другие сгустки подобного протовещества».

К. Смут ошибся.

Первыми на его ошибку указали арианцы.

Экипаж «Гемина» открыл вовсе не остаточные массы некоего протовещества, нет, экипаж «Гемина» открыл первую колонию протозид.

Тогда же внимание земных астрономов привлек загадочный космический объект 5С 16 – раскаленные вихри плазмы, волчком крутящийся в море радиозумов. Черная дыра с массой в миллион солнечных? Нейтронная звезда, сбросившая очередную оболочку? Остаток сверхновой? Астрофизики, собравшиеся в конференц-зале обсерватории Уэддел на Уране, зашли в тупик. Согласно эффекту Доплера, длина волны излучения от любого движущегося источника всегда увеличивается, смещается в красную сторону спектра пропорционально скорости удаления этого источника от

наблюдателя и, наоборот, – всегда уменьшается, смещается в синюю сторону при его движении к наблюдателю. Однако смещение линий в спектре объекта 5С 16 соответствовало, как это ни парадоксально, изменениям скорости движения сразу в двух противоположных направлениях.

Это сообщение просочилось за стены обсерватории, и сенсация мгновенно облетела весь мир. Походило на то, что земные астрофизики открыли в Крайнем секторе необыкновенный объект, который одновременно и приближался, и удалялся от наблюдателей. «К счастью для астрофизиков, – писал позже К. Смут, – они нашли в себе силу не выдавать гипотез».

К счастью – потому, что чуть позже цветочки, а за ними океан Бюрге связали странное поведение объекта 5С 16 с деятельностью протозид, в это же время появившихся в том же секторе. Был ли чудовищный взрыв 5С 16 пусть неудачным, но все же каким-то экспериментом, сознательно проведенным таинственной неконтрактной цивилизацией? Или имела место какая-то случайность?

Оживленную дискуссию представителей Межзвездного сообщества подогрел темпераментный арианец Фландерс, первый, кто подсчитал примерную массу всех предполагаемых в космосе колоний протозид. Именно Фландерс впервые дал понять, пусть и с известной долей преувеличения, что, окажись протозиды в одной какой-то отдельной области космоса, коллапс объектов, избранных ими, не важно,

отдельных звезд или целых галактик, вполне мог подвергнуть реальной опасности обширную часть Вселенной. Кстати, Роули, брат некоего Хенка, погиб в районе объекта 5С 16. Звездная кора подобных объектов, по предположениям того же К. Смута, это фантастически твердое кристаллическое вещество, покоящееся на вырожденной нейтронной жидкости. Любая подвижка, самое ничтожное оседание коры способны мгновенно высвободить чудовищную энергию. Роули могло погубить жесткое излучение, его корабль мог быть разрушен приливными силами. Объяснять гибель Роули происками протозид было явно излишне, но существовала и такая точка зрения. «Звездный разведчик Роули, – заявил в одном из интервью известный космоаналитик З. Цух, – возможно, вошел в зону 5С 16 как раз в тот роковой для него момент, когда протозиды зажгли в космосе еще один прощальный костер своей вымирающей цивилизации».

Объект 5С 16. Хенк переключился на Симму. Даже невысказанный намек на боль, так жестоко сотрясшую его недавно, был ужасен. Но звездный разведчик Роули был его братом! Хенк, конечно, помнил пилота Роули! Он помнил своего брата. Он детально помнил свой сад. Он помнил чудесную белую розу, прячущуюся в тени бревенчатого забора! Другое дело, что он, Хенк, не помнил, когда именно на «Лайман альфе» появился Преобразователь. Он привычно считал, что Преобразователь был на «Лайман альфе» всегда. Оказывается, это не так. Тогда, может, это действительно протозиды

усовершенствовали его корабль?

«Но тогда, – невесело усмехнулся Хенк, – они могли усовершенствовать и меня».

15

У космодрома металлические заросли почти исчезли.

На плоской поляне Хенк, присев, развел руками слабые стебли.

Крупинки кислой сухой почвы, поднятые им, резво разбежались по ладони, отчетливо указывая направление силовых линий. Хенку безумно захотелось увидеть настоящую землю – влажную, жирную, легко расплзающуюся под пальцами, оставляющую пятна, темную от остатков прошлогодней листвы. Услышав шаги, он не стал поднимать голову. Он знал, кого увидит.

– Зачем вы ходите за мной, Петр?

Чельшев молча присел рядом.

– У вас есть новости?

– Да, Хенк. И не очень добрые.

– А именно?

– Я получил расчеты Местинга.

– Кто он, этот Местинг?

– Арианец. Истинное его имя труднопроизносимо, да это и ни к чему, мы его упростили.

– Расчетчик?

– Великий расчетчик, Хенк.

– Что же вам сообщил великий расчетчик?

– Он подтвердил наши самые худшие опасения. Массы протозид, которые дрейфуют сейчас в Крайнем секторе, вполне достаточно, чтобы вызвать катастрофический взрыв квазара Шансон. Если это случится, цветочки, арианцы, океан Бюрге – они все действительно обречены, Хенк.

Чельшев помолчал.

Потом спросил:

– Тебе их не жаль, Хенк?

– А меня, Петр, вам жаль?

– Не знаю, Хенк. Я Охотник. Мне легче потерять вас, чем несколько цветущих миров.

– Но что бы вы ни утверждали, Петр, я – землянин. Я помню себя.

– Это ложная память, Хенк. Она внушена тебе.

– Кем?

– Я не знаю.

Хенк поднял голову.

В диком пепельном небе Симмы широко расходились косматые полосы полярного сияния. Квазар Шансон возмущал ионосферу планеты, и цветные полотнища медленно раскачивались, как занавес, прикрывающий какую-то гигантскую сцену.

Чельшев ни в чем не убедил Хенка. Ну да, тахионный флот арианцев и цветочников попытается рассеять прото-

зид. Но это ничего не даст, они не справятся с такой задачей, слишком уж несопоставимы массы.

– Мне не нравятся твои слова, Хенк.

– А мне не нравится то, что начнется у квазара Шансон, когда туда подтянутся корабли арианцев и цветочников.

– Почему же тебе не попробовать? Этот протозид, которого ты распылил... Он все еще там...

Хенк думал.

Он перебирал варианты.

Наконец спросил:

– Когда я могу стартовать?

– Через два часа. Курс рассчитан.

Они помолчали, и Чельшев вдруг сказал:

– Возможно, я и правда убедил тебя, Хенк, но меня не оставляет ужасное чувство, что мы вновь совершаем ошибку.

16

Хенк пошел в бар.

Арианцы, как всегда, оказались бдительны.

Узнав Хенка, они сразу всей семьей дружно покинули бар. При всем унынии, что ясно читалось на их слишком правильных псевдолицах, им нельзя было отказать в гордости. Их жест отлично вписался в панораму полярных льдов, медленно разворачиваемых течением в сторону длинного ан-

тарктического мыса. Белая тоска. Холодные льды. Бармен Люке демонстративно отошел к такому же белому и холодно-му холодильнику, а перегонщик Ханс отвернулся. Но у стойки сидел красавчик Хархад, к нему и подсел Хенк.

– Два титучая, пожалуйста!

– Твой счет заморожен, – сказал бармен Люке, не оборачиваясь. – Мы не знаем твоих гарантов. Из-за тебя я, кажется, влетел в убытки.

– Два титучая, – вмешался Хархад.

Все это время Ханс копался в пульте климатизатора.

Льды медленно уплывали за горизонт. На мгновение вспыхнула вдали панорама ночного земного города. Настоящего земного города. Но над ним почему-то вспыхнуло небо, прожженное светом пульсара.

Ханс вновь и вновь вносил коррективы.

Наконец пахнуло влажным теплом. «Ханс, наверное, с юга».

Впрочем, на юг это мало походило. Нечто вроде огромного, плотно вросшего в болото уродливого ананаса подперло стойку. Стену закрыли рубчатые ветви кладофлебусов, вдоль стойки легла мохнатая от лишайников гигантская цикадоидея. Она рухнула, по-видимому, недавно, ее толстый ствол щетинился темными листовыми черешками, плотно упакованными в какие-то волосатые наросты. За сплетением уродливых корней, вырванных из земли, прятался, подрагивая зеленой кожей, полутораметровый мозопс, весь от коротких

лап до бронированной плоской головы уляпанный неприятной слизью.

– Убрал бы ты эту тварь, Ханс, – раздраженно покосился Люке.

Перегонщик не ответил.

Тогда, усмехнувшись, вмешался Хенк:

– Вы плохо знаете историю Земли, Ханс. Сплошная эклектика. Вы перепутали все доисторические эпохи.

Слова Хенка прозвучали двусмысленно.

Пододвинув к Хенку бокал с титучаем, Хархад негромко сказал:

– Минут через двадцать Шу получит нужные карты.

– Я предпочел бы получить свой курсопрокладчик.

– Ишь какой мудрый со звезд! – не выдержал наконец перегонщик. – Что? Тебя опять потянуло к Стене? К этим безмозглым тварям?

Ханс, несомненно, имел в виду протозид.

– Я предпочел бы, чтобы вы называли их как-нибудь иначе, Ханс.

– Протозид? – Само это слово в устах Ханса прозвучало как ругательство. – Почему вы не убираетесь *к себе*, Хенк? Зачем вы сидите на нашей Симме?

Какое-то время все молчали.

Только мозопс по-собачьи встряхивался в рыхлых корнях цикадоидеи и мерзко, не к месту зевал, судорожно раздвигая мощные челюсти.

– Он омерзителен... – наконец произнес Ханс с оттенком непонятого восхищения. Он имел в виду мозопса. – Он, конечно, омерзителен... но он наш... Когда-то он обитал на Земле, дышал нашим воздухом, пил нашу воду...

– Вы и ко мне испытываете отвращение, Ханс?

Перегонщик резко вскочил, и Хархад замер, готовый вмешаться в любую минуту.

– Я бы мог убить тебя, Псевдо-хенк! – действительно с ненавистью выдохнул Ханс. – Ты чего-то все время ждешь, ты прислушиваешься, присматриваешься к нам. Ты любезен, ты прост, а где-то рядом, благодаря твоим проклятым друзьям, три древние цивилизации уже поют отходную! Ты чужд нам больше, чем эта тварь! – Ханс ткнул кулаком в сторону сразу замершего мозопса. – Зачем ты пришел к нам? Кто тебя звал? Зачем на тебе человеческое тело?

– Любовь к своему, Ханс, не должна строиться на ненависти к чужому.

– Заткнись! – заорал Ханс. – Космос ворует у нас людей, мы привыкли к этому. Но зачем он подбрасывает нам таких, как ты, Псевдо-Хенков? Разве к этому можно привыкнуть? Когда я впервые в своей жизни погнал пылевые облака к этим твоим тварям, мне говорили: «Зачем это тебе, Ханс? Пусть они сдохнут, эти первичники! Они же *чужие*, им на нас наплевать, они ни разу никогда и никому не помогли, не протянули руку помощи. Ни одно разумное существо не станет жить по своей воле под Стеной. Это же дохлая зона,

Ханс, – дружно говорили мне. – Там все мертво от радиации, холода, там все убито гравитационными флуктуациями!» И сейчас, Хенк, я вижу, что они были правы, не следовало, ох не следовало подкармливать этих тварей.

«Ну да, первичники... Дохлая зона... Ни одно разумное существо не станет жить по своей воле под Стеной...» Хенк чувствовал: он, кажется, коснулся нити, которая может привести к разгадке. Но она ускользала, ускользала... «Первичники... Дохлая зона... Ни одно разумное существо...» Он вдруг улыбнулся и глянул прямо в глаза оторопевшему от неожиданности перегонщику:

– Держу пари, Ханс, что рано или поздно ты сам захочешь пожать мне руку.

– Не руку! – пришел в себя звездный перегонщик. – Какую-нибудь омерзительную псевдоподию!

«Первичники... Дохлый сектор... Нет, дохлая зона...»

Хенк встал. Он не протянул руку («какую-нибудь омерзительную псевдоподию») ни Хархаду, ни бармену Люке, он даже не спросил бармена, где обещанная им шляпа? Теперь он торопился к Шу. Его подгоняла странная догадка.

Он шел к выходу, ступая прямо по доисторическим лужам.

Он боялся упустить кончик нити, случайно подброшенный ему Хансом.

Хенк сидел перед экранами, озаренный неярким светом.

Мысль о том, что он покидает Симму, может быть надолго, может быть навсегда, ничуть его не тревожила. Он понимал Петра Челышева: таких, как он, Псевдо-Хенков следует держать подальше от настоящих людей.

И опять подумал о Симме.

Не такая уж затерянная планетка.

Если раньше о ней знали в основном пилоты, почтовики да случайные звездные перегонщики, сейчас она на слуху. Несколько крупнейших звездных цивилизаций, затаив дыхание, ждут сообщений с Симмы.

А протозиды не останавливались.

Чудовищные, невероятные массы медлительных безмолвных существ описывали какие-то сложные кривые, выводящие к единому центру – к квазару Шансон. Вселенная, конечно, большая штука, и ее не так уж просто сломать, и все же...

На всех экранах перед Хенком крутились, как акробаты, ряды цифр. Низко выли вакуумные насосы. «Лайман альфа» на глазах пробуждалась. Вместе с нею пробуждался и Хенк.

Впервые за много лет мысль об одиночестве его несколько не угнетала.

Но зачем он так тянет время? Специально тянет? Действи-

тельно боится того, что уже никогда не увидит Симму?

Экран внешнего инфора вспыхнул.

Диспетчер смотрел на Хенка с откровенной неприязнью:

– Как у тебя?

– Норма.

– Начинаю отсчет.

Хенк внимательно вслушивался в тревожный стук метронома.

Этот стук означал: через пять минут он, Хенк, покинет Симму, через пять минут он, Хенк, возможно, потеряет последний шанс когда-либо вернуться на Землю.

– Где Челышев? – спросил он.

Из-за плеча диспетчера выглянул озабоченный Охотник.

– Петр, у меня к тебе просьба...

Хенк медлил, но Челышев его не торопил.

– Запросите Землю. Плюньте на расходы, это важно, поверьте мне. Я хочу знать... – Хенк запнулся. – Я хочу знать... Там, на Земле, в моем саду... Узнайте, жива ли белая роза?..

Челышев хмуро покачал головой, диспетчер криво ухмыльнулся.

«Ты недешево нам обходишься...» – не вовремя вспомнил Хенк.

– Линии связи уже перегружены, – помедлив, ответил Охотник. – Мы начинаем эвакуацию архивов. Но я попробую через цветочников. Обычно они не отказывают нам в таких просьбах. Правда, сама формулировка... Некий сад... Некая

роза... Звучит странно... Будет нелегко убедить цветочников, но я попробую...

– Это следует сделать незамедлительно.

– Думаешь, от этого что-то зависит?

– Мне кажется, да.

– Для протозид? – не выдержал диспетчер. Но тут же спохватился. – Или для людей тоже, Хенк?

– Для людей тоже.

18

Луч локатора жадно щупал пространство, начиненное редкими звездами.

Весь левый экран занимала Стена. исполинская стена тьмы, в которой не существовало ничего. исполинская стена тьмы, лишенная времени и пространства. истинное и бесконечное ничто.

Гибель Крайнего сектора...

Миры, сгорающие в плазменном пламени...

А может, все не так? Может, все на самом деле еще страшнее?

Может, прав арианец Фландерс и протозиды действительно способны на большее?

Хенк вдруг представил, как это может быть. чудовищный гравитационный удар по квазарам, галактикам, шаровым скоплениям, чудовищный удар по расширяющейся Вселен-

ной. Катастрофическое уменьшение, свертывание пространства, катастрофическое возрастание масс. Конечно, там, на Земле, в глубинах Внутренней зоны, даже столь грандиозная катастрофа будет зафиксирована не сразу. Пройдут еще миллионы лет, а фон излучения будет оставаться практически прежним, и лишь потом, когда Вселенная, сжимаясь, сократится до одной сотой нынешнего объема, ночное небо над Землей начнет светлеть, пока не станет таким же теплым, как дневное сейчас. Еще через семьдесят миллионов лет наследники и преемники нынешних земель увидят небо над собой невыразимо ярким. Молекулы в атмосферах планет и звезд, даже в межзвездном пространстве, начнут диссоциировать на составляющие их атомы, а сами атомы – на свободные электроны и ядра. Это все уже описывал Фландерс. Космическая температура достигнет миллионов градусов, работа как звездного, так и космического нуклеосинтеза окажется уничтоженной. Мир, коллапсируя, рухнет в пространственно-временную сингулярность, в ту странную область, в которой нарушаются все известные физические законы и кривизна самого пространства-времени становится бесконечной.

Хенк оборвал себя.

Миллионы лет – это немало.

Но сейчас следует думать о сегодняшнем дне: о тех же арианцах и цветочниках, о том же океане Бюрге, обреченных на полное уничтожение.

Но что толкает протозид к верной гибели? Что их толкает

к этому?

Он опять повторил про себя слова Ханса: «Первичники... Дохлая зона... Ни одно разумное существо не станет жить по своей воле под Стеной...»

Первичники!

Может, разгадка здесь?

Ведь потому протозиды и прозваны первичниками, что являются одной из очень древних, если не самой древней расой Вселенной. Рожденные в огне Большого взрыва, протозиды, как никто, ощущают неуклонное падение температур и плотности межзвездного пространства. Уже сейчас тепловой фон Вселенной упал до трех градусов Кельвина, а через десять миллиардов лет он опустится до полутора. Если этот процесс продолжится (а он продолжится), одна за другой начнут остывать, меркнуть звезды. Бесчисленные горячие миры обратятся в безжизненные руины. Иногда, может, где-то и будут еще случаться те немыслимо редкие термодинамические флуктуации, что на мгновение вдруг осветят пламенем неожиданного взрыва обломки мертвых миров, но для жизни (любой жизни) этого мало.

«Что же остается протозидам? – спросил себя Хенк. – Что им остается, как не эта последняя попытка зажечь прощальный костер и погреться у него? Взорвав квазар Шансон, протозиды пусть на короткое время, но получат столь необходимые для них температуры и давления...»

Хенк усмехнулся. Теперь он понимал корни ненависти,

испытываемой цветочниками и арианцами к протозидам. Уж если он, Хенк, оберон-икс, готов был до конца сражаться за жизнь своих предполагаемых собратьев и их союзников, то почему не должны были делать то же самое океан Бюрге, арианцы, цветочники?

Звуковой сигнал вернул Хенка к действительности.

На темном фоне Стены он увидел гигантское, спирально закрученное пылевое облако. Оно медленно осциллировало, то сжимаясь, то вновь разбухая.

– Одиночный протозид, – сообщила Шу. – Преобразователь готов к действию, Хенк. Через пятнадцать минут ты получишь своего оберона.

– Мне не нужен оберон, Шу.

– Но так хотел Охотник.

– Ты обязана исполнять только мои приказы.

– Да, – с готовностью ответила Шу, и голос ее изменился.

«Видишь... – донеслось до Хенка с работающего на Симму инфора. – Я тебе говорил, Петр, этот Псевдо-Хенк думал только о бегстве...» Хенк узнал голос диспетчера, но не стал отключать инфор. Не все ли равно, слышат его или нет? Если он, Хенк, ошибся в своих предположениях, то всех ожидает одна судьба – мгновенная смерть в океане раскаленной плазмы.

– Когда протозиды подойдут к квазару на критическое расстояние?

– Через двадцать семь часов, – ответила Шу.

– А флот арианцев? Охотники?

– Примерно через сутки.

– Ты думаешь, им хватит нескольких часов?

– Нет, я так не думаю, – ответила Шу. – Но так думают Охотники.

«Сутки... Всего одни сутки... А затем...»

Хенк рисковал, но у него не было другого выхода. Он не хотел оставаться связанным по рукам и ногам, или – по псевдоподиям, как не преминул бы заметить звездный перегонщик Ханс.

– Мне не понадобится оберон, Шу, – медленно сказал он. – Но я хочу знать, что думают о происходящем протозиды.

Шу не ответила.

Тогда он приказал:

– Преобразуй меня в облако.

И услышал: диспетчер на Симме выругался.

19

Раньше Хенк не задумывался о степенях свободы, какие он имел до прихода на Симму. Но сейчас, готовясь к выходу в открытое пространство, находясь в шлюзовой камере, он вдруг ощутил: он фантастически свободен. Перед ним открыт весь мир, вся Вселенная. Он может уйти в любой район безопасного пространства. Он не зависит ни от кого и ни

от чего. Он может забыть о протозидях, об океане Бюрге, об арианцах, цветочниках, даже о землянах. Он может жить, существовать сам по себе, ни о ком не думая, ни в чьих делах не принимая участия.

Он внимательно прислушивался к своим ощущениям.

Он готов был принять любое самое неожиданное открытие.

Но когда зашипели мощные насосы Преобразователя, он на мгновение, пусть всего лишь на краткое мгновение, вновь испытал звездный ужас, который не раз испытывал. Даже свет потускнел, а может, просто потускнело сознание, потому что уже не человеческое тело, а вихрь пылевой тучи мощно выбрасывался в пространство через чудовищно распахнутые шлюзы «Лайман альфы», обращенной кормой к слепящему мареву квазара Шансон. Хенк чувствовал горячие удары звездного ветра. Он жадно впитывал жесткое излучение. Он широко разбросал пылевые крылья на добрый десяток световых лет. Он мягко и хищно обволакивал недавно рассеянного им протозидя. «Может быть, это и есть я? Может, это действительно я возвращаюсь в свое настоящее тело?»

Он услышал ответ Шу: «Нет, Хенк!»

Шу ни на секунду не оставляла его. Она была нигде и была рядом.

Он слышал Шу, ощущал ее, мог говорить с ней. Для этого ему не были нужны голосовые связки или электромагнитные

излучатели. Он сам был таким излучателем и приемником. Со скоростью, близкой к световой, он, Хенк, вошел в облако протозида, и гигантская пылевая буря надолго заволокла огромный участок пространства, разметав по Стене бесформенные клубящиеся тени. Чувства всех протозид, медленно дрейфующих к квазару Шансон, были теперь чувствами Хенка. Он сам теперь ощущал медлительное, ни с чем не схожее нетерпение, он сам теперь торопился к квазару Шансон – сгореть в его безумном костре, но все начать сначала! Он видел всех и вся. Ему не требовалось инфоров и кристаллов памяти. Все, что хранилось в памяти всех протозид, было теперь его памятью.

Он легко отбирал нужное.

Среди множества других он увидел объект 5С 16.

Но и это не всё. Он видел, он понимал, он сейчас опять переживал ошибку, допущенную протозидами у объекта 5С 16. Там им не хватило массы, они не смогли превратить объект 5С 16 в черную дыру, а именно к этому они стремились. Им не хватило массы: объект 5С 16 не коллапсировал, он взорвался. Протозида не смогли выпасть из нынешней остывающей Вселенной, где им вольно или невольно мешали все: океан Бюрге, цветочники, арианцы, земляне. Но протозида не собирались мириться с медленным угасанием. Их память была полна чудовищно сладких воспоминаний о первичных морях раскаленной плазмы, о мощи и силе, присущей им в первые часы Большого взрыва. Квазар Шансон был очеред-

ной попыткой. Хенк видел: протокиды устали.

«А я?»

«Кто я?»

Протозид?

Возможно. Но лишь в той степени, чтобы чувствовать их желания и осознать главную цель.

Человек?

Возможно. Но лишь в той степени, чтобы ощутить всю ответственность, лежащую на основателях Межзвездного сообщества.

Хенку было этого мало.

Он искал. Он жадно рылся в памяти спящего протозида.

Он лихорадочно отбрасывал в сторону все, ради чего столько лет странствовал в космосе. История расы, ее структура, ее генезис – в сторону! Все в сторону! Хенк торопился. Он вел гнусный, никем и ничем не санкционированный обыск памяти спящего протозида – на глазах всех других протозид, ибо он, Хенк, сам сейчас был облачной формой протозида и ощущал все, что ощущали его возможные собратья.

Он искал. Он рылся в искривлениях пространства-времени, он проваливался в бездны испорченного пространства. Он оказывался в мирах, где масса электрона была иной, он видел воду, которая при любой температуре оставалась твердой, он жил в мире, построенном из вещества столь ничтожной массы, что все звезды начинали и заканчивали свой путь

взрывом. Он без всякого стеснения рылся в памяти протозида. Он видел Начало. Он попадал в поливариантные миры, в которых любой объект существовал сразу в бесконечных количествах выражений. С яростной, ни на секунду не утихающей активностью перед ним появлялись и исчезали все новые и новые миры с фантастически искаженными геометриями. Он рылся в чужой памяти, презираемый всеми. Он знал: если его поиск закончится неудачей, у него уже не будет пути ни к протозидам, ни к людям. Но он искал. Он продолжал искать. Он хотел знать, что произошло с его «Лайман альфой» у загадочного объекта 5С 16.

Упрямое серебристое веретено.

Он увидел «Лайман альфу» внезапно.

Но теперь он не боялся боли, потому что был протозидом.

Он напряг внимание. Да, «Лайман альфа». Да, это его корабль.

Но пилот в кресле штурманской обсерватории мало походил на него.

А еще... Еще он ясно увидел: над «Лайман альфой» не торчал рог Преобразователя!..

Зато он так же ясно увидел, почувствовал: пилот корабля в опасности. Правда, он об этом не знает, и никакие приборы на корабле не могут предупредить о близкой опасности.

Презируя себя, Хенк мучительно рылся в памяти спящего протозида.

Он видел: Шу читала пилоту книгу. Она читала ему о мер-

цании звезд, о непостижимости этого мерцания. Она читала ему о комете, которую открыл он, Хенк, в юности. Хвост кометы растянулся на полнеба, он был просто светлый, но в долгих счастливых снах он виделся Хенку цветным. Шу разъясняла пилоту взгляды Хенка на природу Нетипичной зоны, она напоминала ему о белой розе, цветущей в одном из самых северных садов мира...

Роули!

Он догадался.

Пилот был его братом Роули!

За секунду до взрыва объекта 5С 16 верная Шу читала пилоту Роули книгу его брата – Хенка. Ведь перед отправлением Роули в космос Хенк сам подарил ему свою книгу.

«Роули...» – повторил он, будто заново привыкая к этому имени.

«Роули...» – повторил он, будто боясь забыть вновь обретенное имя.

Теперь он все понял. Хенк, то есть он, действительно никогда не выходил за пределы Внутренней зоны. Хенк, то есть он, жил и умер на далекой Земле. Но звездный разведчик Роули был полон мыслями о Хенке за секунду до взрыва объекта 5С 16. Спасая искалеченное тело пилота, протозиды спасли его мозг. Спасенный протозидами мозг Роули оказался плотно наполненным мыслями и воспоминаниями Хенка, книгу которого перед гибелью читала ему Шу. Протозиды, этот чудовищный коллективный организм, не поняли, не

смогли понять разницы между Хенком и Роули.

«Значит, я – Роули», – задохнулся Хенк.

Он снова был счастлив. Он был счастлив потому, что знал: он – человек.

И еще теперь он знал: протозиды вовсе не убийцы. И еще он знал: взрыв квазара Шансон, если в дело не вмешаются Охотники, никому и ничему не грозит. Ведь массы скапливающихся вокруг квазара протозид хватит ровно на то, чтобы квазар, коллапсировав, провалился в черную дыру. (Значит, надо вернуть к жизни рассеянного им протозида.) Коллапсировав, квазар Шансон вновь начнет расширяться, подобно всплывающему из кипящего океана пузырю, но уже в *другом*, совершенно другом мире. Для него, пилота Хенка-Роули, для обитателей Симмы, для Охотников, прибывших в Нетипичную зону, квазар Шансон просто исчезнет, а протозиды, уже в иной Вселенной, увидят бесконечно большое фиолетовое смещение. Постепенно оно начнет уменьшаться, сходиться к нулю. Протозиды, дрейфуя в океане раскаленной плазмы, смогут постичь заново всю прошлую историю своей новой родины. И они, протозиды, уже никогда и никому угрожать не будут. Память о них останется лишь в мифах цветочников да в записях Шу, заблокированных ею от Хенка.

Хенк был счастлив.

У него в запасе двадцать пять часов.

Разбудить протозида и вернуть ему истинную форму он

сможет за два часа!

Ну, еще тринадцать потребуются самому протозиду, чтобы догнать свою столь нуждающуюся в нем расу. При самом худшем раскладе у Хенка оставался кое-какой резерв. Он сможет остановить корабли арианцев и цветочников, если они войдут в Крайний сектор раньше назначенного Охотниками срока.

Хенк был счастлив. Он приказал Шу:

– Верни меня на борт.

20

Главное сейчас – разбудить протозида. Разбудить и отправить к квазару Шансон. Возможно, не отвлекись в свое время один из протозидов на спасение пилота Роули – там, под объектом 5С 16, протозидам удалась бы их попытка уйти в другой мир.

Разбудить... Да... Но уже через час Хенк вынужден был признать тщетность своих попыток. Протозиду не хватало массы. Атомы, выбитые из его облачного тела звездным ветром квазара, давно рассеялись в пространстве. Тарап-12 отстоял слишком далеко, да и некогда было искать случайную пылевую тучу.

Это была катастрофа.

«Это я убил протозида, – сказал себе Хенк. – Один из протозидов спас меня, Роули-Хенка, там, под объектом 5С 16, а

здесь – я убил протозиды. И подверг опасности всю их расу. Без потерянной массы они не смогут коллапсировать квазар, все опять закончится взрывом».

Молчание Шу подтверждало догадку Хенка.

– Сколько у нас времени?

– Двадцать один час, – бесстрастно сообщила Шу. – Тринадцать из них потребуется протозиду на путь к квазару.

– Можем мы выйти на связь с Тарапом-двенадцать? Где-то там застряли пылевые тучи, перегоняемые Хансом.

– Это ничего не даст, Хенк. Они не успеют.

– А вблизи? Есть что-нибудь вблизи?

– Ничего, Хенк.

– Свяжи меня с Симмой.

Передав Шу новые данные для расчетов, Хенк устало повернулся к экрану. Изображение дергалось, смещалось, но он сразу узнал Чельшева.

– Слушаю вас, Роули.

– Вы уже связались с Землей?

– Да. Иначе я обратился бы к вам как к Хенку.

– И там в саду... Там цветет белая роза?..

– Да, Роули. Ее вырастил Хенк, ваш брат. Мы думаем, что протозиды, спасая вас у объекта 5С 16...

– Я знаю, Петр.

Чельшев помолчал.

Глаза у него покраснели, – видимо, последние сутки он совсем не спал.

– Что вы собираетесь предпринять, Роули? Вернетесь на Симму? «Лайман альфа» может нам пригодиться...

– Я не вернусь на Симму, Петр.

– Что ж, я допускал такую возможность, – одними губами выговорил Охотник.

– Почтовая ракета, она пришла, Петр? – Хенк торопился.

– Как всегда. Вчерашняя.

– А роботы? Они встречали ее с оркестром?

– Традиции на Симме неизменны.

– Как вы хотите распорядиться ракетой?

– Сейчас мы загружаем в нее архив и собираемся туда же...

– Отмените эту операцию, Петр, – перебил Охотника Хенк. – Ракета понадобится мне.

«Он сошел с ума! – услышал Хенк голос диспетчера. – Эта ракета – наш единственный шанс!»

– Слушайте внимательно, Петр, у нас слишком мало времени, – повторил Хенк. – Отмените загрузку почтовой ракеты, она срочно нужна мне. Она нужна мне прямо сейчас! Ожидаю ее в четвертом квадрате.

– Ну-ну, Роули, – не понял Хенка Охотник. – К чему эта истерика? У вас есть «Лайман альфа».

Хенк выругался и повторил координаты.

– Я записал ваши координаты, Роули, – кивнул Челышев. – Но вряд ли мы сможем ими воспользоваться. Боюсь, Роули, пространство с такими координатами скоро вообще

перестанет существовать.

– Ну-ну, Петр... – передразнил Хенк. – Срочно разгрузайте ракету. Мой защитный костюм не рассчитан на мощность квазара, хотя несколько часов я, наверное, смогу выдержать. «Лайман альфа», Петр, пойдет на компенсацию потерянной массы протозида. Дальше все будет зависеть от того, успеет ли он догнать свою расу.

– Вы отпускаете его, Роули? Но ведь этим вы предаете наши миры!

– Нет, Петр, этим я спасаю миры. И наши, и чужие. Потеря даже одного протозида приведет к взрыву квазара. А если протозиды соберутся все, их массы хватит на то, чтобы коллапсировать квазар.

– Вот как? – Охотник умел схватывать проблему мгновенно. – Этот шанс... Вы думаете, он реален?

– По крайней мере, он единствен.

Не оборачиваясь, Хенк ткнул клавиши операторов.

Цифры его утешили. Пожалуй, можно было обойтись массой и чуть меньшей, чем масса «Лайман альфы», но не тащить же на Симму штурманское кресло или какой-нибудь генератор.

– Готово, Шу?

– Да.

Голос Шу был сух.

– Мне очень жаль, Шу, – сказал Хенк. – Поверь, мне правда жаль. Будь у меня выбор, я отправил бы в огонь себя.

– Я знаю, Хенк, – ответила Шу.

Хенк готов был заплакать:

– Я отдаю тебя протозидам, Шу, но, видит космос, мне не хочется этого.

– Я знаю, Хенк.

Экраны почти погасли.

Почти всю энергию забирал сейчас Преобразователь.

– Сними шляпу, Хенк, – вдруг неожиданно напомнила Шу.

Хенк вздрогнул. Наверное, впервые Шу употребила это слово впопад. Но на улыбку у него уже не хватило сил.

– Нас разделит Стена, Шу.

– Стены не всегда разделяют, Роули.

Впрочем, это произнесла не Шу, это произнес Охотник.

– Отключайтесь, Петр! Отключайтесь!

Но прежде чем связь прервалась, Хенк еще услышал:

– Роули! Роули! Держитесь Стены! Мы найдем вас по тени!

Перед самой вспышкой, перед тем как катапульта выбросила его в пространство, Хенк успел подумать: «Челышев ошибается. Квазар Шансон превратится в черную дыру, и никто не увидит никакой тени».

Хенка развернуло лицом ко Вселенной.

Он видел мириады миров и облегченно вздохнул: «Звезды продолжают светить».

Он попытался рассмотреть протозида, но там, где еще ми-

нуту назад несло над пылевым облаком длинное упрямое серебристое веретено «Лайман альфы» с рогоподобным выступом на носу, уже ничего не было. Шу дала полную мощность, и корабль отбросило на много световых лет. «Они должны успеть». Хенк подумал – *они*, а следовало, наверное, подумать – *он*, потому что и протозид, и корабль, и то, что он всегда называл Шу, было сейчас единым организмом. Полумертвый, окоченевший, изнемогающий от непосильной усталости древний организм вслепую плыл сейчас по невидимым следам своей столь же уставшей расы. Зато теперь Хенк был уверен: протозид придет вовремя, трагедия объекта 5С 16 не повторится. И еще он был уверен: новый мир для протозид состоится, и не в ущерб существующим.

Он заставил себя развернуться лицом к Стене и увидел тень.

Благодаря какому-то странному эффекту его собственная тень напомнила Хенку розу. Точнее, силуэт розы. Только та роза в саду была белая. И еще Хенк увидел квазар Шансон. Грандиозный голубой выброс квазара упирался прямо в стену тьмы. Пульсирующий свет бил в фильтры защитного костюма, яростно преломлялся в отражателях, но теперь Хенк ничего не боялся. Дело не в почтовой ракете, которая должна была его отыскать. Если даже он, Хенк, исчезнет, если даже исчезнет квазар Шансон, если исчезнут протозиды, мир все равно останется. Останутся арианцы, останутся цветочники, останется океан Бюрге, останется человечество.

Останется весь этот необъятный и такой хрупкий мир.

Кот на дереве

Записки, публикуемые ниже, принадлежат физику-экспериментатору И. А. Угланову – расчетчику и исполнителю так называемой Малой Программы по установлению первых (односторонних) контактов с Будущим.

И. А. Угланов – доктор физико-математических наук, действительный член Академии наук СССР, почетный член Болгарской академии наук, иностранный член Академии наук Финляндии, член Американского математического общества, член-корреспондент Британской академии, иностранный член Национальной академии наук Деи Линчеи (Италия), почетный член Эдинбургского королевского общества, пожизненный член Нью-йоркской академии наук, член Брауншвейгского научного общества.

С Малой Программой тесно связаны творческие биографии писателей Ильи Коврова (новосибирского) и Ильи Коврова (новгородского). Собственно, настоящие записки посвящены юбилею этих писателей и прочитаны, как отдельный доклад, 12 сентября 2011 года в Женевском дворце наций перед участниками Первого Всемирного форума любителей книги.

Сокращения в тексте связаны с деталями чисто техническими и сделаны самим автором.

1

Уважаемые коллеги!

Уважаемые дамы и господа!

Вас интересует, почему молчат наши всемирно признанные прозаики – Илья Ковров (новосибирский) и его однофамилец Илья Ковров (новгородский)? Не повторяется ли на наших глазах тягостная история Джерома Дэвида Сэлинджера, не на один десяток лет спрятавшегося от людей в Корнише, крошечном городке штата Нью-Хэмпшир? И не связано ли молчание писателей с их участием в известном научном эксперименте?

Готов ответить.

2

В своем выступлении я буду говорить в основном об Илье Коврове (новосибирском).

Это не потому, что работы моего друга кажутся мне более значительными, чем работы его новгородского коллеги. Просто мы родились в одном селе, вместе выросли, учились в одном вузе и многие годы живем в соседних квартирах большого дома в новосибирском Академгородке.

Страсть к преувеличениям, черта для писателя не самая скверная, но, признаюсь, меня, любящего ровное течение

мыслей, выходки Ильи Коврова (новосибирского) удивляли еще в детстве. То он видел летающую тарелку над рекой. (Конечно, в вечернее время, и рядом никого не было.) То собака соседа, всегда сидевшая на цепи, проваливалась под землю и исчезала на глазах. (Понятно, на глазах самого Ильи.) Ну и все такое прочее, не хочу перечислять.

После школы наши пути на некоторое время разошлись, и встретились мы, уже достигнув каких-то результатов. Правда, к тому времени книги Ильи Коврова читал весь мир, а я оставался безвестным физиком, хотя и добился впечатляющих результатов в работе над созданием так называемой Машины Времени, широко известной сейчас по аббревиатуре МВ.

Возможно, вам покажется странным, но я, в отличие от многих своих сверстников, никогда не мечтал о перемещениях в пространстве. Некая созерцательность, присущая мне с детства, и травма, полученная во время одного из экспериментов, надежно привязали меня к кабинету. Правда, в детстве я не раз принимал участие в вылазках на бескрайние болота, тянувшиеся за нашим селом. Илья, наш приятель Эдик Пугаев и я, закатав штаны, забирались в самые хмурые места болот, и мне невдомек было, что известный специалист по обоснованию математики Курт Гёдель уже создал остроумную модель мира, в которой отдельные локальные времена никак не увязываются в единое мировое время. Но позже, начав работу, приведшую к созданию МВ, я опи-

рался как раз на воззрения Гёделя. В частности, на то его утверждение, что мировая линия любой фундаментальной частицы всегда открыта таким образом, что никакая эпоха ни в какие времена – никогда, никогда, никогда – не может повторно проявиться в опыте предполагаемого наблюдателя, привязанного к конкретной частице. Но могут существовать (и наверняка существуют) другие временеподобные, но замкнутые кривые. То есть в мире, смоделированном Куртом Гёделем, все-таки существует возможность путешествий во времени. Впрочем, совсем не обязательно объяснять вам технические и философские принципы устройства МВ. Моя цель – ознакомить собравшихся с причинами, заставившими двух знаменитых писателей замолчать так надолго.

3

Село, в котором мы выросли, лежало далеко от других населенных мест.

Прямо во дворы вбегал темный мшистый лес. А за поскоотиной начинались болота, на которых мы охотились на крошечных, юрких, безумно вкусных куличков. Позже, когда мы с Ильей перебрались в столицу Сибири, куличков этих подчистую вымели при тотальном осушении болот. Там, где шумели на ветру ржавые болотные травы, раскинулись теперь скудные поля и огороды. А последнюю парочку длинноносых куличков, говорят, подал на свадебный стол наш быв-

ший приятель Эдик Пугаев. «Знай наших! – будто бы сказал он счастливой невесте. – Таких птичек больше нет на Земле. Такой закуси не найдешь даже у арабских шейхов».

А ведь мы выросли на тех куличках.

Сразу после войны жизнь была скучной, подножный корм никому не казался лишним. За куличками охотились многие, но у Эдика Пугаева было огромное преимущество перед всеми.

Он имел ружье.

Старое, обшарпанное, часто дававшее осечки.

Зато каждый удачный выстрел приносил Эдику (в отличие от наших жалких волосяных петель) столько птиц, что Эдик мог даже приторговывать добычей, ибо уже тогда вполне самостоятельно дошел до известной истины, высказанной когда-то Платоном: человек любит не жизнь, человек любит *хорошую* жизнь.

Для нас с Ильей, людей без ружья, хорошая жизнь ассоциировалась с книгами.

У местного грамотея-кузнеца дяди Харитона я выкопал «Историю элементарной математики», написанную Кеджори, и книжку, автор которой остался мне неизвестен, поскольку обложка и титул были давно утрачены. Впрочем, название я помню. «Как постепенно дошли люди до настоящей математики». Не знаю, где добыл дядя Харитон эти бесполезные для него книги, но если говорить о некоей причинности, то именно они в немалой степени вывели меня в бу-

душем на проблему МВ.

А Илья обожал Брема.

И оба мы отдавали должное ружью Эдика.

Шестнадцатый калибр – не шутка. В ствол входили три наших тощих, сложенных щепотью перста, вот какой ствол. Один выстрел – и птиц хватало на целый обед! Тем более что стрелять Эдик умел. Но умел и характер показывать.

Вот, скажем, появилась у Ильи новая кепка.

Конечно, это интересовало щербатого Эдика. Он не терпел чужих вещей, тем более новых. Презрительно кривя губы, он посоветовал Илье вывозить кепку в грязи. Новая вещь, пояснил он, здорово сковывает человека. Если, скажем, он или я провалимся в трясину, новая кепка Ильи может нас погубить. Ведь, прежде чем броситься нам на помощь, Илья запаникует, начнет срывать с головы новую кепку, вешать ее на сучок дерева, а значит, потеряет драгоценные секунды. «Слышь, Илюха, – презрительно добавил Эдик, играя латунной гильзой. – Давай на спор. Ты бросаешь свою кепку в воздух, а я стреляю. Если попаду, ничего с твоей кепкой не сделается – дробь у меня мелкая. А вот если промажу, вся сегодняшняя добыча ваша».

Предложение выглядело заманчиво.

По знаку Эдика Илья запустил кепку как можно выше.

Планируя и крутясь, она пошла к земле, и тогда Эдик выстрелил. К ногам Ильи упал козырек, украшенный по ободку лохмотьями. «Кучно бьет», – сказал я, стараясь не смотреть

на Илью. А Эдик сплюнул: «Не дрейфь! Замажешь дырку чернилами».

Спрятав в карман то, что осталось от новой кепки, Илья молча зашагал к болоту. Он изо всех сил хотел показать, что спор был честный и никакой обиды он в сердце не затаил. Но кажется мне почему-то, что именно в тот день Илья впервые осознал, какую страшную опасность несет обшарпанное ружье Эдика для всего живого. «Я отказываюсь от охоты, – в тот же день заявил он. – Отказываюсь раз и навсегда». – «Да почему?» – удивился я. «Да потому, что скоро мы съедем всех наших куличков». – «Тоже мне! – фыркнул Эдик. – Этих куличков, как мошкары». – «Бизонов в Северной Америке было еще больше, – отрезал будущий писатель. – И мамонты паслись в Сибири на каждом лугу. Где они теперь?» – «Это я, что ли, перестрелял их?» – «Вот именно!»

Илья не только отказался от охоты.

Он еще завел специальный альбомчик, куда терпеливо вносил все данные об исчезающих и уже исчезнувших видах, когда-то или сейчас обративших на себя внимание *эдигов*. Так он сам говорил. Это его определение. Человек с ружьем – *эдик*. Бизоны, птица изунду, гривистая крыса, газель Гранта, коу-прей из Камбоджи, ленивцы Патагонии, – сам того не понимая, Илья создавал аналог будущей Красной книги. Я пожимал плечами: «Ну, татцельвурм или квагга, это понятно. Но зачем ты внес в список наших болотных куличков?»

Илья отвечал одно: «*Эдик...*»

«Человечество склонно недооценивать *эдигов*, – писал Илья Ковров (новосибирский) в предисловии к своей знаменитой книге „Реквием по червю“. – Они идут с нами. Они всегда рядом. Мы невольно поддерживаем их. Они такие, как мы. Они входят в будущее вместе с нами, поэтому все усилия создать единую высокую мораль бесплодны. Будущее невозможно, пока *эдики* с нами. Вместе с ними мы привнесем в будущее нашу жадность, нашу корысть, наше равнодушие».

«Но спасти человека следует даже в *эдике*, – возражал моему другу новгородец в своей не менее знаменитой книге „Человек с ружьем“. – Мораль ущербна, если мы спасем тигра, но не протягиваем руку *эдику*. Сравнения здесь неуместны. Человек звучит гордо, но обезьяна – перспективно».

В «Реквиеме по червю», переведенном на семьдесят шесть языков, мой старый друг описал прекрасные будущие времена, когда окончательно будет установлено, что мы, люди разумные, и вообще органическая жизнь явление уникальное в звездных масштабах. Ни в ближних галактиках, ни на окраинах Вселенной нет и намека на органику. Ясное осознание того, что биомасса Земли является собственно биомассой Вселенной, писал мой друг, приведет к осознанию того факта, что исчезновение даже отдельной особи, исчезновение даже самого, казалось бы, незаметного живого вида, к примеру ленточного червя, уменьшает не просто биомас-

су Земли, оно катастрофически уменьшает биомассу всей Вселенной. На страницах книги люди прекрасных грядущих времен, осознав уникальность *живого*, объявляли всеобщий траур, если вдруг по каким-то причинам вымирало то или иное существо. Звучали печальные мелодии, приспущались национальные флаги.

Это сближает.

4

Именно мне, расчетчику и исполнителю так называемой Малой Программы по установлению первых (односторонних) контактов с Будущим, пришло в голову привлечь к эксперименту кого-то из писателей. Я боялся своей склонности раскладывать все по полочкам. Попав даже на известную мне, но не раз менявшую название и облик улицу, я непременно начал бы доискиваться до ее истории. Я внимательно рассматривал бы прохожих – изменился ли их вид, лица, походка? Деревья – какая на них листва, как они выглядят, как посажены? Блеск луж – если они сохранятся на счастливых улицах Будущего. Мне нужен был помощник, умеющий быстро и точно выхватывать из окружающего главное.

Я обрадовался, узнав, что Большой Компьютер остановил свой выбор на Илье Коврове (новосибирском). Острое птичье лицо моего друга хорошо будет смотреться на счастливых улицах Будущего, решил я. И спросил Расчетчика: «По-

чему Ковров упомянут дважды? И почему не назван его дублер?» – «Все сделано, – улыбнулся Расчетчик. – Выдержаны все заданные параметры. Большой Компьютер указал на однопфамильцев».

И действительно, тот и другой Ковровы даже родились в один год. В одном и том же году издали первые книги. Примерно в одно время к ним пришла известность. Случалось, что почта одного приходила на адрес другого, и наоборот. И все же никто из них не отказался от родовой фамилии, не взял псевдонима.

«Мы достаточно не похожи!»

Это было так. Осанистый новгородец всегда оставался ровен и дружелюбен, а мой друг находился в движении. Бородатый новгородец предпочитал проводить свободные вечера в писательском клубе, а тщательно бритый новосибирец обожал мотаться по краям экзотическим, отдаленным. Илья Ковров (новосибирский) бичевал порок, а Илья Ковров (новгородский) воспевал добродетель.

Сообщив новгородцу о выборе Большого Компьютера, я в тот же день заглянул к Илье. Посетить Будущее? А что такого? Мой друг не очень удивился. Почему бы не посетить? Это теперь не сложнее, чем попасть в Египет, да? Я так много писал о Будущем, сказал Илья, что пора туда заглянуть. И заподозрил: «У меня есть дублер? Кто-то из физиков?»

– Зачем мне физик? Писатель? – догадался он. – Спорим, я угадаю, кто это?

Он угадал с первого раза.

– Опять этот новгородец! У тебя нет воображения! Почему не *эдик*, в конце концов?

– Но ты сам писал, что пока *эдик* рядом с нами, Будущее в опасности. Хотя сам я думаю иначе. Мне кажется, встретить *эдика* в Будущем так же невозможно, как где-нибудь на теннистых эспланадах Родоса.

– Родоса? – испугался Илья. – Ты следишь за нами?

– О чем ты? Я назвал первый пришедший в голову пункт.

– Но именно по эспланадам Родоса совсем недавно разгуливал *эдик*.

– Как он попал туда?

– Воспользовался возможностью посмотреть мир. Так он говорит. А если быть точным, лишний раз его облапошить.

– Мне кажется, ты все же несправедлив к Эдику.

– Как можно быть справедливым к чуме? – взорвался Илья. – Ты знаешь, что сказал Эдик своей жене сразу после свадьбы?

– Откуда мне знать такое?

– А я знаю!

– Ну?

– Он сказал: дорогая, неплохо бы нам заработать.

– Разумная мысль, – пробормотал я, не понимая, к чему он гнет.

– Его жена так не думала, – мрачно хмыкнул Илья. – Эдик имел в виду нечто совершенно конкретное. Если мы немед-

ленно разведемся, объяснил он жене, то получим на руки по сто восемьдесят рублей.

– Разве на разводе можно заработать?

– Жена Эдика тоже не подозревала об этом. Но Эдик объяснил ей, что, если, зарегистрировавшись, они тут же потеряют паспорта со штампами, за получение новых паспортов придется платить только по десять рублей.

– А разве в новых паспортах не будет штампов?

– Вот-вот! – обрадовался Илья. – И ты такой. И жена Эдика так спросила. А он ответил, что она выглядит пока что молодой, красивой и честной. Получая новый паспорт, не следует афишировать наш союз. Получив паспорта, объяснил Эдик, мы незамедлительно отправимся в Дворец бракосочетаний. А там вместе с новыми заявлениями каждому из нас выдадут по сто рублей компенсации – на приобретение обручальных колец. Обручальные кольца – символ, способствующий укреплению семейных уз. Без них не обходится ни одна свадьба. Вот и получается, что можно в один присест отхватить двести рублей. Вычти по десятке за новые паспорта, игра стоит свеч, правда?

5

В тот вечер Илья рассказал мне много интересного.

Он перечислил мне документы, позволившие Эдику Пугаву за короткий срок покорить столицу Сибири: диплом пед-

института (похоже, настоящий); справки о преподавании в различных школах (похоже, липовые); сберкнижка с неплохой суммой, собранной на шабашных работах. В столице Сибири, где он купил домик в частном секторе, он занялся делом выгодным по тем временам – перепродажей пользующихся спросом книг. Черный рынок сразу оценил мертвую хватку новоявленного культуртрегера. Кстати, тогда-то Эдик и узнал, что один из двух знаменитых писателей Ковровых – его бывший кореш. Это послужило хорошей причиной отправиться в круиз по Средиземноморью, поскольку писателями планировалась такая поездка. Прикидывая выгоды путешествия со знаменитостями, Эдик оформил все нужные документы. Он всем сердцем чувствовал, что затраты на поездку окупятся. «Заполняя анкету, – возмущался Илья, – на вопрос: „Какими языками владеете?“ – Эдик ответил кратко, но выразительно: „Никакими!“ И первые два дня не выходил из каюты, боясь, что я сбегу с корабля, увидев его на борту. В газетах тогда много писали о книгах моих и новгородца, вышедших в Греции и в Турции. Мы не могли отказаться от поездки».

– Но чем тебе помешал Эдик?

Илья округлил глаза:

– Они подружились!

– Кто они?

– Как это кто? Эдик и мой новгородский коллега. Ведь Ковров (новгородский) – лентяй. Он феноменальный лен-

тй. Он лентй от рождения. Он редко сходил на берег и пресс-конференции предпочитал проводить на судне. Лежал в шезлонге, посасывал трубку, а за новостями туда и сюда летал для него Эдик. Представляю, – раздраженно хмыкнул Илья, – как будет выглядеть герой его новой книги!

– Ты думаешь, он пишет про Эдика?

– Зачем думать? Я знаю.

Я усмехнулся.

Никогда не бывав в преддверии Северной Африки, я до рези в глазах увидел вдруг бесконечную, невероятную голубизну Эгейского моря – стаи несущихся сквозь брызги летучих рыб, палящий жар сумасшедшего солнца, а на голубом горизонте неторопливо сменяющие друг друга флаги грузовых и пассажирских судов. Я отчетливо разглядел сквозь дымку морских пространств худенькую фигурку моего друга, увидел его гуляющим по тенистой эспланаде, где бородастые художники набрасывали цветными мелками моментальные портреты прохожих. И так же отчетливо увидел новгородца, благодушно погруженного в очередной беккер – его любимое чтение. Он специально разложил шезлонг рядом с компанией спокойных ребят из Верхоянска или из Оймякона, короче, с полюса холода. Они дорвались до моря и солнца. Они ловили кайф. Они расписывали бесконечную, начатую еще в Одессе пульку. Только изредка они поднимали волевые головы: «Чего это там за город?» – «А это Афины», – лениво отвечал Ковров (новгородский). «А ничего город, не

мелкий», – одобряли ребята с полюса холода. И возвращались к игре.

Это сближает.

6

Время на корабле писатели проводили по-разному.

Новгородец предпочитал шезлонг. Тучный и загорелый, он листал бедекеры, которыми запасся на весь путь, и подробно пояснял ребятам с полюса холода меняющиеся морские пейзажи. А моего друга можно было видеть в машинном отделении, в шлюпке, отваливающей к встречному судну, на капитанском мостике. Везде.

Линдос...

Ираклион...

Кносс, Фест...

Рядом с Ильей Ковровым (новосибирским) суетливо крутился щербатый пузатенький человечек в бейсбольном кепи и с кожаной сумкой через плечо.

Эдик был тенью Ильи. А тень, она нас знает.

Конечно, Илья не терпел Эдика, но воспитание не позволяло ему отшить приятеля детства. Более того, скоро он начал привыкать к нему. И когда Эдик просил знаменитого земляка подержать свою кожаную сумку (обычно при выходе на берег или, наоборот, при подъеме на судно), Илья недовольно пыхтел, но в просьбе не отказывал. Стоило замаячить

впереди таможенному пункту, как Эдик срочно вспоминал, что он забыл в каюте носовой платок или там сигареты, и срочно передавал кожаную сумку писателю.

Таможенники и работники паспортного контроля, улыбаясь, протягивали Илье Коврову знаменитый роман, изданный на новогреческом, а кто-нибудь даже помогал ему поддерживать тяжелую сумку. Ведь подразумевалось, что она принадлежит Коврову. Со спокойной душой Эдик считал таможенников и сотрудников паспортного контроля дураками. Еще большим дураком он считал знаменитого писателя. Но если они садились отдохнуть в тени пальм на площади Синтагма или занимали столик на террасе открытого кафе на набережной Родоса, он непременно угощал Илью дешевыми отечественными сигаретами.

Илья не курил таких сигарет, но боялся обидеть Эдика.

«Я видел у тебя журнал. Кажется, греческий? Решил заняться языком?»

«Я что – ублюдок? – возражал Эдик. – Я читаю только отечественные журналы. Это „Ровесник“. Он для комсомольцев. Я подобрал его на скамье в Одессе. Это ты тратишь валюту на всякую ерунду, – уколол он Илью. – А я патриот. Мне интересно про музыку. Битлы, например, в пиджачках, как люди, а „АББА“ размалеваны так, что их бы в наше село не пустили!»

Новгородец относился к Эдику терпимее.

Если новосибирец таскал Эдика по знаменитым кабакам,

по мрачным закоулкам Пирея, или держал при себе всю ночь в шумных избирательных пунктах партии «Неа демократиа», или даже тыкал носом в древние мраморные плиты Айя-Софии, на которых смутно проступали доисторические изображения дьявола и ядерного взрыва, Эдик потом все передавал новгородцу с такими восхитительными подробностями, что тот в изумлении комкал в ладони свою рыжую бороду.

Но для самого Эдика смысл путешествия определился только в Стамбуле.

В том волшебном месте древнего города, которое всегда называлось Капалы Чаршы – Крытый рынок. С открытым ртом слушал Эдик басню о том, как на одном иностранном военном корабле, пришедшем в Стамбул, вышел из строя какой-то сверхсекретный механизм. Час простоя обходился иностранному капитану в весьма чувствительную сумму, а доставить сверхсекретный механизм могли только специальным рейсом, в проведении которого Турция иностранным гостям отказывала. Тогда-то отчаявшемуся капитану и посоветовали заглянуть на Капалы Чаршы, заметив, что там, в принципе, можно купить весь его корабль, только, конечно, в разобранном виде.

Капитан угрюмо отшутился, но на рынок заглянул.

К великому его изумлению, первый же торговец свел его с нужными людьми, и через три часа корабль вышел из Стамбула. Все его механизмы, в том числе самые сверхсекретные,

работали как часы.

На Крытом рынке Эдик даже растерялся.

Это странно, но там действительно было все.

Зерно, джинсы, медные подносы, кофе, обувь из Австралии, редкие марки, бельгийские кейс-атташе, парижские галстуки, романы капитана Мариетта на двадцати шести языках, пресный лед, севрский фарфор, чукотская резьба на клыке моржа, золотые перстни, медали и ордена всех стран, поддельные облигации, ценные бумаги государственного Банка Венесуэлы, рубашки из марлевки, чешская обувь, итальянская сантехника...

Даже водный гараж здесь можно было купить.

И не где-нибудь на отшибе, а прямо под знаменитым дворцом Гёксу.

Пока Илья Ковров (новгородский) изучал бедекеры, а Илья Ковров (новосибирский) встречался с читателями, Эдик тщательно выпытывал у опытных людей, сколько стоит килограмм белого египетского золота и что можно получить в обмен за десяток химических карандашей или пару расписных деревянных ложек.

Он так и впивался в каждого человека. Он не упускал возможности понять, кто перед ним и как его можно кинуть. Если честно, Эдик только один раз в жизни лопухнулся. В детстве. Когда встретил в лесу шпиона. Непонятно, что мог делать шпион в нашем темном, затерянном среди болот селе, но это был настоящий, это был иностранный шпион.

Сперва Эдик услышал шаги, и они показались ему незнакомыми.

Эдик отлично знал шаги всех жителей нашего села. Он с закрытыми глазами мог сказать, идет по улице его мама, или хромает кузнец Харитон, или мчится, сшибая репы, его приятель Илья, или, скажем, хлюпает по грязи председатель сельсовета Хромов.

И, подняв голову, действительно увидел чужого человека. Мужики в нашем селе ходили в телогрейках, ну, кое-кто в бушлатах и в шинелях военных лет, а на появившемся перед Эдиком шпионе поскрипывала удобная кожаная куртка с металлическими застежками. На голове красовался плоский берет, на ногах узкие сапоги и такие же узкие брюки из простого, но, видимо, крепкого материала. Чувствовалось, что это дорогие добротные вещи. Они нигде не жали и не давили. Они в принципе не могли доставлять хозяину неудобств. Шел тысяча девятьсот пятьдесят второй год. Холодная война была в разгаре, она не могла обойти наше село. Имей Эдик возможность, он, конечно, сразу бы бросился в сельсовет или в стройконтору за подмогой, но шпион присел на корточки прямо посреди узкой тропинки и устоялся на Эдика так печально, что в какой-то момент тот подумал, что шпиону надоело служить врагам социализма.

«Ты играй. Я тебе не буду мешать».

Не наш, не наш человек, получил Эдик новое подтверждение.

Любой местный мужик поинтересовался бы, какого черта Эдик здесь делает, а этот сразу – *играй*. Как будто можно играть на глазах настоящего иностранного шпиона. Эдик как-то по-особенному почувствовал себя. Латаные штаны, латаная рубашка, стоптанные сапоги, руки в царапинах и в цыпушках. Немея от страха, Эдик ждал, каких сведений потребует от него иностранный шпион. Он страшно жалел, что никаких особенных секретов не знает. Ну, отливают кузнец Харитон картечь из казенного свинца, ну, чистят пацаны соседские огороды. Правда, мама недавно шепталась с начальником дорстроя. Приезжал начальник в село и о чем-то шептался с мамой. Может, о новой грейдерной дороге до районного центра.

«Думаешь о Будущем?»

Эдик похолодел. Шпион видел его насквозь!

С истинным ужасом Эдик уставился на коробочку, которую шпион извлек из кармана.

«Это тебе. Покажи при случае Илюхе».

«Он все знает! – догадался Эдик. – Он даже про Илюху знает. Сейчас он меня подкупит. Сейчас я продам ему все секреты».

Повинуясь шпиону, Эдик коснулся металлической, холодной на ощупь коробочки. На крышке алела кнопка, как на аппарате кинопередвижки. «Сейчас нажму на нее – и все село, а вместе с ним новая грейдерная дорога взлетит на воздух!»

Но нажал.

И отбросил коробочку.

Внутри ее послышалось гнусное старческое брюзжание, будто там проснулся какой-то мерзкий старичок. Что-то там зашевелилось, забухтело, заругалось. Понятно, без слов, без слов, но Эдик прекрасно знал, какие именно слова произносятся в таких случаях, скажем, конюх Ефим или кузнец Харитон. А потом из-под металлической крышки высунулась механическая кривая ручка, похожая на обезьянью, и злобно ткнула в алую кнопку.

Крышка закрылась, и все смолкло.

«Шпион!» – не выдержал Эдик и бросился сквозь кусты к деревне.

7

Кузнец Харитон и одноногий дядька Эдика, вооруженные топором и старой берданкой, никого, конечно, не нашли у реки, и Эдик так никогда и не узнал, что встретил в тот день *меня*, проводившего первые сложные испытания МВ. А я никогда не рассказывал об этой истории Илье, боясь, что это повлияет на его решимость участвовать в эксперименте. Ведь Илья считал, что внутренне мы меняемся слишком мало. И все технические достижения человека никак не соответствуют внутреннему медленному его развитию. Искусственные спутники? Высадка человека на Луну? Точные тех-

нологии? МВ, наконец? Да нет, считал он. О прогрессе человечества следует судить по поведению людей в общественном транспорте.

И показывал старую газету.

«...по сообщениям из Уагадугу председатель Национального Совета революции Буркина-Фасо распустил правительство».

«...в итальянском городе Эриче открылся международный семинар ученых-физиков, посвященный проблемам мира и ядерной войны».

«...в женевском дворце наций открылась встреча правительственных организаций, изучающих палестинский вопрос».

«...в польском городе Магнушев состоялась манифестация ветеранов боев на западном берегу Вислы».

– Ну, какую из перечисленных проблем мы решили?

8

Рукопись Ильи Коврова (новгородского) я не читал.

Но догадываюсь, что его герой должен был спасти душу.

Ведь как иначе? Герой новгородца не гнушался спекуляций. Но лазурные берега Крита, величественные руины Микен не могли не подействовать на него. Тенистая Долина бабочек обволокла его нежной дымкой веков. Дыхание вечности помогло переродиться. И в родное село Эдик привез не

иностранные шмотки с этикетками модных фирм, а цветные монографии по истории античного искусства. И долгими летними вечерами, на полянке перед деревянным клубом, под сытое мычание коров с наслаждением рассказывал оторопевшим землякам об Афродите, о могучем Геракле, о первых олимпийцах, о славных битвах далекого прошлого, не забыв и о паскудном Минотавре, немножко похожем на откормленного племенного быка.

9

Совсем иначе отнесся к Эдику мой новосибирский друг. *«Эдик Пугаев начинал с деревянной ложки...»* Этой фразой открывалась его рукопись. И все в ней крутилось вокруг ченча, как на Востоке называют натуральный обмен. Отдав деревянную ложку за африканского слона, вы вовсе не совершаете там мошенничества. Нет, вы производите ченч. Вы пользуетесь ситуацией, которая сложилась так, что вашему партнеру расписная ложка в указанный момент нужнее слона.

Эдик не торопился.

Если уж забрался в такую даль, что с палубы не видно родного села, этим, конечно, следует воспользоваться. Не валяться, как новгородец, в шезлонге и не бегать вверх-вниз, как новосибирец.

– Красиво, – с презрением замечал Эдик, приманиваясь в

раскладном кресле рядом с задумчивым новгородцем. Судно стояло на рейде Пирея. – Смотри, какой домик. – Эдик с новгородцем почти в первый день перешел на «ты». – Богатый домик. Онасису, наверное, принадлежит. Тут все, наверное, ему принадлежит?

– Да нет. Эта вилла принадлежит всего лишь дряхлому псу покойного грека Пападопулоса, бывшего торговца недвижимостью, – неторопливо отвечал всезнающий новгородец. – Пападопулос сердился на своих родственников и незадолго до смерти указал в завещании, что все имущество должно перейти к его любимому псу.

– А что, греческие псы живут долго?

– Не думаю. Однако и десяток лет ожидания может привести в отчаяние самого крепкого греческого наследника.

– А в Греции продают собачий яд?

– Умирая, торговец выделил специальную сумму для охраны пса. Охранники, наверное, и сейчас покуривают на террасе.

Эдик присмотрелся, но ничего такого не увидел.

– Дома лучше, – вспомнил он родное село. – У нас бы никто не посмел бросить домик псу под хвост.

– Это так, – подтвердил новгородец.

– Что ты читаешь? Это иностранная газета?

– Можно сказать и так. Мне доставили ее с берега.

– И что пишут в иностранной газете?

– Да всякое.

– Ну, к примеру?

– Вот пишут, что на Кипре, в местности Эпископи, раскопаны руины очень древнего дома. Когда будем на Кипре, внимательно все рассмотрим. Каждую деталь. Пишут, что там найдены останки людей и лошади. Похоже, дом завалило при землетрясении, случившемся глубокой ночью пятнадцать веков назад.

– А как узнали, что землетрясение произошло ночью?

– Рядом со скелетом лошади лежал фонарь.

– Зачем лошади фонарь?

Новгородец качал головой:

– С тобой трудно. Ты задумывался о Будущем? Хотелось бы тебе знать, что там, в Будущем, с тобою случится?

– Почему это со мной?

– Да какая разница?

– Как это какая! – возмутился Эдик. – В Будущем я обязательно облысею. Зачем мне это? У нас в роду все лысеют к старости. Ведь Будущее – это просто старость, да? – Эдик злобно сплюнул за борт, метаясь в белую чайку. – Ну его, это Будущее. Лучше уж попасть в прошлое.

– А почему туда?

– Да что они знали там? Жгли костры да гоняли лосей по лесу. А у нас ружья, телевизоры, лодки-казанки... Ну, книги еще... – покосился он на писателя. – Мы бы любому древнему греку дали сто очков вперед – правда? А еще они там... – опасно хихикнул Эдик, – моду взяли на мечях драться!

Эдика очень задели и фонарь, найденный при погибшей лошади, и богатая вилла, в которой скучал пес покойного торговца недвижимостью. Вот он, Эдик Пугаев, живет в своем селе пусть не в плохом, но все же в обычном доме, и все удобства у него во дворе, а в столице Сибири у него мало-метражка на двадцать восемь метров... А тут отдельный домик!.. На море!.. И принадлежит псу!.. «Я им покажу неа демократию! Я у них откусаю!»

В Стамбуле, например, Эдику ужасно понравилась историческая колонна Константина Порфирородного. На ее вершине сиял когда-то бронзовый шар, но на шар Эдик опоздал – еще в тринадцатом веке хищники-крестоносцы перечекали шар на монеты. Но можно обойтись и без бронзового шара, решил Эдик, колонна хороша сама по себе. Вот только непонятно, сколько карандашей или расписных деревянных ложек потребует за историческую колонну хитрый турок, который делает вид, что приставлен к колонне для охраны? И как отнесутся земляки Эдика к тому, что на его огороде будет торчать такая знаменитая штука?

Пораскинув мозгами, Эдик, как всякий здравомыслящий человек, остановился на легковом автомобиле. В Афинах, да и в любом другом городе, новенькие легковые автомобили стояли прямо на обочине улицы. Подходи, плати звонкую монету и поезжай. В баки даже бензин залит. Родное село и столица Сибири возгордятся, если их земляк, скромный простой человек, пока еще не судимый, привезет из-за бугра

настоящий иностранный легковой автомобиль.

Это сближает.

10

Отсутствие валюты Эдика не смущало.

Главное – инициатива. В багаже у него было припрятано пять десятков карандашей 2М томской фабрики «Сибирь», семь деревянных расписных ложек и три плоских флакона с одеколоном «Зимняя сказка» – всё вещи на Ближнем Востоке повышенного спроса.

И пока судно шло и шло сквозь бесконечную изменчивость вод, пока возникали и таяли вдалеке рыжие скалы, пока взлетали над водой удивительные крылатые рыбы и распластывались на лазури бледные глубоководные медузы, Эдик все больше креп в той мысли, что делать ему в родном селе без иностранного автомобиля нечего.

Старинные пушки глядели на Эдика с крепостных стен. В арбалетных проемах мелькали круглые лица шведок и финок. Западные немцы, с кожей вялой и пресной, как прошлогодний гриб, пили смирновку в шнек-барах, но Эдик пьяниц презирал. И с ними заодно презирал чаек, рыб, медуз. Все глупое и скучное. У природы нет цели, думал он презрительно. У природы есть только причины. А у меня, у крепкого человека Эдуарда Пугаева, имеется цель. И я дотянусь до нее, хоть вылей передо мной еще одно Средиземное море.

Начал Эдик с Афин.

Хозяйка крошечной лавочки с удовольствием отдала за расписную деревянную ложку десяток одноразового пользования газовых зажигалок «Мальборо». Зажигалки Эдик загнал за семь долларов ребятам с полюса холода, чья нога ни разу за все время долгого плавания не ступала на сушу. А доллары ушли на два удивительных бледно-розовых коралловых ожерелья, которые Эдик в тот же день обменял на десять расписных деревянных ложек и на две литровые бутылки водки, захваченные в дорогу стеснительными туристками из Мордовии.

– Семь долларов! – втолковывал Эдику усатый грек. И показывал на пальцах: – Семь! И ни цента меньше! Это настоящая, это морская губка!

– Два! – упирался Эдик.

И показывал на пальцах:

– Два!.. Карандаша!.. Томской фабрики!..

После упорного торга губка переходила к Эдику.

Еще пять карандашей Эдик удачно отдал за чугунного, осатаневшего от похоти сатира. Эдик не собирался показывать сатира друзьям, хотя подобный соблазн приходил ему в голову. Он помнил, что на одесской таможне каждый чемодан просвечивают и никуда он этого сатира не спрячет, по-

этому, улучшив удобный момент, отдал сатира за три деревянные ложки и за плоский флакон «Зимней сказки» неопытной девушке из Ярославля.

Дела шли так удачно, что Эдик сам немножко осатанел.

Проходя мимо торговца цветами, он вдруг без всякого на то повода нацепил ему на грудь значок с изображением пузатого Винни-Пуха. Приятно было смотреть на улыбающегося грека, но, пройдя пять шагов, Эдик одумался, вернулся и изъял из цветочной корзины самую крупную, самую яркую розу.

Грек не возражал.

Греку было приятно.

А Эдик за эту розу получил от красивых девушек еще одну бутылку водки.

На знаменитых писателей Эдик теперь посматривал свысока. Книги пишут? Бывает. Но книгу кто будет читать всю жизнь? Это иностранный автомобиль нельзя оставить без внимания. На нем можно поехать в областной центр и выгодно продать на рынке ранние овощи. Так что не стоит хвататься книжками. Не книжки делают мир, а деньги. Новгородец, например, сам говорил, что театр Дионисия в Афинах археологи вообще отыскали только после того, как случайно нашли в земле металлическую монету с древним планом города.

Параллельно основным накоплениям (русская водка, белое египетское золото, американские доллары) Эдик приобрел

ретал и пустячки. Например, приобрел мужскую шотландскую юбку-кильт для тещи (она – свой мужик) и цветные трусы-багамы для тестя (пусть пугает мужиков в деревенской бане). Стало привычным делом вешать на плечо Ильи Коврова (новосибирского) тяжелую кожаную сумку с товаром. Двинулись туристы по трапу в чужую страну, сулящую новые приобретения, не теряйся, извинись, с тебя не убудет, смело вешай сумку на плечо писателя: я, мол, сигареты забыл или там платок-носовик, – и понаблюдай со стороны, убедись в полной безопасности. Илюху ни одна таможня не тронет, он знаменитость! А если обнаружат в сумке, висящей на плече знаменитого писателя, водку – он-то, Эдик, при чем? Всегда можно отмазаться. «Сумка моя, а водка писательская. Это он ее сунул. Пьет, козел!»

В общем, интересно. Дурел Эдик только от исторических мест.

Скажем, Микены. Чего там смотреть? Слева горы, справа горы. Ни речки, ни озера, ни магазина. Трава выгорела, оливы кривые и толстые. Уроды, а не деревья, уродский край. Понятно, почему древние греки лакали вино и воевали. Весь город – каменные ворота, украшенные львами, да выгребная яма. Не хочешь, да соберешь ватажку – вставить Трое.

Короче, скука.

Эдик бы в таком месте жить не стал.

Он знал, что ему другое предназначено. «Мектуб», – как сказал бы Илья. Эдик терпеливо ждал второго захода в Стам-

бул. Капалы Чаршы ему снился. Снился ему шумный Крытый рынок. И снился ему красивый надежный иностранный автомобиль!

12

На этом рукопись новосибирца обрывалась.

– Дорвался Эдик до иностранного автомобиля?

– Не знаю, – пожимал плечами Илья.

– Ты же сам таскал на плече его сумку.

– Но финал книги мне пока неясен. Мне многое пока неясно. Хочется писать о хорошем, а пишешь о дерьме. Я ведь еще ничего не написал о действительно великих людях, зато извел массу бумаги на *эдигов*. Я издеваюсь над ними, высмеиваю их поступки, но чем удачнее мой текст, тем увереннее *эдики* входят в Будущее. Понимаешь? Не удивлюсь, если они будут расхаживать по всему Будущему, как расхаживали по Родосу и Стамбулу. Можно сказать, что они въезжают в Будущее на мне. Мои книги, как ракеты, доставляют их в Будущее. Я смеюсь над ними и этим делаю их бессмертными. Лучшие книги лучших писателей посвящены мерзавцам. *Эдики* как грибок. Чтобы они не проникли в Будущее, нам следует запретить искусство!

– Не преувеличивай.

В сентябрьский дождливый вечер в рабочих залах НИИ дежурили энергетики, техники, вычислители. Там же находились члены специальной Комиссии и оба писателя. Выбор на участие в первом эксперименте пал на моего друга, но Ковров (новгородский) нисколько не расстроился. Погрузившись в удобное кресло, он доброжелательно ткнул пальцем в пузатую капсулу МВ, торчавшую посреди зала:

– Эта штука исчезнет?

Мой друг хмыкнул:

– Наверное.

И усмехнулся:

– Наверное, и я исчезну. А я даже не спросил: больно ли это?

– Неприятные ощущения появятся, но ненадолго, – успокоил я Илью. – Очень скоро мы окажемся в Будущем. В столь же реальном, кстати, как этот зал, эти кресла, капсула МВ и дождь за окном. В Будущем можно набить шишку, подраться. Но не советую этого делать. Помни об этом. Веди себя ровно. Если тебя спросят о чем-то, пожми плечами. Мы можем показаться окружающим чудаками, это не страшно. Мало ли на свете чудаков? Главное, не выглядеть тупыми и враждебными. Даже если нам не понравится то, что мы увидим.

Странные, без форм, фонари.

Даже не фонари, а некие пятна мерцающего тумана.

МВ была теперь надежно упрятана во влажных густых кустах. Исчезло тяжкое ощущение густых пластов (времени), которые мы неистово прорывали. Громкие незнакомые голоса доносились до нас с невидимых аллей, по которым шли и шли толпы. Футбольный матч? Митинг?

– Тебе не страшно?

Я улыбнулся.

Мы стояли на узкой тропинке.

Подходы к МВ казались свободными, нам никто не мог помешать.

Оглядываясь, мы двинулись вперед и вдруг оказались на тонущей в радужном сиянии аллее. Среди людей, явно торопившихся к какому-то известному им центру, мы ничем особенным не выделялись. Ну, может, не очень уверенной походкой и несколько старомодной одеждой. Впрочем, здесь постоянно мелькали похожие плащи и шляпы. Конечно, другой покрой, но наши дизайнеры не подкачали.

То здесь, то там раздавался смех. Обрывки фраз. «Разве не рано...» – «Но Эдик на месте...» – «А если его не будет у Эдика?...» – «Да почему?...» И доносился откуда-то неясный механический шум – то ли шипение пневматики, то ли что-

то еще такое.

Шипение.

И гул голосов.

Шипение и сразу гул множества голосов.

– Взгляни! Ты взгляни под ноги!

Пораженный, я остановился.

Упругие дорожки и аллеи, разбегающиеся среди деревьев парка, во многих местах были расписаны, исчерканы, зарисованы цветными мелками. «Ждем у эдика...» – «Встретимся у эдика...» – «Найдешь нас у эдика...» Неизвестный Эдик, чье имя писалось со строчной буквы, оказался в Будущем личностью весьма популярной. Я видел, как Илья поджал губы. Наверное, вспомнил свои размышления о Будущем. К счастью, несколько в стороне от аллеи, по которой мы шли, прокатился глубокий гром, вспыхнуло небо, и вдруг ввысь – над аллеями, над толпами, над невидимым близким городом – вознеслись сияющие фонтаны, невероятные величественные каскады огня, безмерные расплывающиеся облака цветных огней.

Они вспухали.

Они торжественно лопались.

Они расцветали в небе, как гигантские розы.

И до нас сразу докатился ликующий шум толпы: «Галли-наго!..»

– Что это значит?

Илья пожал плечами.

Мы в Будущем, говорил этот жест. Правда, не в том Будущем, куда со временем попадает каждый, разменяв здоровье на года, а в том, куда мы попали по своей воле, пока что ничего не потеряв.

На центральной аллее наплыв людей ошеломлял.

Улыбки, смех, сверкающие глаза. Мы не видели озабоченных лиц.

Девчущки в коротковатых платьицах, юнцы в блестящих тряпках, люди пожилые и откровенно старые, некоторые даже в шляпах, неистово орали, плясали, подпрыгивали. Их будто било током. И время от времени все это человеческое море взрывалось единым кличем: «Галлинаго!..»

Редкое единение.

Смеющаяся рыжая женщина размахивала голубым флажком. Приплясывал невысокий кореец, вскидывая над собой толстую книгу. Древний старик, играя в такт голосам плечами, разбрасывал розы. Каждый сам по себе был понятен, внятен, не вызывал никаких вопросов, но все вместе...

Смысл общего действия ускользал от нас.

– Ты писатель, – шепнул я. – О чем они кричат?

Но Илья уже подмигнул мне:

– Галлинаго!

Я похолодел.

Приплясывающий кореец вынырнул из толпы. Он явно понял выкрик Ильи. Он радовался вместе со всеми. Он хотел, чтобы мы тоже радовались:

– Он опять с нами!

– Галлинаго! – крикнул Илья.

– Мы вернули его!

– Ты что-нибудь понял? – быстро спросил я, когда кореец несколько отдалился.

– А что тут непонятного? – ответил Илья и начал ввинчиваться в толпу.

Я не боялся заблудиться, но уходить далеко от МВ в мои планы не входило.

Одновременно до меня дошло, что Илья ввинчивается в толпу не просто так. Он явно старался держаться поближе к приплясывающему корейцу. Возможно, хотел глянуть в книгу, которой размахивал кореец. Разве не интересно заглянуть в книгу, изданную в последней четверти загадочного двадцать первого века?

– «Буро-черная голова... – Илья, несомненно, цитировал. – По темени продольная широкая полоса охристого цвета... Спина бурая, с рыжими, скорее ржавыми пятнами... Длинный нос, острый, как отвертка... Ноги длинные, с зеленоватым отливом...» Неужели ты не помнишь? «Гнездится на болотах и во влажных еловых лесах...» *Gallinago gallinago* Linneus!.. Видишь, я не зря штудировал Брема. Если хочешь, могу напомнить, что мы съели не одного галлинаго. А последних съел Эдик.

– При чем тут это?

– А не водись длинноносая птичка на наших болотах, ни-

кто из нас недотянул бы до Будущего.

– Да о чем ты? Объясни!

– Да о наших крошечных галлинаго. О наших длинноносых болотных куличках. Помнишь, Эдик утверждал, что вкуснее всего они под чесночным соусом? Чесночным соусом он называл хорошо растертый чеснок. Под этим соусом были съедены последние кулички. Эдиком.

Я растерялся.

Ликующая толпа вынесла нас на круглую, прогнутую, как воронка, площадь.

И там, над площадью, в самом ее центре, над многими тысячами торжествующе задранных в небо лиц, мы увидели наконец то, к чему рвались эти толпы, – массивный, высеченный из единой гранитной глыбы монумент, над которым переливались, цвели невесть как высвеченные слова:

ГАЛЛИНАГО!

ОН ОПЯТЬ С НАМИ!

Каменный щербатый человечек в бейсбольном каменном кепи.

Каменные нехорошие глаза, прикрытые стеклами солнцезащитных очков с крошечным, но хорошо различимым фирменным знаком. Знакомый каменный зад, обтянутый джинсами. Кейс-атташе в руке. А правую руку каменный человечек вскинул над головой, то ли приветствуя собравшихся, то ли отмахиваясь сердито от ликующих возгласов.

Перед нами возвышался монумент Эдику.

Но для Ильи это был не просто Эдик. Для него это было крушением всех надежд. Теперь Илья окончательно убедился в том, что мы все-таки занесли вирус *эдика* в Будущее. Не мы лично, конечно, а наши книги, наша память, наше нежелание раз и навсегда вычеркнуть *эдика* из истории, как Эдик вычеркнул из истории болотных куличков.

Но зачем легкая асимметрия, несколько портящая массивную фигуру? – внимательно присмотрелся я. Зачем легкий, почти не бросающийся в глаза перебор всего того, что нормальным людям дается в меру? Зачем нос, удлинённый больше, чем надо? Зачем рука, поднятая выше, чем следует? Зачем вспыхивают в прозрачном, сияющем, пузырящемся от свежести вечернем воздухе всё новые и новые слова?

ТИП – ХОРДОВЫЕ

ПОДТИП – ПОЗВОНОЧНЫЕ

КЛАСС – МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

ОТРЯД – ПРИМАТЫ

СЕМЕЙСТВО – ГОМИНИДЫ

РОД – ГОМО

ВИД – САПИЕНС

ИМЯ – ЭДИК

Это же ключ! – понял я.

Имя героя не пишут со строчной буквы.

Имя героя, как правило, заслуживает заглавной.

Значит, что-то не так. Значит, я чего-то не понимаю. Иначе Илья не веселился бы так откровенно, искренне и свире-

по. И не пылали бы в небе торжествующе огненные колючие слова:

ТЫ ЕЛ СЫТНЕЕ ДРУГИХ
ТЫ ПИЛ ВКУСНЕЕ ДРУГИХ
ТЫ ОДЕВАЛСЯ ЛУЧШЕ ДРУГИХ
ТЫ ИМЕЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ

Ликующая толпа замерла.

Теперь она сжалась в единое трепещущее тело.

Теперь я чувствовал свою полную слитность с толпой. Теперь я был одним из многих. И радость, только радость несли всем слова, внезапно взорвавшиеся в прозрачном воздухе:

НО МЫ СПАСЛИ ГАЛЛИНАГО!

Толпа взревела:

– Галлинаго!.. Он снова с нами!..

Да, Эдик Пугаев прорвался в Будущее, перевел я дыхание, но этого можно не бояться. Да, Эдику Пугаеву воздвигли монумент, но вовсе не из восхищения перед совершёнными им делами. «Это же памятник литературному герою, – шепнул я уже догадавшемуся Илье. – Возможно даже, твоя работа?» – «Не забывай новгородца, – так же шепотом ответил Илья. – Он тоже пишет об Эдике».

И вдруг крикнул:

– Где он?

– В НИИ, разумеется.

– Да нет, я об этом корейце с книгой.

Как нарочно, из толпы, пританцовывая в такт льющейся

с неба музыке, опять вынырнул кореец. Теперь на сильном его локте сидела девочка с пышным бантом в волосах. Оба смеялись.

– Галлинаго! – крикнул Илья.

– Он опять с нами! – торжествовал кореец.

– Мы утерли Эдику нос!

– Галлинаго!

Илья, смеясь, потянул книгу из руки корейца.

– Илья!

Но мой друг меня не услышал.

Он вырвал книгу из руки оторопевшего корейца и бросился бежать по аллее, смешно перебирая тонкими ногами. Наверное, со стороны это выглядело смешно, но мне было не до смеха. Только что я был счастливым среди счастливых, только что я радовался вместе со всеми, и вдруг...

А Илья бежал.

Он не хотел меня слышать.

Он бежал по мелким лужам. Он разбрызгивал веселую воду, приводя в радостное недоумение людей, спешащих ему навстречу – на праздник возвращенного куличка. И догнал я писателя только шагах в десяти от кустов, за которыми мы спрятали пузатую капсулу МВ. Сейчас он сделает эти последние десять шагов, понял я, и неизвестная книга, объект из Будущего, артефакт совершенно невозможный и неприемлемый, окажется в нашем времени!

– Брось книгу!

– Но почему?

– Она принадлежит не тебе.

– А кому? – пыхтел Илья, изворачиваясь.

– Твоим внукам!

– А кому они обязаны Будущим?

Стены капсулы бледнели, истончаясь (мы боролись внутри). Зеленая тошнотворная дымка перехода затягивала прекрасное вечернее небо Будущего. Глуше становился рев торжествующей толпы. Я все же вырвал книгу (в кулаке у Ильи остался обрывок суперобложки) и вышвырнул ее из капсулы.

15

Специальная Комиссия собралась в моем кабинете.

– К сожалению, – покачал головой Председатель, – мы вынуждены констатировать вовсе не радующий факт. В наших руках оказался предмет, не имеющий отношения к конкретно текущему времени. Это обрывок суперобложки. Из достаточно отдаленного Будущего. Прочное искусственное волокно. С одной стороны явственно различима подпись, нанесенная на волокно графитным стержнем, – Чо Ен Хо. Возможно, подпись последнего владельца книги. На другой стороне обрывка суперобложки – портрет. К сожалению, неполный. Видна часть облысевшей или выбритой наголо головы. И три строки текста. Аннотация или рекламная врезка.

Он процитировал:

– «...и теперь Эдик стоит над миром как вечное „не прости“, завещанное нам классиком двадцатого века, прозаиком и эссеистом Ильей Ковровым...» И дата. Две тысячи одиннадцатый год.

И моргнул изумленно:

– Одно мы, правда, можем утверждать с достаточной вероятностью. Книга написана одним из наших друзей.

И замолчал.

Осознал проблему.

– А соавторство? – спросил кто-то.

– Здесь указан только один автор, – ответил я за Председателя. – Наши друзья никогда не работали вместе. Текст книги оказался бы слишком противоречивым, возьмись они за такое. Если бы первую главу написал Илья Ковров (новосибирский), могу утверждать, что Эдик выменял бы за пару матрешек самый большой минарет стамбульской мечети Ени Валиде, известной под именем мечети Султанши-матери. Зато во второй главе, если бы ее написал Илья Ковров (новгородский), Эдик раскаялся бы в содеянном и засел бы в корабельной библиотеке, занявшись в виде искупления проблемами славян на Крите. А в третьей главе, напиши ее мой сибирский друг, Эдик в грозном приступе рецидива получил бы в свои руки знаменитый фестский диск, чтобы тут же обменять его на подержанный иностранный автомобиль. И так далее. Понимаете?

Члены Комиссии дружно кивнули.

– Значит, – закончил я, – книга написана только Ильей Ковровым. Одним. Без соавтора.
– Но кем именно?

16

И вы вправе задать мне такой вопрос.

Хотя ответить на него, конечно, могут только сами писатели.

Я уполномочен сообщить вам, что слухи об отходе известных писателей от практической деятельности весьма и весьма преувеличены.

Оба живы, оба здоровы.

Оба шлют участникам форума наилучшие пожелания.

Что же касается новых произведений, то работа над ними не прерывалась и не прерывается. Оба писателя работают много, хотя выход в свет их новых произведений планируется не ранее 2011 года. Наверное, вы теперь понимаете причину этого. Конечно, дата не самая близкая. Несомненно, читатели преклонного возраста будут огорчены. Но указана такая дата под давлением объективных обстоятельств и никем, кроме самих писателей и Специальной Комиссии, не может быть изменена.

Каждое утро я слышу в кабинете Ильи Коврова (новосибирского) шаги.

Он ходит от стены до стены, наговаривая вслух фразы бу-

душей книги. Иногда заходит ко мне. Пробует горячий кофе. Говорит ревниво: «Я видел вчера новые фотографии. Наш новгородский друг начинает лысеть. Если дело пойдет так дальше, я начну брить голову».

Я киваю.

Я тоже помню.

Две тысячи одиннадцатый год... Обрывок суперобложки... Лысая голова.

Конечно, время ничего и никого не щадит. Но мы не вправе торопить друг друга. Тем более людей, обреченных на славу. А люди, обреченные на славу в Будущем, вообще, на мой взгляд, теряют право на спешку.

Это сближает!

Демон Сократа

Там, где возможно все, ничто уже не имеет значения...

Глава I. Юренив

Пакет подсунули под дверь, пока я спал.

Пакет лежал на полу, плоский и серый, очень скучный на вид. Он не был подписан и не просился в руки, – впрочем, я и не торопился его подбирать. Сжав ладонями мокрые от пота виски, я сидел на краю дивана, пытаюсь утишить, унять задыхающееся, останавливающееся сердце.

Зато я вырвался из сна.

Там, во сне, в который уже раз осталась вытоптанная поляна под черной траурной лиственницей. Палатка, освещенная снаружи, тоже осталась там. Ни фонаря, ни звезд, ни луны в беззвездной ночи, и все равно палатка была освещена снаружи. По смутно светящемуся пологу, как по стеклам поезда, отходящего от перрона, скользили тени. Они убыстряли бег, становились четче, сливались в странную вязь, в подобие каких-то письмен, если только такие странные письмена могли где-то существовать. В их непоколебимом беге что-то постоянно менялось, вязь превращалась в рисунок, я

начинал различать смутное лицо, знакомое и в то же время мучительно чужое.

Кто это? Кто? Я не мог ни вспомнить, ни шевельнуться, я только знал – я умираю. И все время непрерывно, жутко и мощно била по ушам чужая, быстрая птичья речь, отдающая холодом и металлом компьютерного синтезатора.

Я умирал.

Я знал, что умираю.

Я не мог двинуть ни одним мускулом, не мог даже застонать, а спасение, я чувствовал, крылось только в этом. Я беззвучно, я страшно, без слов вопил, пытаюсь пробиться сквозь сон к дальнему, пробивающемуся сквозь птичью речь крику:

– Хвощинский!

И грохот.

Крик, а за ним грохот.

Далекий грохот, обжигающий нервы нечеловеческой болью.

– Хвощинский!

Я сумел застонать и всплыл из ужаса умирания.

Серый пакет лежал под дверью, в номере было сумеречно, горел только ночник. В дверь явно колотили ногой, незнакомые испуганные женские голоса перебивались рыком Юренева:

– Где ключи? Какого черта! Дождусь я ключей?

И снова удары ногой в дверь.

– Хвощинский!

Меньше всего я хотел видеть сейчас Юренева. Не ради него я приехал в Городок, незачем было Юрениву ломиться в мой номер, как в собственную квартиру. В некотором смысле ведомственная гостиница, конечно, принадлежала и Юрениву, то есть научно-исследовательскому институту Козмина-Екунина, малоизвестному закрытому институту, но все равно ломиться Юрениву ко мне не стоило: два года назад мы расстались с ним вовсе не друзьями.

Не отвечая на грохот, не отвечая на голоса, едва сдерживая разрывающееся от боли сердце, я добрался до ванной. Ледяная вода освежила. Возвращаясь, я даже поднял с пола пакет и бросил его на тумбочку. Все потом. Сперва нужно прийти в себя, отдышаться.

Собственно, в гостиницу я попал случайно.

Я приехал вечером, идти было некуда, вот я и поднялся в холл – только для того, чтобы позвонить по телефону. Толстомордый швейцар сразу ткнул толстым пальцем в объявление, отпечатанное типографским способом: «Мест нет», и так же молча и презрительно перевел толстый палец левее: «Международный симпозиум по информационным системам».

Я понимающе кивнул:

– Мне только позвонить...

Толстомордый швейцар раскрыл рот.

Пари готов держать, я знал, что именно хочет сказать швейцар, но, к счастью, вмешалась рыжая администратор-

ша. Если быть совсем точным, рыжей была не администраторша, а ее парик. Не понимаю, как можно надевать парик в жаркий июльский день, но все равно администраторша оказалась добрее, чем толстомордый швейцар:

– Звоните.

Я бросил монету в автомат.

Длинные гудки... Долгие гудки...

Зачем вообще носят парики? Почему парики носят даже летом? – размышлял я. Почему в швейцары, как правило, идут бывшие военные? У них что, пенсия маленькая?

В трубке щелкнуло. Незнакомый мужской голос произнес:

– Слушаю.

– Андрея Михайловича, пожалуйста.

– Кто его спрашивает?

– Хвощинский.

– Изложите суть дела.

Я удивился:

– Какую суть? Личное дело.

– Позвоните по телефону ноль шесть, ноль шесть... – Две первые цифры подразумевались. – Вам ответит доктор Юрнев.

– Зачем мне Юрнев? Мне нужен Козмин. Мне нужен Андрей Михайлович.

Но трубку уже положили.

Я удивленно присвистнул.

Рыжая администраторша смотрела на меня из-за стойки

со странным, даже с каким-то подозрительным интересом. Их тут всех, наверное, окончательно засекретили, подумал я. Швейцар в дверях шумно зевал, ожидая, когда я проследую мимо, чтобы высказать мне свои, накопившиеся в нем соображения.

Я набрал номер Ии. Не хотел ей звонить, не собирался, но набрал. И даже обрадовался, когда ответила не она, а все тот же незнакомый мужской голос:

– Слушаю.

– Ию Теличкину, пожалуйста.

– Кто ее спрашивает?

– Хвоцинский.

– Изложите суть дела.

Я еще больше удивился:

– Что за черт? Всего лишь личное дело.

– Позвоните по телефону ноль шесть, ноль шесть. Вам ответит доктор Юренев.

– Мне не нужен доктор Юренев!

Но трубку уже положили.

Я тоже повесил трубку, не Юреневу же, в самом деле, звонить, и задумался. Решил, пойду к ребятам в газету, разыщу кого-нибудь из знакомых, устроят. Не хотел я звонить Юреневу.

– Господин Хвоцинский!

Я обернулся.

Рыжая администраторша улыбалась из-за стойки очень

сладко, очень загадочно. Она даже привстала из-за стойки, что явно сбило с толку толстомордого швейцара. Он даже перестал зевать, пытаясь сообразить: что, собственно, происходит?

– Что же вы так, господин Хвоцинский? – Администраторша, несомненно, слышала каждое слово, сказанное мною в трубку. – Мы вас ждем, мы вас давно ждем, номер на вас заказан.

– Заказан? – удивился я.

Она глянула в лежащие перед нею бумаги:

– Уже месяц как заказан. Так и стоит пустой... – Администраторша так и ела меня голубыми пронзительными глазами, пытаясь понять тайну моего пустующего номера. – Вы сейчас, наверное, прямо из-за кордона?

– Нет, – ответил я, прикидывая, могла ли она ошибиться и чего мне может стоить ее ошибка. – Я сейчас не из-за кордона.

– Да это не важно, – махнула рукой администраторша. – Юрий Сергеевич так и распорядился: держать номер для Хвоцинского. Когда, дескать, явится, тогда и явится. Я говорю: как же так, Юрий Сергеевич? Почему пустовать номеру? А Юрий Сергеевич: и пусть пустует! А вас нет и нет. Только сейчас нечаянно и услышала, что вы Хвоцинский! Дмитрий Иванович, да? Писатель?

Я кивнул.

– А вещи? – спросила администраторша.

– На крыльчке, – пояснил я. – Всего-то сумка спортивная. С сумкой меня швейцар вообще бы не пропустил.

– Да ладно, ладно, Дмитрий Иванович, – взмахнула администраторша сразу обеими руками. – Я ведь все слышала. Теличкина, Козмин... Я сразу все поняла. Мне Юрий Сергеевич настрого приказал: Хвоцинский появится – сразу в номер. А если там кофе или еще что – сразу к дежурной по этажу. Вы же у нас проходите в гостинице как иностранец. – И закричала строго швейцару: – Никитыч! Чего стоишь? Вещи в номер Хвоцинского!

Фокусы Юренева, подумал я. Провидец.

Но сейчас, сидя на диване, чуть освеженный ледяной водой, но все еще разбитый, я чувствовал лишь злое недоумение: какого черта Юренив ломится ко мне в номер среди ночи? Я сознавал, что из моего смертельного сна меня выдернул именно шум, поднятый Юренивым, но все равно... Все же третий час ночи...

Испуганные приглушенные женские голоса, рык Юренива:

– Где ключи?

Сердце медленно успокаивалось, боль уходила.

– Ключи, вашу мать! Будут ключи когда-нибудь?

– Таньку сейчас найдут, Таньку! – оправдывались, суетились за дверью приглушенные женские голоса. – У Таньки ключи. Сейчас ее найдут, Таньку.

– Дверь вышибу!

– Юрий Сергеевич, – суетились, оправдывались испуганные женские голоса. – Иностранцы здесь. Всех побудите.

Нашли чем пугать, усмехнулся я, дотягиваясь до сигарет. Спичек, впрочем, не оказалось. Я случайно нашел спичку на подоконнике и чиркнул о пустую коробку. Какого черта нужно от меня Юрленеву?

– А вот и Танька! – радостно заголосили под дверью. – Чего ж ты спишь, Танька? Тут вот Юрий Сергеевич!

Я хмыкнул, не желая участвовать в развитии событий. А развитие событий не замедлило.

Послышались царапанье, легкий скрежет. Дверь распахнулась.

«Два ангела напрасных за спиной...» За широкой спиной Юрленева пугливо прятались не два, а целых три ангела, точнее, ангелицы, все раскрасневшиеся и вострапанные; самой вострапанной выглядела ангелица Танька – она, по-моему, и сейчас спала.

Зато Юрленев был в самой форме.

Да, он был в той самой форме, когда уже совершенно не важно, рассыпаются ли картинно седые кудри по вискам и по лбу, или ты просто небрежно прижал их к потной голове огромной ладонью. Джинсы, закатанные до колен, сандалии на босу ногу, вызывающая футболка под расстегнутым, изжеванным пиджаком с оттянутыми карманами и дивный рисунок на футболке, поддетой под пиджак: бескрайняя степь, а на ее фоне фаллической формы камень: «Оля была здесь».

Нормальная современная футболка.

Плечистый, огромный, моргающий изумленно Юренев, выпятив вперед брюхо, двумя руками оттолкнул дежурных ангелиц в коридор, гулко захлопнул дверь и прошел мимо меня, распространяя запах хороших сигарет, коньяка, кофе. Он трубно и изумленно рычал:

– Счастливчик, Хвоцинский! Спишь и спишь! В следующий раз дверь сломаю, трубу иерихонскую притащу!

Его ничуть не смущало мое молчание. Он попросту не замечал моего молчания. Он добился своего, он видел меня, он ворвался в мой номер – это наполняло его гордостью и восторгом.

– Смотри! – трубил он, изумленно помаргивая. – Смотри на меня, Хвоцинский! Я вот он, пришел! Узнаёшь? Радуешься?

Я невольно усмехнулся.

Юренев всегда ставил меня в тупик.

Начинал Юренев у Козмина в лаборатории исследований новых методов получения информации.

«Разве известных методов мало?» – спрашивал я.

«Для тебя, может, и достаточно, ты писатель. – Юренев никогда не скрывал того, что думал. – Только тебе не объяснить. Ты не поймешь. Я тебе начерчу символ, а ты скажешь: греческая закорючка. Не требуй лишнего. Оставайся собой. Твое дело – поверхностные явления. Описывай природу, описывай своих землепроходцев, там есть о чем врать.

Ну, скажи, скажи, волнует тебя то, что состояние Вселенной на нынешнюю эпоху несколько противоречит второму началу термодинамики?»

«А оно противоречит?»

Мое невежество всегда восхищало Юренева, он пузыри пускал от восторга. Он был полон вопросов, которые действительно казались мне несколько напыщенными, а иногда и бессмысленными. Почему мы помним прошлое, а не будущее? Почему время не течет вспять? Почему Вселенная вообще существует? Возможно, Юренев признавал мою интуицию, но мои знания он и в грош не ставил. И сейчас пер на меня как танк, чудовищно довольный тем, что в три часа ночи вломился в мой номер.

– Кыкамарг! – ревел он. – Тагам! – И объяснял: – Это по-чукотски, Хвощинский! Тебе не понять, ты, бывает, путаешься и в русском, сам читал твои книги. Даже рецензентов твоих читал. Ну и поганые у тебя рецензенты! – Юренев откровенно ждал моего восхищения. – Может, я не точно выговариваю чукотские слова, но тебе так не сказать.

– Конечно не сказать. Я никогда не знал чукотского, – пробормотал я.

Мое сообщение Юренева явно заинтересовало.

– Да ну? – не поверил он.

И моргнул изумленно:

– Мы научим! Мы тебя многому научим, Хвощинский, раз уж ты здесь. По-настоящему бездарных людей не суще-

ствует, Хвощинский. Ну, может, какой-то совсем уж особенный случай.

Рыча, всхрапывая от восторга, он сдвинул на столе книги, полупустой графин, пепельницу с одним окурком, и начал извлекать из оттянутых карманов своего жестоко помятого пиджака какие-то подозрительные кульки, недопитую бутылку с коричневой жидкостью, смятую пачку «Кэмела», настоящего, дорогого, без фильтра, и, совсем уже торжествуя, выложил прямо на скатерть изжужльканный соленый огурчик, весь в пятнышках укропа и табака.

– В буфете стащил! – с гордостью прорычал он. – Буфетчица отвернулась, я стащил. Я бы и два стащил, да боялся – рука в банке застрянет. У Роджера Гомеса рука тонкая, его рука в банке бы не застряла, но Роджер впал в испуг. Будь у меня такая рука, как у Роджера Гомеса, я бы полбанки стащил, а Роджер впал в испуг. Тоже мне Колумбия, мафия! Знаем теперь, какая там у них в Колумбии мафия!

– Нельзя было купить?

– С ума сошел! – Юренив чуть не протрезвел от внезапной ко мне жалости. – «Купить».

Он завалился на застонавшее под ним кресло, грудь его выпятилась. Да, я не ошибся, верхушка фаллического камня на его футболке действительно была украшена надписью: «Оля была здесь».

– Ты глупостями набит, Хвощинский! – Юренив воззрился на меня изумленно. – Ты на аксиологии сломался, это бе-

да многих, тебя система ценностей подкосила. А ценить надо... – Он искал не дающееся, ускользающее от него слово. – Ценить надо невероятность. На кой мне то, что объяснит даже буфетчица? Я ценю то, что даже тебе в голову не придет, что даже тебе в голову прийти не может!

– Провидец...

Но как ни злись, я отдавал Юреневу должное.

Ведь это он заставил Леньку Кротова купить лотерейный билет, а потом отмахивался, не желая принимать даже самую малую часть приличного выигрыша. Это он не пустил Ию в командировку в тот крошечный и несчастный азиатский городок, что был снесен через неделю с лица земли селевыми потоками. Это он предсказал одиноким девушкам из отдела кадров поголовную и внезапную беременность, что вскоре и произошло, к вящему гневу Козмина-Екунина. Короче, за словами Юренева далеко не всегда стоял треп.

Лучше молчать. Пусть выговорится.

А стаканы уже звякнули, он даже не сполоснул стаканы.

– Трогай, Хвоцинский! Мы тут тебя ждем, как голубя с оливковой ветвью в клюве, а ты где-то за бугром болтаешься. Мало тебе было Алтай?

Лучше бы он не вспоминал про Алтай...

– Трогай, Хвоцинский, трогай! – Юренев даже постанывал от нетерпения.

Я невольно усмехнулся. Юренев сразу расцвел:

– До дна!

И зарычал, заглотив свою долю:

– Бабилон!

Его любимая приговорка...

– Спирт на орешках. Сильно? – объяснил он и широкой ладонью прижал к голове топорщащиеся седые кудри. – Я этой настойкой Роджера Гомеса поднимаю на ноги. А он колумбиец, у них там мафия. – Юренив изумленно моргнул. – От похмелья иногда можно избавиться.

– От трезвости тоже.

– Ты прав! – Он восхищенно моргнул, но тут же нахмурился, полез в карман. – Ты напрасно ждешь хороших рецензий, Хвоцинский. Не будет тебе хороших рецензий.

Провидец. Номер в гостинице он мог, конечно, снять и вслепую, черт с ним, но откуда ему было знать, что я действительно жду рецензий?

– Книгу читал?

– С ума сошел! Время тратить. – Юренив рылся в карманах своего измятого пиджака. – Где зажигалка? Я твои романы и раньше читать не мог. – Это он врал, набивая себе цену, к чему-то меня готовил. – Где зажигалка?.. В буфете оставил!.. Роджер подарил, а я оставил. У них там, в Колумбии, мафия. Спички где? – рявкнул он на меня. – Тебе платят за твои романы? Где спички?

Он обхлопал карманы, заглянул зачем-то под стол, перевернул серый пакет, так и валявшийся на тумбочке. От толчка дверца тумбочки распахнулась, и Юренив узрел припря-

танную там бутылку «Тбилиси».

– Ну вот! – восхищенно выдохнул он, будто искал именно бутылку. И выставил ее на стол. – К такому коньяку... – Он жадно потянул носом. – Лимончик! – Он даже огляделся, будто пытаюсь понять, где я прячу лимон. – А хороших рецензий не жди. Будут тебе рецензии, Хвоцинский, но лучше бы их и не было!

– Ты еще не академик?

Он вдруг заколыхался, как спрут:

– Академик? Зачем? Спички где? – Спички явно интересовали его больше, чем ученые звания. – Ну, Бабилон. Писатель без спичек!

Он нашел пустую коробку и разочарованно раздавил ее в огромной ладони.

Скорее машинально, я тоже полез в карман, но там ничего, конечно, не оказалось. Лишь в нагрудном пальцы мне обожгла копейка.

– Нет спичек. Кончились.

– Бабилон! – мое сообщение изумило Юренева. – Ты же толстые романы печатаешь.

– Оплачивают их не спичками.

– Да ну? – Он пораженно уставился на меня, он не мог этому поверить, он меня жалел. – В буфете надо было стащить. Были в буфете спички.

– Что за страсть хапать чужое?

– Чужое? Какое чужое? Нет ничего чужого, Хвоцинский.

– А что есть?

– Неупорядоченное множество случайностей. – Он изумленно моргнул. – Ни больше ни меньше. Так что лавируй – не то жизнь уйдет.

Я снова сунул пальцы в нагрудный кармашек.

Копейку, что так обожгла меня, вручил мне два года назад Юренев. Правда, уже не на Алтае, а в Городке. И даже не в Городке, а на железнодорожном вокзале. Я уезжал один, ночью, я никого не хотел видеть, ни Ию, ни Козмина, ни Юренева, но именно Юренев все-таки отыскал меня на вокзале. Небритый и злой.

– Что? Бежишь?

Я кивнул:

– Бегу.

– Надолго бежишь?

Я кивнул:

– Надолго.

– Тогда катись!

Он выругался и что-то сунул мне в руку.

Копейка...

– За какие заслуги?

– Это ты у Ии спроси.

– У Ии?

– У нее, у нее, придурок.

Интересно, помнил он это?

Я с трудом отмахивался от вдруг всплывшего в памяти:

ночь, чужой вокзал... и настоящая грусть... цыганка бормо-
чет рядом... Юренив...

Но ведь он все-таки появился...

– Ну, Бабилон! Где спички?

Глава II. Огонь из ничего

Все это время серый скучный пакет незаметно валялся на тумбочке. Ни я, ни Юренив его просто не замечали. Спирт ли подействовал, а может, ночное смутное состояние, но мы оба впали в болтливость. При этом я искренне презирал себя за беспринципность, что же касается Юренива, то он только все больше распался. А небо меж тем светлело, какая-то птаха за окном пискнула, тень мелькнула.

Может, мышь. Они тоже летают.

Юренив, рыча, снова искал спички, ни к кому, даже к колумбийцу, идти он не хотел. Я, ворочаясь, следя за ним беспокойно, спрашивал. Меня многое интересовало. Со стороны все наши действия могли казаться бессмысленными, но остановиться мы уже не могли.

– Ты исторические романы пишешь! – рычал Юренив. – Где спички?

– Мне Андрей Михайлович всегда говорил, ты плохо кончишь, – отругивался я. – Я звоню, а мне дают какой-то дурацкий телефон. Ноль шесть, ноль шесть. Зачем мне твой телефон?

– Я этих спичек могу припереть хоть ящик. Зажигалку оставил. Всех перебуду!

– Мне-то что, меня ты уже разбудил. Я из-за тебя никому не могу дозвониться.

– Зато ты у Козмина вечно ходил в любимчиках? Ынки! – рычал Юрнев.

«В любимчиках...» Может, мне показалось – скорее всего, показалось, – но в мощном рыке Юренева вдруг прозвучала какая-то странная нота, будто в мощном многоголосье я нечаянно тронул не ту струну.

– Ты международные конференции проводишь, – лениво отругивался я. – Толстомордый швейцар трепещет при одном твоём виде. Вот говоришь по-чукотски. Почему по-чукотски? Договор подписал с чукчами? Совместная тема?

Я ничуть не боялся обидеть Юренева, мне даже хотелось его обидеть, но слова от Юренева отскакивали как от скалы. Он гудел как динамо-машина, он раздувал грудь. «Оля была здесь».

– Гошу помнишь? Поротова помнишь? – рычал он, обнажая на удивление ровные зубы. – Вот Гоше будут рецензии, он никого своими книгами не задевает.

Изумленно моргнув, Юрнев вдруг повел нараспев, явно подражая голосу неизвестного мне Гоши Поротова:

– «Только снова заалет зорька на востоке, раздаются крики уток на речной протоке: ахама, хама, хама, ик, ик, ик!» С ума сойти, Хвоцинский, как хорошо! А ты Гошу не пом-

нишь. У него, помню, зажигалка была, такая – из охотничьего патрона.

Я перебивал Юренева:

– Куда ни позвоню, везде ноль шесть, ноль шесть. Это что, телефон доверия? Я трубку теперь боюсь брать в руки.

Юренев торжествовал:

– Ахама, хама, хама!

Я пытал:

– Где Андрей Михайлович, где членкор Козмин-Екунин? Почему ни до кого нельзя дозвониться?

Юренев не слышал меня, раздувал грудь изумленно:

– «Захватив ружьишко, Ое с песней мчится к речке. Вы сейчас, певуны-утки, будете все в печке. Ахама, хама, хама, ик, ик!»

Я пытал:

– Где Андрей Михайлович?..

Как ни странно, лет десять назад с Юрениным свел меня именно Козмин-Екунин. До того я много слышал о небольшом закрытом институте, вроде как бы даже и несуществующем, в каких-то домах я даже пересекался с самим Козминым, но до настоящих разговоров с закрытым членом-корреспондентом АН СССР дело как-то не доходило. А я тогда был в ударе: рукопись романа складывалась. Написав с утра две-три странички, я натягивал спортивный костюм и бежал к Зырянке. Улица спускалась в овраг, по узкой тропинке можно было выбраться на луг, к живописной искус-

ственной горке. Бегай хоть час, никого не встретишь. Но однажды, после дождя, шлепая по отсыревшей траве, я чуть не сбил с ног Козмина-Екунина.

Выглядел член-корреспондент весьма необычно.

Тяжелый брезентовый плащ чуть ли не до земли, болотные резиновые сапоги, на голове серый подшлемник танкиста. На груди, на плечах подвесные карманы, за спиной плоский, но, кажется, увесистый рюкзак и три антенны, устремленные в небо. Какие-то датчики были закреплены даже на дужках очков. Не человек, а робот. Я оторопел от неожиданности.

– Простите. – Козмин-Екунин всегда отличался вежливостью. – Вам сегодня не надо туда бежать. – Он ткнул рукой в сторону искусственной горки. – Вы ведь туда бежите?

Я кивнул:

– Туда.

И спросил:

– Почему не надо?

– Вы же правой рукой работаете? – Склонив голову к плечу, Козмин-Екунин к чему-то прислушивался – может, к невидимым наушникам. – Я имею в виду пишущую машинку. Вы ведь работаете правой рукой?

Я кивнул.

К своему стыду, я так и не научился работать на машинке всеми пальцами.

– Не надо вам сегодня туда бежать, – повторил Коз-

мин-Екунин, все так же к чему-то прислушиваясь. – День нынче такой. Вы руку сломаете.

– Правую? – тупо уточнил я.

Он вежливо кивнул:

– Правую.

– Но я не понимаю...

– И не надо пока. – Козмин-Екунин оценивающе улыбнулся. – Представьте, сегодня день такой. Именно для вас такой.

И предупредил:

– Мне можно верить.

И вежливо предложил:

– Давайте вместе пойдем.

– Куда? К горке?

– Нет, к дому. Я, кстати, давно хотел поговорить с вами.

Мне вашу книгу давали...

Странный разговор. Я его потом записал. О человеческой судьбе, о книгах, о таинстве сюжета, о необратимых играх, ведущих только к проигрышу... Есть что-то величественное в том, что мы всегда уходим, а мир всегда остается... Об экспериментах, требующих непредвзятых умов... Закончил Козмин-Екунин несколько неожиданно: в ближайшие годы их институт планирует несколько выездов в поле. Хотите побывать на Алтае? Все же рериховские места, там красиво, там даже дышится иначе. И команда у нас неплохая: Ия Теличкина, Юренев.

Я хотел.

И не спрашивал ни о странном наряде Козмина-Екунина, ни об этом довольно неожиданным интересе к моей особе (думаю, книга была предлогом), но поехать на Алтай согласился.

Впрочем, это случилось не сразу. Просто я тогда вошел в круг ближайших помощников Козмина.

– Ахама, хама, хама, – бормотал Юренив, ворочаясь в кресле. – Придурки. Спичек у них нет.

Он сунул сигарету в толстые губы.

Я замер.

С Юренивым что-то происходило.

Он так побледнел, будто в лицо ему плеснули поташом, зрачки под полузакрывшимися веками странно расширились. По-моему, Юренив не видел меня. Он шумно втягивал воздух, он явно к чему-то там такому странному приноравливался, и меня внезапно обдало мерзким ледяным холодком.

Ветер дохнул в окно? Да нет, вряд ли. За окном не дрогнула ни одна веточка, а инверсионный след, оставленный в раннем утреннем небе одиноким реактивным самолетом, казался таким нежным и нематериальным, что в его петле, как мог бы выразиться Юренив, и ангел бы не удавился.

Вдруг яркая звездочка вспыхнула на мгновение перед бледным лицом Юренива. Вспыхнула и тут же исчезла. Но сигарета уже дымилась. Юренив затих и, удовлетворенно сопя, выпустил изо рта клуб дыма.

– Как это у тебя получилось?

Я разозлился:

– Спички тебе! Показывай буфетчицам свои фокусы!

Впрочем, с возмущением я, пожалуй, несколько запоздал.

Гостиница уже просыпалась: обыденные шумы, обыденные звяканье, шарканье, наконец, вечное гудение водопроводных труб.

В дверь постучали.

– Да, – ответил я недовольно.

Два крепких молодых человека заглянули в дверь. Они даже не поздоровались, хотя и входить не стали.

– Юрий Сергеевич, вам пора. Юрий Сергеевич, мы за вами.

Они *знали*, что Юренев находится у меня. Они все это время *знали*.

Ни на кого не обращая внимания, все так же удовлетворенно сопя, Юренев докуривал сигарету. Он был размягчен. Он вовсе не выдохся, просто он был размягчен своим странным успехом. Он даже мне не предложил прикурить.

– Ахама, хама, хама, – бормотал он размягченно. – Сейчас поедем.

Это он сказал своим молодым людям. А мне сказал:

– Пока, Хвощинский. Учи чукотский язык. Скоро увидимся.

Глава III. Серый пакет

А утро уже кипело – июльское, нежное. И к окну не надо было подходить – так нежно пахло листвой. Но Юренев! «Учи чукотский язык! Скоро увидимся!» Все во мне протестовало против этих его слов.

Правда, при этом мне было бы крайне затруднительно объяснить, зачем я, собственно, сюда приехал. А ведь за чем-то приехал, за чем-то вышел из вагона здесь, а не в Иркутске, например, не в Благовещенске и не в Хабаровске. Как мог Юренев знать, что я приеду?

Провидец, подумал я с раздражением.

Проветрив, почистив номер, я принял душ. Впрочем, какое-то равновесие все равно было нарушено. Неприятнее всего подействовал на меня фокус, проделанный Юреневым с сигаретой. С рецензиями ладно, не так уж трудно понять, что писатель, только что выпустивший большую книгу, итог многих лет, не может не интересоваться отношением к ней коллег и читателей. Но заранее снятый номер, эти странные телефонные отсылки...

НУС, решил я. Это НУС.

И Козмин, и Юренев, и Ия, все они всегда гордились созданием своих рук – сверхмощной, перерабатывающей любую информацию системой. К пресловутому Нусу Анаксагора НУС, понятно, не имела никакого отношения. Нус Анакс-

сагора – это существо, даже не существо, конечно, а некое естественное организующее начало, без которого невозможны серьезные логические построения, а НУС Козмина-Екунина – всего лишь машина. По крайней мере, я считал так, а большего мне не объясняли. Никто на земле не знает того, что знает все общество в целом, а вот НУС может знать. Она может знать даже нечто более значительное: например, то, о чем не догадываются специалисты, то, что не может быть объяснено действием никаких природных сил. Юренев всегда был склонен к подобным вещам, отсюда и его провидческие способности.

Почему я так раздражен?

Это сны, подумал я. Сны, отнимающие у меня силы.

Опять придет ночь, я усну и опять, в который раз, буду выдираться из убивающих снов. Но думать об этом не хотелось. Хотелось кофе.

Терпеть не могу дежурных, швейцаров, горничных, но я переборол себя, взялся за телефон.

– Кипятку? Вам? – удивилась дежурная по этажу. – Вы хотите сделать кофе? Сами?

– Что ж тут такого?

– Может, лучше принести готовый кофе?

– Пожалуй, лучше, – решил я, вовремя вспомнив предупреждение рыжей администраторши.

На положении иностранца... Я ведь нахожусь тут на положении иностранца... Такое можно услышать только у нас. Но

в кофе дежурной по этажу я не верил. Какая-нибудь гостиничная бурда из растворимых и нерастворимых остатков...

В дверь постучали.

Так быстро?

Дежурная оказалась пожилой, сухонькой. Я видел ее ночью, она тоже пряталась за спиной Юренева.

– Вот кофе, – сказала она, осматриваясь так, будто хотела застать в номере еще кого-то.

Я принял поднос. Сахар, печенье, лимон, которого так недоставало ночью Юрениву.

– И часто у вас селят гостей на положении иностранцев? – усмехнулся я.

– Ну что вы, – виновато сказала дежурная. – На моей памяти вы второй, а я здесь семь лет работаю.

– Кто же был первым?

– Да так... Один тут... Вроде вас... – Дежурная смутилась. – Только нам не положено интересоваться.

– Ну да, не положено, – кивнул я. – А почему вы не идете домой? Дежурство, кажется, заканчивается утром?

– Да жду я, – вздохнула дежурная и испуганно оглянулась. – Вот жду.

– Чего? – удивился я.

– Мне к обеду надо быть в больнице, а я в Бердске живу. Это что же, ехать домой и сразу обратно?

– Простите, я не знал... – Кофе она сварила отменный. – Болеет кто-нибудь?

– Да дед у меня... – произнесла она беспомощно. – Дед у меня отморозил пальцы.

Дедом она называла мужа, это я понял. Но что-то он там залежался в больнице: июль на дворе. На всякий случай я поддержал дежурную:

– Зимы у нас суровые, я, помню, в детстве приморозил пальцы на ноге, до сих пор ноют на холод. Помните, небось, какую обувь таскали после войны?

Дежурная кивнула:

– Помню...

Получилось у нее жалостливо. Она явно искала утешения. Может, и с кофе потому так ко мне спешила.

– Я утром звоню домой. Я всегда утром звоню, у нас телефон у соседки. Веранды рядом, крикни, дед сразу слышит. А тут говорит мне: нет деда, увезли деда. Куда, говорю, увезли! А в больницу. У меня аж сердце захолонуло. Что, кричу, – сердце? Да нет, говорит, ты успокойся. Просто деда к хирургу свезли, пальцы он на руках поморозил. Ты после дежурства беги в больницу, там недалеко, сама поспрашиваешь, узнаешь. Видишь, вот как оно.

– Не понимаю, – сказал я, отставляя пустую чашку. – Когда ваш дед отморозил пальцы?

– Утром. – Дежурная скорбно опустила глаза. – Я же говорю, звоню утром соседке, у нас веранды рядом.

– Что значит утром? Сегодня утром?

– Ага. – В усталых глазах дежурной таились непонимание,

беззащитность, испуг. – Я звоню, а соседка: ты успокойся, дескать, пальцы он поморозил...

– Он на морозильной установке работает?

– Да ну вас, – отмахнулась дежурная испуганно. – Я и не слышала про такую. Он у меня баньку топит по средам, всегда почему-то по средам. Сколько раз говорила, топи как люди, по субботам топи. А он любит по средам, такой у него день. И греется. Заляжет на полке и греется. И зимой греется, и летом, ему все равно. И вчера так лег, а утром, нате вам, отвезли к хирургу.

– Может, сломал руку? Не отморозил.

– Да ну вас. Я тоже так думала.

– Ну, не сломал, обжег. Или ошпарил там. В баньке-то.

– Да отморозил. Говорят, отморозил. Я до хирурга дозвонилась, отморозил. Оттяпают теперь пальцы.

– Так уж сразу оттяпают?

– А чего? – возразила дежурная с каким-то непонятным мне вызовом. – Хирург сам сказал, будет резать пальцы.

Я не знал, как ее успокоить. Врачам виднее, в конце концов.

Конечно, виднее, она не спорит.

Дежурная разгорячилась.

Дед у нее смирный, пенсии радуется, почти не пьет. Она подозрительно повела носом, но бутылки я предусмотрительно спрятал. Истопит баньку, погрееется. Ей, наверное, давно хотелось выговориться. Жил и жил, век так живи,

только вот эти письма...

– Какие письма?

– Ну да, вы же не знаете, – виновато потупилась дежурная, – дед вдруг письма стал получать. Много писем.

– От родственников?

– Да где у него столько? – Дежурная быстро оглянулась на дверь и подошла поближе. – Я тоже сперва подумала – от родственников. А там каждый день штук по десять, даже из Вашингтона. Откуда у него в Вашингтоне родственники?

– По десять? Из Вашингтона?

– Ага. Я соседей стала стесняться. Говорила сперва: мол, дальние дядьки отыскались у деда. А какие там дядьки? То баба пишет: вместе, мол, жили – зачем забыл? То мужик какой-то: ссылается, на Вятке шли по одному делу. А из Вашингтона который, тот непонятно, не по-нашему, но тоже, чувствуется, с обидой. Все с обидой, с жалобой, с просьбами. – Дежурная смотрела на меня круглыми желтыми глазами. – У одного дом сгорел, другой судится, третья денег просит: зачем, мол, забыл? А я деда знаю, он всю жизнь у меня под боком, да и что мы кому отправим – у деда все-то пенсия, а я дежурю. В Вашингтон, наверное, и не отправишь? – спросила она неожиданно. – Хоть по миру иди, что отправишь? Хорошо я Юрию Сергеевичу пожаловалась. Тоже родственники!.. Он сказал: разберемся, – и разобрался, видать, никто больше не пишет. Дядька был настоящий в Казани – и тот перестал писать. Вот как! А тут такое, паль-

цы на руках поморозил... – Она опасливо перекрестилась. – Небожь, весь Бердск уже знает.

– Разобраться надо, – хмуро кивнул я. – Но вы сперва все-таки сходите к хирургу.

– Вот я и собираюсь.

– А пакет вы принесли? – кивнул я. Мне хотелось отвлечь дежурную от печальных мыслей. – Я проснулся, а под дверью пакет.

– Какой пакет?

– А вон...

– Да нет. Я не приносила. Это, может, программа. Вы ведь к Юрию Сергеевичу приехали?

– В некотором смысле.

Дежурная вздохнула. Но женщина она оказалась отзывчивая, сварила еще чашку кофе, даже принесла спички. И ушла наконец.

Я закурил и устроился в кресле.

Я почти не спал, голова после встречи с Юрневым была тугая. Бездумно я обратил взор горé и увидел под самым потолком паучка. Паутинка была совсем прозрачная, – казалось, паучок карабкается прямо по воздуху. Ему хорошо. У него не было моих загадок. Зачем я, собственно, приехал? Что меня пригнало сюда? Мог себе трястись в поезде, добраться до Благовещенска, у Светки Борзуновой выходит книга. В Хабаровске Тимка Скукин. Это у него фамилия такая, а вообще-то, с ним не соскучишься. Но ведь приехал –

чего виниться задним числом? Я виноват, что они все тут чокнутые? Или это я чокнутый?

Без всякого интереса я дотянулся наконец до серого пакета и вскрыл его.

Фотографии. Три штуки.

Я всмотрелся. Непонятно, знакомо как-то.

Пятиэтажный большой дом фасадом на знакомый проспект.

Сосны с обломанными ветками. Ветром их обломало? Битый бетон на продавленном асфальте, в стене дома на уровне четвертого этажа дыра, будто изнутри выдавили панель...

Недурно там, видно, грохнуло.

Я отчетливо видел отвратительно обнаженную квартиру – перевернутое кресло, завернутый край ковра, битое стекло стеллажей.

С ума сойти, я узнал квартиру!

Конечно... Кресло столь редкого в наши дни зеленого рытого бархата... Семейный портрет с обнаженной женщиной в центре... Как он не сорвался со стены? Письменный стол. Книжки, книжки. Среди них должны быть и мои.

Ну да, я смотрел на вещи Юренева.

Сосны с обломанными ветками. Чудовищная дыра в стене.

Зацепившись за что-то, чуть не до второго этажа свисал из дыры алый длинный шарф. Что это значит? И если в квартире произошел взрыв, почему там ничего не сгорело? Хотя

какая-то дымка там угадывалась. Несомненно, дымка. Она даже несколько смазывала изображение, но вряд ли это был настоящий дым.

Странно. Я взглянул на вторую фотографию. И оторопел. Все та же дымка. Лестничная площадка, запорошенная мелкой кирпичной пылью. И Юренив. Он безжизненно лежал на голом полу, вцепившись все еще мощной рукой в стойку металлического ограждения. И маечка на нем была та же. Не маечка, а футболка со степным пейзажем. Я знал, что на ней написано: «Оля была здесь».

Какая, к черту, Оля! Я бросился к телефону.

Час назад Юренив сидел передо мной, жрал коньяк, цитировал неизвестного мне Гошу Поротова и наказывал учить чукотский язык. Что могло случиться за это время? И ведь пакет уже тогда лежал здесь!

Номер мне вдолбили в голову навечно. Ноль шесть, ноль шесть. Не хочешь, а запомнишь.

Длинные гудки.

Черт, может, он впрямь валяется там на голом полу? Когда это могло произойти?

Меня вновь пробрало морозом. Длинные гудки.

Их просто не может существовать – таких фотографий.

Но кому нужна такая подделка? Юрениву?

Длинные гудки. Куда еще позвонить? Ии? Козмину? Но ведь меня просто отошлют к номеру ноль шесть, ноль шесть. Я готов был положить трубку, когда Юренив откликнулся,

достаточно, кстати, раздраженно:

– Ну что там еще?

– Ты дома?

– А где мне быть? – Он обалдел от моей наглости. – Ты меня всю ночь спаивал – могу я час отдохнуть?

Теперь я обалдел:

– Это я тебя спаивал?

– Ты, ты! Свидетели есть, всегда подтвердят. Полгостиницы подтвердит. – Он, кажется, не шутил. – У тебя моя бутылка осталась.

Я положил трубку. За Юренева можно было не бояться.

Но фотографии... Я наконец взглянул на третью, последнюю.

Заросший травой овраг, зеленые, политые солнцем склоны. Две мощные трубы метрах в семи над землей, покрытые деревянной, с выщербленными разбитыми ступенями лестницей, таинственно уходящей вверх, в белизну смыкающихся берез, а возле ручья – сухая бесформенная коряга.

Я знал это место. Я не раз бывал в этом овраге.

Сейчас, на фотографии, сидел на бесформенной коряге тоже я, только это все равно не могло быть правдой. Я любил это место и в свое время часто туда ходил, но один, без Ии. Уж тем более мы никогда там с Ией не целовались. На Алтае – да. На Алтае мы рассыпали поцелуи по огромной территории, но то был Алтай, а здесь мы не целовались.

Подделка? Кому и зачем нужны такие подделки?

Глава IV. Купить штопор

Я еще раз тщательно просмотрел фотографии.

Чудовищная, зловеще зияющая в стене дыра... Семейный портрет с обнаженной женщиной в центре... У Юренева никогда не было семьи, он был слишком занят для этого, картину ему подарил Саша Шуриц, художник умный и тонкий. Без всякого намека, кстати, подарил, просто так, по дружбе. Зеленое кресло, крытое редким зеленым рытым бархатом, завернутый угол ковра, алый, провисший, как вымпел, шарф, трещиной расчертивший стену. Наконец, Юренив, безжизненно застывший на голом полу задымленной лестничной площадки.

Ну ладно... Ну пусть... Но Ия Теличкина! Почему она? И почему овраг?

Целующимися нас можно было снять только на Алтае. Только на Алтае, нигде больше. Когда я уезжал, Ия через Юренева передала мне копейку, – возможно, именно в такую сумму оценила она все наши прежние отношения. Вполне возможно. С нее станется. Но в овраге мы с ней не целовались, не могли мы там целоваться, мы и вместе там никогда не были.

А на Алтай я ездил с отрядом Юренева.

Конечно, я не входил в состав официальных сотрудников института, но Козмин-Екунин добился своего: я действи-

тельно ездил на Алтай. Не знаю, зачем это понадобилось старику, но я ездил. И как можно было не поехать, если в тот же отряд входила Ия.

Три водителя, Ия Теличкина, Юренев, я. Газик и два трехосных ЗИЛа с жесткими металлическими фургонами. В этих ЗИЛах была смонтирована специальная аппаратура. Собственно, это была некая самостоятельная, вполне автономная часть большой НУС. Смонтированная на колесах, она могла вести самый широкий поиск – так объяснил Юренев.

– Поиск чего?

– Плазмоидов. – Юренев никогда не снисходил до подробностей. – Неких аналогов НЛЮ, если хочешь. Тех самых плазмоидов, которые, по некоторым гипотезам, постоянно врываются в земную атмосферу из околосолнечного пространства.

Если Юренев и врал, то вдохновенно.

– Если хочешь подробностей, поищи книгу Дмитриева и Журавлева «Тунгусский феномен – вид солнечноземных взаимосвязей». Издательство «Наука», восемьдесят четвертый год. Почитай, полистай – скучно не будет.

Не знаю, как там вообще обстоит дело с плазмоидами, но поиск их велся довольно странно. Антенны НУС действительно торчали в небо, но бесчисленными датчиками были забиты все окрестности лагеря. При такой их плотности плазмоиды следовало скорее ожидать из земных недр, а не из космоса. Поставив однажды ЗИЛы буквой «Г», Юренев уже

никому не позволял заглядывать в фургоны. Даже Ии. Глухое урочище, ни айла вблизи, ни городского поселка. Труднее всех переносили вынужденную изоляцию (никаких гостей! никаких поездок! никаких отлучек!) водители ЗИЛов. Круглые сутки они резались в карты или играли с Юрениным в чику, я не раз заставлял их за этим странным занятием. Впрочем, задание, данное мне и Ии, выглядело не менее странным: я должен был купить штопор.

Штопор Юренин высмотрел еще в прошлом году, подыскивая место для будущего лагеря. Есть такое место в степи – Кош-Агач. Последнее дерево, конец света.

Голая каменная степь, злобное сухое солнце, ветхие жерди над руинами древних могильников.

На горячих камнях, приспустив крылья, как черные шали, всегда восседали мрачные одинокие орлы. Пахло каменной крошкой, справа и слева кроваво нависали осыпи, насыщенные киноварью.

Купить штопор...

Газик послушно проскакивал мост через реку Чаган-Узун и устремлялся к далекому неровному силуэту Северо-Чуйского хребта. Если подняться на две тысячи метров, задохнешься от медового запаха эдельвейсов. Поляна за поляной тянулись пространства, мохнато серебрящиеся от цветов. Но мы редко поднимались в горы. Чаще всего газик летел по выжженной каменистой степи, волоча за собой бурый шлейф пыли. Стремительно выкатив на единственную суч-

ную улочку Кош-Агача, шофер Саша, плечистый, румяный, обтянутый армейской гимнастеркой, тормозил у лавки древностей.

Забытая богом комиссионка. Самый обыкновенный скучный домишко, полный тишины, пыли, забвения. Лавкой древностей комиссионку назвал я.

Румяный Саша, не скрывая алчности, прямо с порога бросался к белому, как айсберг, холодильнику:

– Беру!

Еще бы не брать, цена – 50 руб.

Ничтожная цена по тем временам.

Румяный Саша тянул на себя дверцу и чертыхался: агрегат холодильника был варварски вырван.

Цветной телевизор, цена – 30 руб.

– Беру!

То же чертыханье: кинескоп украшен отчетливой трещиной.

Все в этой лавке древностей было ущербным, все вещи попали сюда после неких таинственных, но ужасных катастроф. Даже на брезентовом цветке отталкивающего серого цвета (цена – 1 руб.) не хватало пыльного грязного лепестка. Велосипед без колес и цепи. Мотки прогнившей, разваливающейся в руках бечевки. Мятые, уже попадавшие под удары каски монтажников. Зеркала с облезшей амальгамой. Забавно, но даже козел, бродивший перед лавкой древностей, выглядел абсолютно доисторическим животным. Его возраст,

несомненно, превышал возраст века.

– Я его боюсь, у него рога в плесени, – пряталась за меня Ия. – Как ты думаешь, сколько ему лет?

– Миллионов тридцать.

– Не преувеличивай.

Услышав голоса, козел останавливался и мутно, непонимающе смотрел на нас. Желтые шорты Ии вводили козла в старческое искушение.

«Он хочет тебя», – предупреждал я Ию.

«Отгони его!» – Ия пряталась за меня или за румяного Сашу.

«Зачем? Лучше поддержи козла за бороду. Это приведет его в чувство».

«Я боюсь».

Замечательно быть молодым, сильным, смелым.

Я хлопал дверцей газика, отпугивал доисторического козла и вел Ию в лавку древностей.

Медлительная, на редкость длинноногая алтайка с роскошными раскосыми глазами поднималась из-за стойки. Ее не интересовали наши покупательные способности, ее интересовали мы. Ее интересовала смеющаяся Ия, в желтых шортах и в маечке, ее голубые, даже синие вдруг глаза, ее интересовал румяный Саша, в армейской гимнастерке и в закатанных до колен джинсах, ее, наконец, интересовал я, высокий человек в яркой рубашке, расстегнутой до пояса. «Тухтур-бухтур!» – бормотал шофер Саша, исследуя очередную

искалеченную неизвестной катастрофой вещь, но алтайка его не слышала. Мы были для нее людьми из совсем другого мира. Мы врывались в ее пыльный тихий мирок из знойного марева, из подрагивающего воздуха степей, мы выглядели совсем не так, как она, мы говорили совсем не так, как она, и походка у нас была другая. Глазами медлительной длинноногой алтайки на нас взирала сама вечность. Это Юренив мог посмеиваться: «Вечность? Оставьте! Ваша красавица просидит в своей лавке до первого приличного ревизора. С ним она и сбежит. Вот и вся вечность».

Я подходил к стойке, не замечая металлических заржавевших корыт, измятых, разрушенных велосипедов.

Моей целью, целью всех наших нашествий на Кош-Агач, был чудный штопор – огромный, покрытый ржавчиной, насаженный на такую же огромную неструганую рукоятку. Я не знал, что, собственно, можно было открывать таким штопором, существуют ли бутылки с такими нестандартными горлышками, – но цена штопора приводила меня в трепет.

0,1 коп.! Я вынимал из кармана копейку, небрежно бросал ее на пыльную стойку и, указывая на штопор, требовал:

– На все!

Алтайка медленно пожимала красивым круглым плечом. Она, несомненно, сочувствовала мне. Я был из другого мира, я многого не понимал. Штопор один, объясняла алтайка сочувственно. Других таких нет. И копейка одна. А цена штопора – 0,1 коп. У нее, у алтайки, нет сдачи. Будь у нее другие

штопоры, она выдала бы мне сразу десять штук, но штопор всего один. Она не может продать штопор, у нее нет сдачи.

– Давайте без сдачи, – барски заявлял я.

Алтайка сочувственно улыбалась. Она так не может. Это противоречит советским законам. Она работает в лавке пятый год. Она еще ни разу не нарушала советские законы.

– Вот пятьдесят рублей. – Я бросал бумажку на стойку. – Мы возьмем телевизор, брезентовый цветок и штопор. – Я проникновенно понижал голос. – Остальное вам на цветы. Личный подарок.

Алтайка медлительно подсчитывала: неработающий телевизор – 30 руб., нелепый брезентовый цветок – 1 руб., штопор с неструганой рукоятью – 0,1 коп. Всего получалось тридцать один рубль ноль десятых копейки. Цветов здесь негде купить, она никогда не принимает подарки от незнакомых мужчин. К тому же это запрещено законом.

На меня смотрела сама вечность. И эта вечность медлительно разводила руками: у нее нет сдачи. Думаю, наш торг впечатлял больше, чем внезапное появление НЛО или взрыв плазмоида.

– Не надо сдачи, – проникновенно убеждал я алтайку. – Мы хорошо зарабатываем, нам не надо сдачи. Понимаете? Совсем не надо!

Она не может. Она работает в лавке пять лет, ее пока что никто не упрекал в нечестности. Если вещь стоит 0,1 коп., она может продать эту вещь только по обозначенной прейс-

курантом цене.

– Где я возьму вам одну десятую копейки? – не выдерживал я.

Алтайка медлительно пожимала плечами. У нее были круглые красивые плечи, я невольно завидовал будущему приличному ревизору. Она не знает, где мне взять монетку достоинством в 0,1 коп. Но закон есть закон. И медлительно советовала: может, вы обратитесь в банк? Ближайший банк находится в Горно-Алтайске. А если и в банке не найдется таких монеток, медлительно советовала алтайка, тогда, наверное, надо ждать.

– Чего?

– Может, поднимут цены.

Я шалел:

– Цены? На это?

И обводил рукой умирающие пыльные вещи.

Алтайка сочувствовала мне:

– На это.

– Ладно, – говорил я, пытаясь успокоиться, чувствуя на себе смеющийся взгляд Ии. – Дайте мне тряпку, я сам смахну пыль со стойки. Хотите, мы запаяем вам дырявые тазы? Хотите, мы починим вам телевизор? Согласитесь, такая работа стоит ноль десятых копейки!

Алтайка медлительно кивала. Конечно. Такая работа стоит больше чем 0,1 коп. Такая работа стоит гораздо больше, но у нее нет права найма, она не может заключить с нами

трудо­вой до­го­вор.

– Хорошо, – соглашался я. – Давайте сделаем так. Мы возьмем у вас велосипед, телевизор, холодильник, мы возьмем даже ваш нелепый, ваш ужасный брезентовый цветок, а вам взамен подарим ящик свиной тушенки. Мы возьмем все, что вы нам предложите, но только вместе со штопором. А с вами рассчитаемся тушенкой. Прямая выгода, – утверждал я. – Всем выгода. Вам, мне, государству.

– Как можно? – медленно покачивала головой алтайка.

– Хорошо, – предлагал я уже в отчаянии. – Пусть это все сгорит. Пусть случится самый обыкновенный пожар. Они всегда тут случаются. Мы оплатим все убытки, только отдайте нам этот штопор. В конце концов, он и вправду может сгореть, – злился я. – Его и украсть могут!

– Как можно? – осуждающе покачивала головой алтайка. Закон есть закон. Жить следует по закону. Она уже пять лет работает в лавке, она еще ни разу не нарушала законы.

Цветная мысль: увидеть Кош-Агач и умереть. Там все клонило к покою. Там все было заранее предрешено. Там и сейчас штопор лежит на стойке.

Бабилон.

Торг, как всегда, кончался ничем.

Мы выходили на пыльное крылечко.

В эмалированном тазу, продравшись сквозь сухую землю,

бледно и вызывающе цвел кустик картофеля. Забившись в тень, дремал беззубый плешивый пес, тоже, наверное, перенесший неведомую катастрофу. Увидев Ию, из-за печальных построек медленно появлялся козел.

– Я боюсь, – пугалась Ия. – У него рога заплесневели.

– Тухтур-бухтур! – весело ругался румяный Саша, лез в газик, жал на стартер.

– Твое задание невыполнимо, – пенял я Юреневу в лагере.

– Невыполнимых заданий не существует. – Юренев изумленно моргал. – Я сказал тебе: купи штопор. Я предоставил тебе все возможности. Этот штопор мне нужен. Купи его.

– Зачем тебе это уродство?

– Для дела.

– Я сам сделаю тебе такой. Даже еще страшнее. И продам по еще более сходной цене – ноль сотых копейки.

– Мне нужен именно этот.

Степь...

Злое солнце...

Локоть Ии, упирающийся мне в бок...

Мрачные орлы в поднебесье и на обожженных камнях...

Бабилон.

Почему так грустно вспоминать это?

Глава V. «Убери! Я их не видел!»

Редакция газеты находилась, как прежде, на углу Обвод-

ной. Я поднялся мимо вахтера, он не узнал меня. Зато ребята набежали из всех отделов. Всегда любопытно взглянуть на живого писателя, тем более если он когда-то немало времени провел в знакомых тебе стенах. Особенно обрадовался фотокор Славка:

– У тебя роман – во, Хвощинский!

Он нисколько не повзрослел – из белого воротника все так же, как два года назад, тянулась тонкая, почти детская беззащитная шея, в глазах мерцало вечное удивление.

От ребят я отбился, пообещав в ближайшее время зайти, а сейчас сразу потащил Славку в его фотобудку.

Славка, несомненно, почувствовал себя польщенным. Я этим грубо воспользовался:

– Вот скажи. Можно сработать фотографию так, чтобы человек, которому нет еще и сорока, выглядел на ней на все семьдесят? По-настоящему сработать, так сказать, вынуть эту фотографию из будущего.

– Запросто. – Несмотря на свой детский вид, Славка был и остался мастером.

– Как?

Славка засмеялся:

– А просто. Здесь даже НУС не нужна. Хватит нормально-го компьютера с хорошей памятью, умеющего строить математические модели. В данном случае модели возрастных изменений. Полсотни параметров вполне хватит. – Славка оценивающе глянул на меня при свете красного фонаря, а сам

уже возился над ванночкой, цепляя там что-то плоским пинцетом. – Накладывай картинку за картинкой на фотопортрет и получай свои семьдесят!

– Ну а сфотографировать событие, которое еще не произошло, можно?

– Это как?

– Ну, скажем, завтра мы с компанией собираемся отправиться на пикник, а ты мне вдруг показываешь уже снятые на этом пикнике фотографии. Ну там, полянка, шашлыки, рожки навеселе...

– Да ну тебя, – польщенно отмахнулся Славка. – Ты придумаешь!

И спросил:

– Роман фантастический задумал? Я люблю фантастику.

– Не до фантастики. – Теперь отмахнулся я. – Вот, взгляни.

И выложил на стол серый скучный пакет.

При свете красного фонаря фотографии показались мне темными и какими-то особенно зловещими. Даже та, на которой я целовался с Ией.

– Убери, – быстро сказал Славка, оглядываясь. – Я их не видел.

– Я сам увидел их только сегодня, – не понял я.

Славка неприятно ощерился:

– Совсем убери. Не хочу их видеть. Я тут ни при чем. Это, наверное, юренивские штучки. Вот и иди к нему.

– Да погоди ты.

Но Славка не хотел годить. Он страшно нервничал:

– Зачем ты их сюда приволок?

– Ты же мастер.

– Слушай, Хвощинский, не надо! То, что делает НУС, никому не повторить. Да и не надо никому повторять то, что делает НУС.

– А это НУС делает?

– Не знаю. Спроси Юренева. Убери. Я ничего не видел.

– Не трясись. Какого черта? Ты присмотришь. Видишь, лежит именно Юренев. Не шибко веселая фотография, правда? Как можно такое сделать? Вот что меня интересует. Или вот дом, стена вынесена. А я только что проходил под этим домом, все там в порядке.

– Я-то тут при чем? Спроси у Юренева.

– А ему откуда знать об этом?

– Не знаю. Он хам, – не очень логично объяснил Славка, жалобно выгибая тонкую шею. – Никаких дел не хочу иметь с ним. Пока старик Козмин не чокнулся, Юренев еще походил на человека, а сейчас...

– Погоди. Что значит чокнулся? Какой Козмин?

– А ты не знаешь? – Славка обалдело уставился на меня. – Андрей Михайлович. Ты что, вообще, ни с кем не переписывался, не перезванивался? Ничего не знаешь? Совсем ничего?

Разговор явно тяготил Славку, даже пугал, но кое-что я

из Славки выжал.

С его слов получалось, что год назад что-то сильно грохнуло в институте Козмина. Причем не где-то, а именно в одной из лабораторий НУС. Сильная машина, таких даже японцы не делают. Ну, лично Козмину не повезло, он находился в лаборатории. То ли памяти он целиком лишился, то ли вправду чокнулся, пойдя узнай, к Козмину с того дня на выстрел никого не подпускают. Он, Славка, точно не знает, но Козмин вроде бы безвылазно сидит в своем старом котедже. И Ия там с ним. Ну, помнишь? Теличкина...

– Такие вот дела... – Славка почему-то даже не смотрел на меня. – А эти фотографии убери.

– Не уберу. И не дергайся. Я, наоборот, оставлю здесь эти фотографии.

– Зачем? – по-настоящему испугался Славка.

– Хочу знать, настоящие это фотографии или подделка. А если подделка, как можно подделать такое? Откажешься – сам Юренева сюда притащу.

Это подействовало. Славка неохотно спросил:

– Где взял?

– Под дверь подсунули. В гостинице.

– Прямо так вот подсунули?

– Прямо так.

Я добавил:

– В пакете.

– В этом? – Славка даже обнюхал пакет. – Тоже оставь.

В чем-то Славка мне не верил, испуганно гнул тонкую шею:

– И ты ничего не видел, не слышал?

– Я спал.

– Хвоцинский, – не шепнул даже, а прошипел вдруг Славка и ткнул пальцем в потолок. – Может, ты выше поднимешься? Там знающие люди. Они обязаны о таком знать.

– Брось. – Славка мне надоел. Мне было его жалко. – Никуда подниматься я не собираюсь, и ты молчок. А вечером загляну, так что ты посмотри, пожалуйста, фотографии.

И вышел из фотобудки.

Славка, наверное, побежал бы за мной, но меня снова окружили ребята.

– С чего ты, Хвоцинский, полез в историю? Мы твой роман читали. Диковатые у тебя герои, получишь по шее. Приходи к нам часа на три, вопросов тьма!

Я обещал.

Я прорвался к выходу.

Кой черт меня сюда притащил? Надо было отдать фотографии Юрeneuve, пусть сам разбирается. Вон как виновато гнул Славка тонкую шею при одном только упоминании о Юрeneuve. Чего он боится? Что там произошло с Андреем Михайловичем?

Проспект был почти пуст. Все тут оставалось таким, каким я помнил. Аптека, «Академкнига», красный магазин, газетный киоск. Известно, города за два года не меняются –

меняются люди.

– Ахама, хама, хама...

Я вздрогнул. Юренев меня преследует?

Что за вздорная мысль? Юренев даже не видел меня, ожидая, возможно, кого-то, бормотал про себя, перекачивая в толстых губах погасшую сигарету.

Трудно поверить, но выглядел он как с иголки. Свежая светлая рубашка, строгий костюм. Взгляд невидящий, но во все не усталый, не скажешь, что человек не спал всю ночь. Лишь в легких припухлостях под глазами таилась некая неопределенная тень.

Я остановился.

Юренев очнулся.

Он меня узнал. Правда, не выразил ни удовольствия, ни восхищения, как это было сегодня ночью. Напротив, тряхнул недовольно седыми кудрями.

– По утрам не звони, – сказал он незнакомым бесцветным голосом. – Не принято мне звонить по утрам.

Он так и сказал: не принято. Это меня взбесило.

– Это мне не указ.

– Да ну? – Он несколько не удивился моей вспышке.

– Почему ты ничего мне не сказал о Козмине?

– А ты спрашивал? – Юренев медленно, нагло, как-то бесцеремонно осмотрел меня. Сандалии, брюки, расстегнутую на груди рубашку – ничто, наверное, не осталось не замеченным. – Ты мою настойку жрал на орешках, потом коньяк.

Тебе, кстати, нельзя пить так много, вид у тебя помятый.

Результаты осмотра Юренева явно не удовлетворили. Он продолжал исследовать меня, как афишную тумбу:

– Позвони Козмину сам.

– Я звонил.

– И что? – спросил он без всякого интереса.

– Отправляют к доктору Юреневу.

– Ну и позвонил бы ему.

Я остолбенел:

– Брось издеваться. Что с Андреем Михайловичем?

– Ахама, хама, хама. – Юренев снова погрузился в свои мысли. Потом вздохнул, неопределенно отмахнулся. – Завтра.

– Что завтра? – не понял я.

– А черт его знает. – Юренев даже объяснений не хотел искать. – Ну, послезавтра. Так удобнее.

– Для кого?

– Для меня, конечно. – Он снова очнулся, снова оценивающе, беззастенчиво осмотрел меня. – У тебя плечо не болит?

– С чего ему болеть?

– А оно у тебя немного опущено. Почему? Зачем ты его так держишь? Оно у тебя всегда так опущено? – Он явно заинтересовался этим, его глаза ожили, влажно сверкнули. – Я знаю. Это демон на твоём плече топчется. Примостился и топчется. Сколько помню тебя, он всегда на твоём плече топтался.

– Какой еще демон? – Он окончательно сбил меня с толку.

– Сократовский, конечно. Какой! Помнишь, Сократ часто ссылался на демона? Как правило, демон сидел на плече своего хозяина и запрещал ему поступать иначе, как он поступал. Только запрещал, но никогда не возбранял. Только запрещал, понимаешь? Ты тоже у нас всегда этим отличался. Козмин тебя за то и ценил.

Он снова задумался. Даже не задумался, а впал в задумчивость. Было ясно, я его сейчас не интересовал. Он напал на какую-то мысль. Тем же бесцветным, незнакомым мне голосом он спросил:

– Хвощинский, почему люди вранливы? Почему ты вранлив, и Гомес, и буфетчица, и Козмин? Ну – ладно, буфетчице торговать надо, ей нельзя без обмана, – но зачем вранливость писателям? У нас тут один поэт все ратует за спасение российского генофонда, а сам, во-первых, из тюрков, во-вторых, импотент. Может, вы вранливы потому, что полностью завязаны на прошлое? Врешь, врешь, а это опасно. Когда постоянно врешь, это становится образом мышления. Что вам всем в прошлом, Хвощинский, почему вы не думаете о будущем? Вот ты несколько лет жизни убил на роман о землепроходцах – зачем? Они же вымерли, их давно нет, даже памяти о них не осталось, одни легенды, вранье, а ты еще прибавляешь вранья. Зачем? – Он нехорошо, быстро ухмыльнулся. – А еще ждешь нормальных рецензий. Почему вы не думаете о будущем, Хвощинский? Почему ты сам ни-

чего не напишешь о будущем? «Чем сидеть, горевать, лучше петь и плясать» – так, что ли? Гоша Поротов отличный был человек, но тоже вранлив. «Бубен есть, ноги есть». Неужто этого достаточно? Пиши о будущем, Хвощинский. Когда пишешь о будущем, меньше врешь.

И моргнул изумленно, знакомо, разбуженно.

И, махнув рукой, двинулся, не спеша, вниз по проспекту.

Мне даже о фотографиях не захотелось ему сообщать.

Глава VI. Зона

Демон Сократа...

Я спускался по рябиновой аллее к речке, мне хотелось прямо сейчас побывать в знакомом овраге. Не знаю почему, но я хотел побывать там именно сейчас – ни позже, ни раньше.

Демон Сократа...

«Учи чукотский язык».

Юренив несколько не изменился.

И эта дежурная с ее вздорным рассказом о муже, отморожившем в бане пальцы.

«Пиши о будущем». Чокнутый Козмин. Весь мир вокруг Юренива, как всегда, перевернут с ног на голову.

Демон Сократа...

Какие еще там были?

Ну да, лапласовский. Этот умный, въедливый. По мгно-

венным скоростям и сегодняшним положениям атомов мог абсолютно точно предсказать все будущие состояния Вселенной. Завидное существо. Провидец.

Затем максвелловский. Этот – трудяга. Работал себе за-слоночкой: этот атом впушу, а этот не пушу. Распикивал туда-сюда атомы: здесь тебе вакуум, тут избыточная плотность, здесь тебе холодно, там чудовищный жар. Романтик, в принципе. Сократовскому до него далеко.

Я усмехнулся: плечо оттоптанно.

Но может, Козмин и впрямь ценил меня за мои вечные сомнения: а следует ли это делать? И еще за то, что принятых решений я не менял.

«Завтра...» На Алтае Юренев вел себя столь же бесцеремонно.

Случались дни, когда Юренев срывался. Что-то у него с НУС не ладилось.

Злой, он вылезал из своего фургона и часами сидел над подробными топографическими картами Алтая. Орал на облевившихся шоферов, грубо обрывал Ию. Ия терпела, и мне показывала знаками: терпи. Терпение Ии бесило меня.

Однажды Юренев растолкал меня ночью.

– Что такое?

Лагерь был погружен во тьму, под кухонным тентом при свете одинокой лампочки Ия паковала рюкзак.

– Куда собрались? – Я ничего не мог понять. – Опять покупать штопор? Ночью?

Ия улыбнулась: не спрашивай. Юрнев забросил в газик палатку, рюкзак, какой-то ящик. Их краткие переговоры были мне непонятны. Координаты, разброс, настройка, выход сигнала. Что случилось? – не понимал я. НЛО где-то приземлился, плазмоид ворвался в атмосферу Земли?

– Садись за руль.

– А Саша?

– Пусть спит. Вдвоем управимся. – Юрнев был необычно серьезен.

Я оглянулся. Ия незаметно кивнула. Ей я верил. Я кивнул Ии ответно и повеселел. Если мы впрямь наткнемся на летающую тарелку, я передам ей привет от Ии Теличкиной.

– Давай на тракт.

Я вырулил на тракт, мы долго катили во тьме, миновали спящий поселок. Небо начинало уже высвечиваться, кое-где блестели холодные утренние звезды, справа надвинулся мрачный силуэт Курайского хребта.

– Сворачивай.

– Там склон. Я не смогу провести газик по такому откосу.

– Обогни.

Юрнев настойчиво направлял машину к какой-то ему одному известной цели.

У него даже компаса не было, но он крутил головой и уверенно указывал, в какую сторону двигаться. Когда окончательно рассвело, мы проскочили хрупкий, звенящий снежник и остановились на широкой поляне, отмеченной лишь

тем, что почти в центре ее торчала траурная черная листовенница.

– Ставь палатку.

Я осмотрелся:

– С ночевкой?

Юренив кивнул.

Минут через тридцать перед палаткой, под черной листовенницей, дымил костерок. Мы даже успели напоить чаем четверку геофизиков, пешком пришедших с дороги. Они были шумные, возбужденные. Они видели, как ночью тут шархнуло, как из пушки? Шары цветные взлетели. Где-то там, на террасе, выше. Они пришли посмотреть, что тут такое. Вы не хотите?

Юренив усмехнулся:

– Нет.

– А мы сбегаете посмотрим. Необычно как-то. Там же вообще ни одного человека нет. Что там могло взрываться?

Я взглянул на Юренива. Он сидел, опустив глаза, и явно что-то знал о ночном происшествии. Помня улыбку Ии, я в разговор не встревал.

– Рюкзаки хоть оставьте, – сказал Юренив. – Что вы с ними потащитесь?

– Да ну. – Геофизики говорили все сразу, перебивая друг друга, здоровые, загорелые парни. – Мы только поднимемся на террасу, а потом в лагерь.

– Ну-ну...

Галдя, переговариваясь, отпуская в наш адрес шуточки, геофизики полезли на террасу.

– О чем это они? – спросил я. – Может, тоже ходим?

– Да ну. – Юренив усмехнулся, и его усмешка мне очень не понравилась. – Сиди отдыхай. У нас еще все впереди. А эти ребята... Они скоро вернуться. Закипяти-ка еще чайку.

Я лежал на траве и смотрел в небо. Гигантские кучевые облака несло с востока – из Китая, наверное. Дикая, чудовищная тишина, прерываемая лишь позвякиванием плоскогубцев, – Юренив вскрывал какой-то металлический ящик. Я ни о чем его не спрашивал. Понадобится – скажет сам. Не принято было спрашивать о чем-то Юренива. Это входило в условия договора, подписанного мною перед выездом в поле.

– А вот и они.

Я удивленно обернулся.

Геофизики, все четверо, вывалились из колючих кустов чуть выше нашей стоянки. Здоровые, загорелые ребята, но вид у них был, мягко говоря, неважный. Они дрались там, что ли? Серые лица, блуждающие, выцветшие глаза. Руки у них дрожали. «Мы правильно идем к тракту? Мы выйдем так к тракту?»

Юренив поощрительно кивал, зорко вглядываясь в каждого.

И меня поразила мысль: *он заранее, он заранее знал, что так будет!*

– Выберетесь, выберетесь, только не сворачивайте никуда. – Юренив даже не пытался успокоить этих насмерть перепуганных людей. – Валите прямо вниз, там тракт.

– Что это с ними? – оторопело проводил я взглядом геофизиков. – Они ведь без рюкзаков. Они рюкзаки на террасе бросили?

– Подберем. – Юренив победительно выпятил толстые губы. – Куда они денутся?

– А нам... – Я помедлил. – Нам тоже туда идти?

– Конечно.

– Сейчас?

– С ума сошел. Ты же их видел. Ночью пойдем, налегке, с фонарями.

Меня распирало любопытство: что могло так напугать взрослых, ко всему привыкших людей? И я видел: Юренив что-то такое знает. Он же впервые за два месяца покинул лагерь. Раньше из фургонов не вылезал, а теперь собирается ночевать на террасе. Тебя шофера разорвут, предупредил я. Шоферов-то ты никуда не пускаешь.

– У них такие оклады, что перебыются.

– Но что там? – не выдержал я, кивая вверх, на террасу.

Юренив изумленно моргнул:

– Сам не знаю.

Кривил, конечно, душой. Знал, куда идти, – значит знал, что там можно увидеть.

А увидели мы маленькую поляну, поскольку поднялись

на каменную террасу не ночью, а вечером. Солнце почти село, но сумеречный свет позволял увидеть кусты, раздутый ветром пепел. Совсем недавно тут прошел пал, но почему-то остановился перед сухими кустами. Они должны были вспыхнуть, но стояли целехонькие, шуршали под слабым ветерком. Там же, под кустами, валялись рюкзаки геофизиков.

– Придется тащить, – вздохнул я. – Ты хоть знаешь, где нужно искать этих неврастеников?

– Зачем? – удивился Юрнев. – Они тебя просили?

– Ты же видел, они насмерть перепуганы. Надо вернуть им вещи.

– Ну-ну, – ухмыльнулся Юрнев, осторожно присаживаясь на старый пенёк. – Если ты такой альтруист, действуй.

Его ухмылка мне не понравилась, как не понравились раньше выцветшие от страха глаза геофизиков. А Юрнев чего-то ждал. Сидел на пне, курил, поглядывал на меня и ждал, ждал чего-то.

Я неторопливо направился к рюкзакам.

Они лежали вповалку там, где их бросили, – два друг на друге и два в стороне в выжженном огнем круге. Я подтащил пару рюкзаков к пню и пошел за третьим. Юрнев меня не торопил, но и не останавливал.

Чего он ждет?

Меня ударило током, когда я ступил на выжженную землю. Я не видел разряда, не слышал характерного треска, но всю левую ногу до самого бедра пронзило ошеломляющей

рвущей болью.

Я вскрикнул и отступил.

Боль сразу исчезла.

– Ну? – спросил Юренив, не вставая с пня.

Я колебался. Я испытывал непонятный страх, лоб пробило холодной испариной. Но вернуться без рюкзака значило осчастливить Юренива. Я должен был повторить попытку, вот он рюкзак, в метре от меня, но меня охватывал беспричинный, убивающий страх от одной мысли об этом.

А Юренив наконец встал.

Тщательно загасив сигарету, он подошел ко мне, тронул успокоительно за плечо, твердо сжал губы, свел брови, напрягся и медленно-медленно дотянулся до рюкзака.

– Не делай этого!

Он стащил рюкзак с выжженной земли и опять успокоительно потрепал меня по плечу. Вид у меня, наверное, был не лучше, чем у тех геофизиков.

– Тебя не ударило? – кажется, я заикался.

– Нет.

– Но почему?

– Не спрашивай. Не надо. Все хорошо. – Он обнял меня за плечи и повернул лицом к себе. – Что ты почувствовал? Расскажи.

Заночевали мы в палатке под траурной лиственницей.

Я оборачивался, глядел на темную террасу.

Не было никакой охоты о чем-то спрашивать, я все еще не

отошел от пережитого мною страха. Я даже на Юренева не злился, хотя он, несомненно, мог вовремя меня остановить.

Ночная гроза прошла над дальними отрогами Курайского хребта, зловещая тьма затопила поляну, лиственницу, палатку. Не было в беззвездной ночи ни фонаря, ни луны, ни зарниц.

Я не спал, меня томила тревога.

Чем, собственно, занимаются Юренев и Ия?

Поисками мифических плазмоидов?

Вздор. Я уже не верил этому.

Отрабатывают систему НУС? Но почему в поле, не в лаборатории? Откуда мог знать Юренев о том, что произойдет на выжженной поляне? Ну да, они, конечно, переговаривались с Ией перед отъездом: координаты, разброс, настройка, выход сигнала. Но тогда почему Юренев подставил меня под удар, он же видел, в каком состоянии вернулись геофизики. И зачем я гонялся за этим дурацким штопором из лавки древностей? Ведь не затем же, что меня нечем было занять? Да, я согласился не задавать вопросов, но всему есть предел.

Юренев всхрапывал рядом. Ему было хорошо.

Мгла. Ночь. Я сам медленно проваливался в сон.

Было ли это сном? Полог палатки медленно осветился. Не могло тут быть ни фонарей, ни далеких прожекторов, зарницы и те не вспыхивали в невидимом ночном небе, и все же палатка осветилась – оттуда, снаружи. По ее пологу, как

по стеклам поезда, отходящего от перрона, потянулись тени. Они убыстряли бег, становились четче, сливались в странную вязь, в подобие каких-то письмен, если такие письмена могли существовать. В их непоколебимом беге что-то менялось, вязь превращалась в смутный рисунок, я начинал различать лицо, знакомое и в то же время мучительно чужое.

Кто это? Я не мог ни вспомнить, ни шевельнуться. Я знал, я умираю. Жутко и быстро била в уши чужая металлическая птичья речь. Я еще пытался понять, чье это лицо, но сил понять уже не было: я умирал, меня затопляло убивающей болью. Вскрикнуть, шевельнуться, издать стон, и я бы вырвался из тьмы и опустошения, но сил у меня не было. Не знаю, как я сумел, но все же вскрикнул.

Это меня спасло.

Юренив все так же спал, всхрапывая, полог палатки был темен и невидим.

Сердце мое колотилось, как овечий хвост, я задыхался. Бессмысленно шаря руками по полу, я выполз из спального мешка, из палатки и упал лицом в прохладную траву.

Что я видел? Что это было? Даже сейчас воспоминание о той ночи вызывало во мне непреодолимый ужас.

Я спустился в овраг, продрался сквозь плотные заросли черемухи и увидел над головой весело высвеченные солнцем трубы. Ну их всех к черту – и Юренива, и воспоминания! Солнце, трава, ажурная даже в своем запустении лестница, уходящая вверх, в белую теснину берез, – вот все, что мне

нужно. Я в транзитной командировке, незачем мне беспокоиться за Юренева, – похоже, он во всем защищен лучше меня. Надо уезжать, иначе он опять втянет меня в свои непонятные игры.

Рядом хрустнул сучок.

Я обернулся.

Шагах в пятнадцать от меня стояла Ия.

Глава VII. Ия

– Тухтур-бухтур, – пробормотал я. – Что ты здесь делаешь?

Ия рассмеялась:

– Это я должна тебя спросить.

Я не сводил с нее глаз.

Удлиненное лицо, чуть вьющиеся волосы, нежная кожа. Этого не могло быть, но Ия, кажется, помолодела. Голубые, нет, синие, типично нестеровские глаза, румяные щеки. Это в тридцать-то лет. Вязаное платье туго облегалo, обтягивало грудь, бедра. Когда-то на шее Ии начинали намечаться морщинки, я хорошо это запомнил, но сейчас от морщинок не осталось и следа. Ровная, гладкая, нежно загорелая кожа.

– Иди сюда.

Я молча подошел.

Ия, улыбнувшись, присела на сухую коряжину, торчавшую над берегом ручья, и я мгновенно узнал пейзаж. За-

росший травой овраг, зеленые, политые солнцем склоны, деревянная лестница с выщербленными ступенями, наклонно уходящая вверх, в белизну смыкающихся берез. Конечно, *та* фотография могла быть сделана только тут.

– Что с тобой?

Я усмехнулся:

– Да так... Вспомнил...

– Ты шел так, будто боялся задавить случайного муравья.

Ия улыбнулась. Она, как всегда, была спокойна. Ее глаза манили, радовали, но сама она ничем не выдавала своего внутреннего состояния. Если бы не копейка, лежащая в моем нагрудном кармане, я мог бы подумать – мы с нею не разлучались ни на час.

Но это было не так.

Ия сказала:

– Я читала твою книгу. – Она, кстати, несколько не удивлялась тому, что я стою перед нею. – Мне понравилось. Только почему вдруг ты взялся описывать чукчей?

В ее вопросе таился некий затаенный смысл. Я возмутился:

– В моем романе действуют не чукчи. Чукчи там появляются только в третьей части. А в основном речь идет о юкагирах.

– Это все равно. – Она улыбнулась, прощая мне мое возмущение. – Все равно семнадцатый век. Зачем ты полез так далеко? Ты же всегда писал о нашем времени.

Я усмехнулся. Я не мог понять, как Ия могла натянуть на себя такое узкое вязаное платье. Может, сзади есть молния? И пробормотал, теряясь:

– На такой вопрос трудно ответить.

– Разве?

– Ты тоже считаешь, что вся литература о прошлом – вранье?

– Это не имеет значения.

– Для кого?

– Предположим, для меня. Ты ведь не обидишься?

Я обиделся. Тогда Ия, не вставая, потянула меня за руку и посадила рядом. Потом мягко провела ладонью по моему виску:

– Ты постарел. Или возмужал. Это тебя не портит.

– Ты помолодела. Ты стала еще красивее. Тебя это тоже не портит, – ответил я в тон.

– Ты звонил мне?

Я кивнул.

– Наверное, ты звонил и Андрею Михайловичу?

Я усмехнулся:

– Ты же знаешь, и то и другое приводит к одному результату.

– Юренив?

– Да.

– Ему ты звонить не стал?

– Конечно. Но он пришел сам. Я его видел.

Ия кивнула:

– Я знаю. Иногда я неделями живу у Андрея Михайловича.

– У Козмина? – вспыхнул я. – Тогда почему меня все время направляли к Юреневу?

Ия мягко улыбнулась, ее прохладная рука лежала в моей ладони.

– Ты все хочешь знать сразу. Так не бывает.

И все это время она рассматривала меня. Не нагло и беззастенчиво, как Юренев, но внимательно, вникая в каждую мелочь. Что-то ее беспокоило. Она ничем не выдавала этого, но я почувствовал – что-то ее беспокоит. Потом она облегченно вздохнула и положила руку мне на грудь:

– Ты все еще таскаешь в кармане копейку?

Я растерялся, я никак не ожидал такого вопроса:

– Да.

– Можешь выбросить. Я тогда ошиблась.

Я окончательно растерялся:

– Вы что, впрямь научились читать чужие мысли?

– Это несложно, – сказала Ия со вздохом.

Она вытянула руку перед собой, и на раскрытой ладони сверкнула монетка.

Я, вздрогнув, схватился за нагрудный карман.

– Эта она, не ищи, – сказала Ия печально. – Ты тогда здорово нам помешал. Там, на Алтае. Но сейчас и это не имеет значения.

– Помешал? – не понял я. – На Алтае?

Она кивнула, все так же печально рассматривая монетку.

– Чем помешал?

– Не надо об этом.

Она медленно вытянула руку над тихим ручьем. Монетка блеснула и исчезла в воде.

– Фокусники, – пробормотал я, но впервые за последние сутки мне было в Городке хорошо, впервые я не пожалел, что остановился здесь.

– Оставь. – Ия обхватила колени руками и внимательно посмотрела на меня. – Почему ты все же взялся за чукчей?

– За юкагиров, – терпеливо поправил я. – За первых сибирияков. За первых русских в Сибири.

– Но и за чукчей тоже. – Почему-то для нее это было важно.

– О них там совсем немного.

Не знаю, почему я спросил:

– Знаешь, сколько страниц занимает история освоения Сибири в школьном учебнике?

– Не знаю.

– Всего одну. Ермак, разумеется. Дежнев, Хабаров, кажется, Атласов.

– Этого мало?

– А ты как думаешь? – удивился я.

Она пожала круглыми вязаными плечами:

– У меня не государственный ум. Я не историк.

Снова заболело сердце. Равнодушие Ии к истории ничуть не удивило меня, и все равно это было неприятно.

– Как ты себя чувствуешь?

Я тоже пожал плечами. Я чувствовал себя скверно. Стоило мне заговорить об истории, как вернулась боль. Эта боль пульсировала в висках и в сердце.

– Сейчас легче? – Ия прохладными узкими ладонями сжала мне виски.

Я задышался.

– Сейчас отпустит.

Меня действительно отпустило.

– Часто у тебя так?

– Часто. Но обычно ночью. Днем это впервые. Наверное, я недоспал сегодня. – Я настороженно прислушивался ко все еще бьющемуся с перебоями сердцу. – Наверное, не выспался.

– На тебе лица нет.

– Ничего... Все прошло...

Ия ласково провела рукой по моему горячему, вмиг взмокшему лбу:

– С тобой давно так?

– Два года.

– Два года, – откликнулась она как эхо.

– Только не впадай в задумчивость, – попросил я. – Когда ты впадаешь в задумчивость, ты куда-то исчезаешь. Я не хочу, чтобы ты исчезла.

– Я не исчезну.

Мы засмеялись.

– Как это у тебя получилось? – спросил я. – С монеткой. Как она оказалась у тебя в руке?

– Ты ведь сам говоришь – фокусники. Мы здорово на этом поднаторели.

Она улыбнулась, глядя на меня так, как умела глядеть только на Алтае:

– Хорошо, что ты приехал. Мы ждали тебя.

– У вас тут крыша поехала. – Я опять почувствовал приступ упрямства. – Я не собирался сюда приезжать. Я приехал совершенно случайно. Никто из вас не мог знать, что я приеду.

Мне хотелось обнять Ию. Потому я и грубил.

Она засмеялась. Просто засмеялась, и мне сразу стало легче.

Я видел Ию, я к ней прикасался – это было хорошо. Я не знал, увижу ли я ее завтра, позволит ли она себя поцеловать, – это было плохо. И еще... Я не знал, говорить ли ей о странных найденных фотографиях, особенно о той, где мы с нею изображались целующимися именно в этом овраге.

Я невольно осмотрелся.

Наверное, надо сказать.

И сказал. И Ия не удивилась:

– Фотографии в гостинице?

Я не стал крутить:

– Помнишь Славку? Ну, фотокор с тощей шеей. Выглядит как пацан, но на самом деле он мастер. Я отдал фотографии ему. Он обещал проверить – не подделка ли?

– Не подделка, – сказала Ия. – Фотографии надо забрать. Она вдруг улыбнулась:

– Перепугал, наверное, мальчишку. «Мастер». И вообще, – ее синие глаза притягивали, смеялись, – хорошо, если в таких случаях ты будешь сперва советоваться со мной или с Юрневым.

– С тобой, – сказал я быстро.

– Ну, пусть со мной, – послушно откликнулась Ия.

Но, подумав, добавила печально:

– Лучше все же с Юрневым. Он сильней.

Глава VIII. Телефон, швейцар, женщины

– Пойдем.

– Куда?

Я и думать не мог, что вспомню Ию так быстро.

– Хочешь, к тебе. В гостиницу.

– Хочу. Только там швейцар.

Мы рассмеялись.

– Не завидуй швейцару, – сказала Ия. – Юрнев сам гонял его вокруг квартала. Сперва пил с тобой, а потом гонял швейцара. Чем-то он ему не понравился.

– Наверное, наглостью.

– Нет, – сказала Ия, – этот швейцар просто боится Юр-нева.

– Такие никого не боятся.

– Нет, ты не знаешь... – Ия задумалась. – Если ты сегодня будешь гонять швейцара, помни: он, конечно, нагл, но уже не молод.

– Обещаю.

Мы шли, вдруг останавливаясь, чтобы поцеловаться. Вверху, пусть на пустой, но улице, это пришлось оставить, зато мы прибавили шаг. Швейцар на входе в гостиницу стоял все тот же – мордастый, тяжелый. Он взглянул на нас подозрительно, но, узнав Ию, впустил.

– Ты обедала?

– Нет.

– Может, зайдем в ресторан?

Ия энергично затрясла головой.

– Ладно, я закажу что-нибудь в номер, – сказал я. – Ты вот не знаешь, а я здесь живу на положении иностранца.

– Я знаю.

Мы засмеялись.

Нас все веселило.

Еще утром я думал об Ии с обидой и болью, сейчас все куда-то ушло. Куда? В прошлое? Не знаю. Честно говоря, там, в прошлом, отнюдь не всегда все было плохо...

На этаже дежурила новенькая – бант в волосах, юбка до колен, блудливый опытный взгляд. Выдавая ключ, она взгля-

нула на меня понимающе, хорошо еще не стала подмигивать.

Мы вошли.

Номер был пуст.

Что-то грустное почудилось мне в непрременном графине с водой, в казенной тумбочке, пусть и не самой худшей работы. Дымом почти не пахло, но Ия повела носом.

– Это с ночи, – пояснил я.

– Дай мне сигарету, – улыбнулась Ия, – и позвони Славке.

Прикурив, будто привыкая, не торопясь, Ия обошла комнату, что-то там переставила на столе, открыла окно пошире. Она обживала комнату, понял я, номер уже не казался чужим, он был нашим. Даже графин с водой вдруг пустил стаю разноцветных зайчиков.

Не спуская глаз с Ии – не дай бог уйдет! – я набрал номер редакции.

– Хвоцинский? – Славка растерялся. Он не ждал моего звонка. – Чего тебе? Вечно ты не ко времени.

– Я фотографии тебе оставлял.

– Ну?

– Вот и хочу знать.

– Обязательно по телефону? – спросил Славка опасно.

– Почему нет? Чего ты там маешься?

– Взял бы да сам зашел. Или, погоди... – Он засопел еще гуще. – Нет, лучше не заходи.

– Ну, хватит. – Я начал терять терпение. – Ты посмотрел фотографии?

– Ну?

– Настоящие? Подделка?

– Хвоцинский, – Славка затосковал, он был в полном отчаянии, – ведь специальные службы есть – почему отдуваться должен я?

– Что значит отдуваться?

– А вот то самое! – неожиданно рассвирепел пугливый фотокор. – Я эти штуки показал специалистам. Это же не игрушки, на них изображены известные люди, сам должен понимать. А меня там трясли три часа – дескать, где другие фотографии? Всю душу вытрясли. Теперь сам звони!

– Я тебе это позволял? – теперь рассвирепел я. – Выкладывай напрямик: настоящие или подделка?

Ия стояла у окна, неторопливо пускала замысловатые колечки дыма и слышала каждое наше слово.

– Настоящие, – выдавил наконец Славка.

– Как можно такое сделать?

– Не знаю. Спроси Юренева.

– Я тебя спрашиваю. Мастер!

– Откуда мне знать? Вот ведь хотел уехать, командировку обещали. Один в Сингапур летит, другой в Канаду, а я дальше Искитима никуда не ездил. – Прервав жалобы, Славка быстро сказал: – Там на этих фотографиях есть детали, которые невозможно режиссировать. Понимаешь? Подлинные фотографии, подлинные! Не знаю, как можно такое сделать, но подлинные фотографии, Хвоцинский.

Совсем растерявшись, Славка повесил трубку.

Ия рассмеялась.

– Ты все слышала?

– Конечно. Он так кричал.

– В госбезопасность он, что ли, снес фотографии?

– Не важно. Дай мне трубку.

Не знаю, куда Ия звонила, я старался не смотреть, какой номер она набирает. Но там, куда Ия звонила, ее слушали внимательно. У меня сложилось такое впечатление, что фотографии давно уже находятся у тех служб, что трясли несчастного Славку.

Впрочем, мне было все равно. Я смотрел, какое на Ии узкое платье. Как она его надевает? А Ия говорила в трубку: «Эффект... Да, да, эффект второго порядка...» И еще: «Хвощинского не тревожить...» И еще, прикрыв трубку ладонью, не в трубку, а мне: «Куда там мастер Славка хотел в командировку поехать?»

Я хмыкнул:

– В Сингапур. Или в Новую Зеландию.

Мне безумно хотелось обнять Ию, но она, укорив меня взглядом, сказала в трубку:

– Хвощинский говорит, в Сингапур или в Новую Зеландию. Этого не надо. Это далеко. Пусть съездит в Ленинград. Ну да, в Ленинград. Если он настоящий мастер, Новая Голландия его ничуть не разочарует.

И повесила трубку.

– Кажется, Славке пошла пруха, – сказал я.

– Не думаю.

Мы замолчали.

Ия странно смотрела на меня.

Ее синие глаза потемнели.

– Это платье... – спросил я. – Ты сама его вязала?

– Сама.

– Оно мне нравится...

В темнеющих глазах Ии стояло обещание.

– Хочешь, завтра я приду в нем же?

– Хочу. – В горле у меня пересохло. – Как оно снимается?

Глаза Ии были полны тревоги, но и понимания, колебаний, но и нежности.

Но это не длилось долго. Она решительно повернулась спиной:

– Видишь, какая длинная молния?

Я целовал ее плечи – гладкие, круглые, поддающиеся под губами, ее нежную ровную шею, на которой когда-то начинали угадываться будущие морщинки, от них сейчас следа не осталось. Я задышался:

– Ты, наверное, все можешь?

– Не все, – шепнула она.

Платье сползло с нее, как змеиная кожа. Ия сама оказалась гибкой, как змея. Мы задыхались, мы забыли обо всем, и в этот момент грянул телефон – пронзительно, настойчиво, нудно. Я не отпустил Ию. Пусть телефон верещит. Я сейчас

дотянусь и разобью аппарат ногой.

– Не надо. Возьми.

Тяжело дыша, я дотянулся до трубки.

– Хвоцинский! Какого черта? – Юренив был явно взбешен. – Почему эти фотографии прошли мимо наших спецслужб?

– Наверное, потому, что я не имею к вашим спецслужбам никакого отношения, – холодно ответил я.

– Ты шутишь!

– Как это шучу?

– А так, Хвоцинский! Запомни! Мои службы – это и твои службы. Так было и так будет. А твоим друзьям я шеи поворачиваю!

Вовремя Ия отправила мастера в Ленинград, подумал я и повесил трубку.

Я не мог сейчас злиться даже на Юренива. Я мог только дивиться – свету в окне, гомону воробьев за окном, тому, как быстро Ия успела разобрать постель.

– Рано смеешься... – В синих глазах Ии плавала непонятная мне печаль. – Это только начало...

Я не успел спросить – о чем она? Вновь грянул телефон.

Сейчас я его отмажу, хищно подумал я. Сейчас Юренив услышит от меня все, что я о нем думаю.

Звонил не Юренив.

– Ну ты! – Голос был мерзкий, грязный, с каким-то нечистоплотным присвистом. – Тянешь, ублюдок? Помочь, что

ли?

Я ошеломленно повесил трубку.

– Это не все... – улыбнулась Ия печально. – Тебе еще будут звонить...

Я обнял ее, и телефон мгновенно сошел с ума. Он трещал так пронзительно, с такой силой, что его вполне могли слышать в холле.

Я не выдерживал, снимал трубку.

Ия зарывала лицо в подушку и смеялась.

Звонили из Госстраха: намерен ли я наконец погашать задолженность? Звонили из автоколонны: мой заказ, видите ли, наконец принят, а шифр контейнера я могу узнать в конторе. Звонили из детского клуба «Калейдоскоп» – там вырубил силовую сеть: почему, черт возьми, не идет электрик? Звонила некая девочка, не столь даже откровенная, сколь закомплексованная. «Придешь в „Поганку“? Там грибы дремучие, – гнусно ворковала она, волнуясь. – Правда не можешь? Жалко. Хочешь, я сама приду к тебе?»

Я целовал Ию, я видел, как темнели ее глаза, а телефон опять исходил визгом.

– Позволь, я разобью его.

Ия закрывала глаза, мотала головой:

– Нам надо быть сильными.

Не знаю, что она имела в виду.

Я опять и опять поднимал трубку.

– Ваш товарищ вчера, я понимаю, очень известный това-

рищ, часами в меня бросал. Он, когда рвался к вам, сильно ругался, я понимаю. Вот я и говорю совсем вежливо: вы, товарищ, не ругайтесь, вы такой известный, вас все знают, а он часами в меня бросал. – Швейцар деликатно кряхтел, вспоминая ночные подвиги Юренева. – А часы золотые иностранные. Они с боем и с музыкой. Я сейчас поднимусь к вам.

– Только попробуй, – предупредил я.

– Да это ж минуточка, всего одна минуточка, – засуетился швейцар. – Вы меня и не заметите. Минуточка, и я у вас.

– Сволочь, – сказал я негромко.

– Как-с? – не понял швейцар.

– Сволочь, – проговорил я негромко, но внятно.

– Виноват-с...

Ия смеялась. Я целовал Ию. Но что-то уже наполнило комнату, тревожное, темное, как там, на поляне под траурной лиственницей. Удушье, томление неясное, как перед грозой, даже смех тонул, растворялся в этом темном душном удушье.

В дверь постучали.

– Это швейцар. – Ия ласково погладила меня по плечу. – Прости его. Пожалуйста, не будь груб. Пожалуйста, не гоняй его по всему коридору. Он уже в возрасте. Обещаешь?

Я мрачно кивнул.

И приоткрыл дверь.

Боком, как краб, угодливо, но нагло, не спрашивая разре-

шения, швейцар, сопя, полез в приоткрытую дверь. То, что я стоял перед ним всего лишь в плавках, нисколько его не смущало. Багровый, со слезящимися глазками, он, как ни странно, до сих пор сохранял следы армейской выправки. Задира л плечи, пытался выпячивать грудь. Наверное, подполковник в отставке. Это потолок для таких типов. Бывший аккуратист, служака, скучающий штатской жизнью. В правой руке он держал часы Юренева, а в левой... мою книгу!

– Мы понимаем... Мы следим за отечественной патриотической литературой...

– Знаю, что следите. – Меня передернуло от отвращения. Он что-то наконец понял и отступил в коридор. А я пошел на него:

– Я тебя в котельную загоню!

Швейцар неожиданно вскрикнул и криво побежал по коридору мимо ошеломленной дежурной.

– Вы что? Вы что? Иностранцы здесь! – замахала руками дежурная.

Я вернулся к Ии:

– Бабилон.

Она засмеялась, но уже устало.

И приложила пальцы к распухшим губам:

– Тсс...

Я прислушался.

Шорохи, непонятные голоса.

Наверное, по соседству где-то, подумал я.

– Тише. – Ия зажала мне рот узкой ладонью. – Слышишь?

Я мрачно кивнул. Я слышал эти сплетающиеся женские голоса. Как дальнее эхо, как слабые отзвуки. Неясный гул, как в переполненном зале железнодорожного вокзала. Или, скажем, в бане. Дальние сплетающиеся, но явственные. «*Он меня раздевает...*» Умоляюще: «*Не гаси свет...*» С умирающим исступлением: «*Еще! Еще! О, еще!*» И совсем уступая: «*Делай, как хочешь, милый...*»

Голоса сливались и смешивались.

Каждый в отдельности я когда-то слышал.

Один – под колоннами Оперного театра, другой – на запыленной снегом зимней даче, третий – в каюте рейсового теплохода. Но то, что ввергало в трепет наедине, сейчас казалось верхом пошлости. Меня коробило от стонов и восклицаний. Этот задыхающийся, смятенный ушедший мир, эти задыхающиеся, смятенные хоры!

– Это твои бывшие подружки? – спросила Ия.

Я мрачно кивнул. Я не знал, что с этим делать. Голоса звучали отовсюду и в то же время ниоткуда конкретно. «*Нам надо быть сильными*». Как?

– Их много, – усмехнулась Ия.

– Так только кажется, – мрачно возразил я. – Просто они все вместе, потому так кажется.

– Возможно. – Ия усмехнулась печально. Простыня сползла с ее ног и упала на пол. Поднимать ее Ия не стала, лишь с отвращением приложила пальцы к вискам. – Он сильнее.

Я не знал, о ком она.

Стыд и горечь.

Ничего другого я не испытывал.

– Бабилон.

Смолкли женские голоса, молчал телефон, никто больше не звонил, не пытался ворваться в номер. Ия вышла из ванной комнаты уже одетая:

– Помоги застегнуть молнию.

Я помог.

– Спасибо. Не провожай. Завтра все равно увидимся.

Я остался один.

Раздавленный.

Глава IX. Цитата из Тьюринга

Полог палатки опять светился, смутные тени бежали по нему, хитрые, завитые, как арабская вязь, их бег сопровождался чужой птичьей речью, она отдавала металлом, болью... Это лицо... Кто ты?..

Я умирал... Только бы вспомнить!..

Из ужасов сна меня вырвал телефонный звонок.

– Спишь? – На этот раз Юренев был благодушен. – А кто собирался к Козмину?

– Я, – выдавил я хрипло.

– Пил? Опять пил? – удивился Юренев.

– Оставь. Жди меня в холле, скоро спущусь.

Но я заставил его ждать. Правда, не специально.

Тряслись руки, я сосал валидол. В зеркале отразилось бледное лицо, мешки под глазами. Как ослепительна Ия, подумал я. У нее совсем девичье тело, ей семнадцать лет. Рядом с ней я скоро буду выглядеть старцем.

Юренив ждал меня в холле. Швейцар что-то уважительно втолковывал ему.

Юренив добродушно кивал. На меня швейцар даже и не взглянул.

– В коттедж?

Юренив кивнул – на этот раз мне. Выглядел он свежо, как человек, принявший какое-то решение. Я нетерпеливо двинулся к выходу – вдохнуть свежего воздуха, но на ходу спросил:

– Что там случилось в вашей лаборатории? Объясни. Я ведь ничего не знаю.

– И хорошо. И не надо тебе знать. – Юренив довольно выпятил губы. – Тебе, Хвоцинский, вообще бы не общаться с нами, да судьба.

Он загадочно подмигнул, даже взял меня за руку:

– Мы тебя ценим. Ты много читал, Хвоцинский, а это значит, что, хотя бы в силу случайности, ты натыкался порой на нужные вещи. Со многими людьми этого не происходит.

– На какие такие нужные вещи?

Мы шли с ним по яблонево́й аллее.

С ума сойти, каким ароматом тянуло от каждого деревца.

Недавно косили газоны, пахло сырой травой, две тяжелые галки прыгали перед нами по дорожке, соблюдая, впрочем, безопасную дистанцию.

– Большинство признанных книг – пустышки. – Юрнев неодобрительно ухмыльнулся. – Есть просто вредные книги, ты в это дело тоже внес лепту. Но есть книги и полезные, нужные. Они не каждому по зубам. – Юрнев даже всхрапнул от удовольствия. – Хотел сказать, не каждому по уму, но и так сойдет.

– Что же это за книги такие – полезные?

– Ахама, хама, хама! Ну, скажем, Тьюринг. Слышал о таком? – Тон Юрнева меня злил, но Юрнев не чувствовал моего раздражения. – Цитирую. «Система Вселенной как единое целое такова, что смещение одного электрона на одну миллиардную долю сантиметра в некоторый момент времени может явиться причиной того, что через год некий человек будет убит обвалом в горах». А? – Юрнев даже приостановился и изумленно моргнул. – Ты, Хвощинский, к сожалению, в системе, потому не прыгай. «Сам по себе... Завтра уеду...» – передразнил он меня, впрочем вполне благодушно. – Даже Тьюринг утверждает: нельзя без нужды смещать электроны даже на миллиардную долю. Так что запомни, Хвощинский, хоть ты и в системе, но куда не надо, туда не лезь.

– Ты о фотографиях?

– Для нас это не фотографии, а эффекты второго поряд-

ка. Они подтверждение того, что тыходишь в систему. Неходи ты в систему, ничего такого ты бы не получил.

– О какой системе ты говоришь?

– Не торопись. – Юренив жмурился чуть ли не отечески. Выпятив живот, пер по дорожке. Я почти ненавидел его. – Система у нас одна: НУС.

– Надо же, – протянул я скептически. – Только какое отношение к НУС имею я?

– Не торопись, не торопись, – благодушно гудел Юренив. – Мало тебе фотографий? Мало тебе такого подарка?

– И часто вы получаете такие подарки?

– Не важно. Подарок подарку рознь. – Юренив изучающе покосился на меня. – Например, некто Носов из котельной нашего института четырежды находил кошелек с долларами примерно на одном и том же месте. Последний раз он отправил кошелек в милицию почтой, сам боялся идти, думал, что его зачем-то проверяют. Некто Лисицына с почты, женщина пожилая, здравомыслящая, вдруг стала ясновидящей. Вреда никакого, зато Лисицына хорошо теперь зарабатывает на жизнь, а на почте она работала техничкой. Или есть у нас такой лаборант Грибалев. У него в кладовой лежали валенки. Самые обычные, много раз чиненные. Он сам накладывал на них новые подошвы. Как-то ударили морозы, Грибалев полез в кладовую, а валенки ему подменили – лежали там такие же, только подошва в длину на полметра, на великана. Это сперва Грибалев так подумал – подменили. А гля-

нул внимательно – его работа. Он на драгву как-то особенно сучит нитку – его, его работа! Только как это валенки вдруг подросли к зиме, а? – Юренев усмехнулся. – Это не тебя я спрашиваю. Это Грибалев меня спрашивал. Чуть не спился, бедняга, пока мы его не успокоили. Лаборант хороший.

– Или некий дед начинает получать письма от родственников, – мрачно напомнил я. – Никакие, конечно, не родственники, пусть и из Вашингтона, но запить действительно можно.

– Уже знаешь? – Юренев обрадовался. – Вот я и говорю: ты в системе. Это хорошо. Объяснять ничего не надо.

– Нет, позволь. Одно дело валенки, другое – отмороженные пальцы. Тоже связано с вашими экспериментами?

– В общем, да. – Юренев благодушно моргнул.

– Вы там что-то взрываете, а какой-то неизвестный вам дед, сидя в бане, отмораживает пальцы?

– Зато лучшая больница в городе, – быстро сказал Юренев, радостно кивая. – И добавка к пенсии. Приличная добавка. Не каждому так везет.

– А как вы объясняете такие вещи самому деду?

– Никак. Зачем нам что-то объяснять?

– Но ведь дед начнет спрашивать, интересоваться. В конце концов, не так часто люди отмораживают пальцы в хорошо истопленной бане.

– Не так часто, – согласился Юренев. – Только не будет ничего этот дед спрашивать, не будет он ничем интересо-

ваться. Необъяснимое, сам знаешь, пугает. Этот дед, как все нормальные люди, просто будет болтать. А чем больше человек болтает, тем меньше ему верят. Тем более что для НУС это вообще безразлично.

– Для НУС, – протянул я.

– Ахама, хама, хама!

– НУС. – До меня наконец дошло. – Послушай. А Андрей Михайлович? Он тоже получил какой-нибудь «подарок»? Что-нибудь вроде этого обморожения в бане?

– Оставь. – Юренев несколько даже презрительно выпятил толстые губы. – С Андреем Михайловичем все проще и все сложнее. В лаборатории был взрыв. Собственно, даже не взрыв, а некий волновой удар с совершенно неожиданной динамикой. Правда, в лаборатории при этом плавилась химическое стекло и керамика. Андрея Михайловича доставили в больницу без сознания, операция велась со сложным наркозом. И прошла удачно. Так говорят врачи. А вот потом началось странное. Повышенная температура, бред... Или то, что мы приняли за бред... А когда Андрей Михайлович пришел в себя, он, к сожалению, перестал ощущать себя математиком, крупным ученым. Он даже перестал ощущать себя нашим современником. Он очнулся совсем другим человеком. Он теперь не крупный математик Козмин-Екунин, он теперь всего лишь охотник Йэкунин. Чукча. Понимаешь, чукча!

Юренев изумленно моргнул и схватил меня за плечо сво-

ей лапищей. Мы остановились.

– Йэкунин действительно чукча, – повторил Юрнев. Чувствовалось, он никак не может привыкнуть к этой мысли. – Он не понимает нас, он не отвечает на вопросы, зато бегло объясняется по-чукотски. Образ его мышления прост: стойбище, охота. Он не знает, что такое радиан или теорема, зато он знает, как подкрадываться к моржу.

Юрнев замолчал, будто вспомнил что-то. Потом сказал:

– Ты появился здесь не случайно. Мы тебя действительно ждали. Мы знали, что ты обязательно появишься. Более того, мы знаем, что ты нам поможешь.

– Я? Чем?

– Послушай, – Юрнев крепко взял меня за руку, – ты действительно включен НУС в систему. Ты не знаешь об этом, но ты включен в систему НУС давно, еще на Алтае. Подтверждение тому твое нынешнее появление в Городке, фотографии, даже откровенность дежурной по этажу. Что бы ты теперь ни делал, где бы ни находился, ты уже давно – часть системы. Ты, скажем, начал писать о чукчах два года назад, раньше ты о них даже не задумывался. Случайность? Не знаю. Ты подружился с Козминым-Екуниным, в некотором смысле ты был ближе ему, чем мы, его сотрудники, – я или Ия. Случайно? Не знаю. Но знаю, именно ты нужен нам сегодня, именно ты можешь нам помочь.

– А что говорят врачи?

– Врачи ищут причину. – Юрнев взглянул на меня

неодобрительно, ему явно не нравилось, что я не загораюсь его идеями. – Хроническое переутомление, сильнейшее потрясение, сложный наркоз. Все это я и без врачей знаю. Ну, естественно, какой-то сбой в мозговом обмене, какой-то фермент или белок воздействует, возможно, на скрытый механизм генной памяти, потому Андрей Михайлович и чувствует себя чукчей. Но неувязка! Есть неувязка! – Юренив даже остановился. – Современный индус при определенных обстоятельствах, ну, скажем так, в чем-то схожих с нашими, вполне может припомнить восстание сипаев, а современный монгол описать степную ставку Золотой орды. Это у них, так сказать, в крови. Но и Козмин-Екунин, соответственно, должен был припомнить нечто свое, связанное с его кровью, каких-нибудь древлян, боярские смуты, на худой конец – скифов. Но при чем тут чукчи?

– Не ори так.

– Ладно.

Он помолчал.

Он сказал, грубо даже:

– Займешься Козминым.

– Я не говорю по-чукотски, – сухо напомнил я.

– Дадим тебе переводчика. Записывайте все на пленку.

Анализируйте каждую фразу. Вы должны вырвать Козмина из небытия. Разработайте набор ключевых фраз, дразните его, обижайте, если понадобится. Уверен, он как-то отреагирует на тебя, он тебя любил. Сам знаешь. Мы обязаны вы-

рвать его из прошлого!

– Почему ты все время говоришь о прошлом?

– Да потому, что он и чукча не наш, а где-то из семнадцатого века, из первой половины его! – В голосе Юренева звучало искреннее возмущение.

Я промолчал.

Глава X. Чукча Йэкунин

Мы шли вниз по рябиновой аллее, то ускоряя шаг, то почти останавливаясь. Все это время мы были не одни: шагах в тридцати от нас медленно двигалась пустая черная «Волга». Так казалось – пустая, просто стекла тонированные.

– Эта ваша НУС, – я уже не считал нужным скрывать раздражение, – что, собственно, она делает?

Юренив ухмыльнулся:

– Отвечает на вопросы.

– Как?

– Очень просто. Ты спросил, она ответила. У нее даже голос есть, понятно, синтезатор речи. Главное, сформулировать вопрос верно.

– А если вопрос поставлен неверно?

– Этого нельзя допускать. Вопрос всегда должен быть сформулирован жестко и точно.

– Но если все-таки так случилось? – настаивал я.

– Вот тогда и начинают проявляться эффекты второго по-

рядка. Фотографии из будущего, нелепые валенки для великана...

– ...отмороженные пальцы, – продолжал я.

– И отмороженные пальцы, – без удовольствия подтвердил Юрнев.

Мы подошли к коттеджу. Зеленая калитка, палисад, зеленая английская лужайка с постриженной ровной травкой – ничего тут не изменилось за два года. На плоском низком крылечке, заменяя перила, возвышался гипсовый раскрашенный лев, подаренный Козмину местным скульптором.

Два короткостриженных крепыша в кожаных куртках, не торопясь, прошли за березами. Они ни разу не посмотрели на нас, но я понял, что каждый наш шаг контролируется.

Знакомый холл, трость под вешалкой, гостиная.

Не знаю, чего я ожидал. Может, больничной койки, медицинских сестер, истощенного беспокойного старика под простыней.

Ничего такого здесь не было. Широкий дубовый буфет (в верхнем ящике когда-то лежали сигареты – для таких, как я и Юрнев), на слепой стене несколько старинных литографий и лиственничная доска под икону – лик Андрея Михайловича под медным нимбом.

Великомученик...

В камине потрескивали, вспыхивали огоньки, лежала на полке медная закопченная кочерга, а на белой медвежьей шкуре (раньше тут ее не было), скрестив ноги, сидел чукча

Йэкунин. Он завтракал.

Андрей Михайлович? Он, он.

Конечно он. И в то же время...

Болезнь резко обострила выпирающие скулы, желтый лоб Андрея Михайловича избороздили многочисленные морщины. Несмотря на духоту, он был обряжен в широкую, спадающую с худых плеч вельветовую куртку. Не в какую-нибудь там кухлянку, как можно было ожидать, а именно в вельветовую куртку. Такие же широкие вельветовые штаны, похожие, на резинке, на ногах стоптанные, разношенные тапочки.

Чукча Йэкунин завтракал. Поджав под себя ноги, он неторопливо таскал из чугунной сковороды куски черного, как уголь, мяса. Наверное, сивучьего. У сивуча мясо во всех направлениях пронизано многочисленными кровеносными сосудами, кровь сразу запекается. Он таскал мясо из сковороды прямо пальцами, не боялся обжечься, потом вытирал лоснящиеся от жира руки полами куртки. Узкие тундряные глаза туманились от удовольствия. Не знаю, как он видел нас, но как-то, наверное, видел.

– Мыэй!

Голос совсем не тот, к которому я привык, он как бы сел, охрип, напитался дымком, жиром, диковатой, несвойственной прежде Козмину уверенностью.

Старые чукчи довольны, если молодые едят быстро, почему-то вспомнил я. Чукча Йэкунин не выглядел молодым, но ел живо, с удовольствием, чавкал со вкусом, сплевывал,

опять лез руками в сковороду.

– Вул! – Он, щурясь, всматривался, но я не уверен, что он видел нас именно такими, какими мы выглядели друг для друга. Может, это стояли перед ним охотники в грязных кухлянках. И пахло в гостиной странно. – Мэнгин?

Он спрашивал: кто пришел.

– Ну, я пришел, – деревянным голосом ответил Юрнев.

Я поразился. Где его обычная самоуверенность? Помому, Юрнев даже оглянулся на молоденькую женщину в белом халатике, в такой же косыночке, уютно и неприметно устроившуюся в закутке за дубовым буфетом. Возможно, она выполняла функции медсестры, но ее зеленые глаза смотрели жестко и холодно. Она даже успокаивающе кивнула Юрневу, при этом цепко и быстро оглядев меня.

А у камина, за спиной Андрея Михайловича, как бы греясь, сидел человек в простом сереньком костюме, тихий, как мышь. Близко поставленные глазки смотрели на нас робко, оттопыренные уши покраснели. Наверное, переводчик. И правда, он тут же вступил в дело, монотонно переводя все сказанное чукчей Йэкуниным.

Оказывается, чукча Йэкунин и впрямь каким-то образом выделил меня из присутствующих. Он хрипло, низко спросил:

– Какой юноша пришел?

– Ну, свой юноша, – ответил Юрнев тем же деревянным голосом.

Чукча Йэкунин насытился. Он утирал жирные руки полами куртки. Туманные тундряные глаза довольно замаслились. На какое-то время он забыл про нас.

– Ну, как тут?

Юренев, несомненно, обращался к переводчику, но ответила женщина из закутка:

– Чалпанов переводит: Йэкунин сказки говорит.

– Сказки?

– Сказки, – кивнул от камина маленький Чалпанов. – Так говорит, с двоюродным братом по реке Угитилек ходили. Кости мамонта собирая, ходили.

– Много нашли? – недоброжелательно поинтересовался Юренев.

– Много нашли.

Я ошеломленно молчал.

Андрей Михайлович Козмин-Екунин, член-корреспондент Академии наук СССР, почетный член Венгерской академии и Национальной инженерной академии Мексики, почетный доктор Кембриджского университета (Великобритания), Тулузского университета имени Поля Сабатье (Франция), иностранный член Национальной академии Деи Линчеи (Италия), почетный член Эдинбургского королевского и Американского математического обществ, почетный доктор натурфилософии университета имени братьев Гумбольдт (Берлин), пожизненный член Нью-Йоркской академии наук, человек, известный всем и давно во всем цивили-

зованном мире, сидел на белой медвежьей шкуре, подобрав под себя ноги, и шумно жевал черное сивучье мясо: лез жирными руками прямо в сковороду и тут же вытирал жирные руки лапами своей грубой куртки; и это он, Козмин-Екунин, человек, с которым я дружил в течение многих лет, сейчас интересовался: какой юноша пришел?

– Ну, свой юноша.

Чукча Йэкунин шевельнулся. Взгляд его ожил.

Не было, не было в нем безумия, но и узнавания в его взгляде я не увидел.

– Айвегым тивини-гэк...

– О чем он? – насторожился Юрнев.

Переводчик Чалпанов монотонно перевел:

– Вчера охотился... На реке Угитилек охотился...

Я ошеломленно рассматривал гостиную. Все, как всегда, все, как раньше. Но Йэкунин! Но чужая гортанная речь! «В кашне, ладонью заслонясь, сквозь форточку крикну детворе: какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Чукча Йэкунин долго, пронзительно смотрел на меня. Потом перевел взгляд на Юрневу, улыбка исчезла с морщинистого скуластого лица.

– Рэкыттэ йьонэн йилэйил?

– Что, собака настигла суслика? – монотонно перевел Чалпанов.

Он не вкладывал в свой голос никакого чувства и, наверное, правильно делал.

– Собака? Какая собака? – насторожился Юренив.

– Не знаю, – бесстрастно ответил Чалпанов. – Выговор не пойму какой. Тундровый, оленный он чукча или человек с побережья? У него выговор странный. Он фразу не всегда правильно строит.

– А ты строишь правильно? – Юренив грубил.

– Я правильно, – бесстрастно ответил Чалпанов.

Их краткая беседа привлекла внимание Йэкунина. Не спуская глаз с Юренива, он сжал кулаки, резко подался вперед. Глаза его, только что туманившиеся удовольствием, вдруг налились кровью.

– Ыннэ авокотвака! – прохрипел он. – Тралавты ркып-лы-гыт!

Чалпанов обеспокоенно перевел:

– Не сиди! Не стой! Ударю тебя! Это он вам, Юрий Сергеевич. Уйдите пока. Поднимитесь пока наверх.

Такое, похоже, у них уже случилось.

Кивнув, Юренив мрачно взбежал по деревянной лестнице на второй этаж.

Я спросил:

– Вы узнаете меня, Андрей Михайлович?

Чукча Йэкунин разжал кулаки и враз обессилел. Нижняя губа бессмысленно отвисла, глаза подернуло пеплом усталости.

– Он никого не узнаёт, – бесстрастно пояснил мне Чалпанов. – Он не понимает по-русски. Он живет в другом мире,

у него там даже имя другое.

– Это не сумасшествие?

– Ну, нет, – сказал Чалпанов спокойно. – В этом смысле у него все в порядке. Он просто другой человек. Его мышление соответствует его образу жизни.

– Как он пришел к этому образу жизни?

– Не знаю, – все так же спокойно ответил Чалпанов, но глаза его обеспокоенно мигнули. – Об этом лучше с Юренывым.

– Да, да, – холодно сказала из закутка женщина в белом халатике. – Поднимитесь наверх.

Ей что-то в происходящем не нравилось.

– Нинупыныликин...

Не уверен, что это одно слово, но мне так послышалось.

– Поднимитесь в кабинет. Андрею Михайловичу нехорошо. Я должна сделать успокаивающие уколы.

– Ракаачек... – услышали мы, уже поднимаясь.

Чалпанов шепнул:

– Он на вас реагирует. А я вас сразу узнал, Дмитрий Иванович. – И заторопился. – Он, правда, на вас реагирует. Вот спросил: какой юноша пришел, а обычно новых людей не замечает. Он весь в другом времени, он прямо где-то там, в вашем романе. По речи его сужу. Келе, духи плохие, моржи, паруса ровдужные. Он Юрия Сергеевича за келе, за плохого духа держит.

– Не без оснований, – хмыкнул я.

– Ну что вы, Дмитрий Иванович, не надо так. Вы первый, кто на Йэкунина так подействовал. Только, знаете, он все-таки не береговой чукча. И не чаучу, не оленный. Что-то в нем странное, мне понять трудно. Вот жалуется: народ у него заплоховал. Жалуется: ветры сильные, яранги замело, в снегах свету не видно. А то взволнуется: большой огонь снова зажигать надо! Так и говорит: снова.

Глава XI. Нус

Поднявшись в кабинет, я удивился – в кресле у раскрытого окна сидела Ия. На ней была белая короткая юбка и такая же белая кофточка, удивительно подчеркивающие ее молодость, ее свежесть.

Юрнев раздраженно и тяжело прохаживался по кабинету.

– Торрома! – хмыкнул он, увидев меня. – Понял, как мы тут влипли? А ты – уеду!

– У меня билет заказан.

– Сдашь.

– Какого черта ты раскомандовался?

Меня злило, что Ия ничем не хочет напомнить мне о вчерашнем – ни улыбкой, ни взглядом. А еще меня злило то, что за окном постоянно торчал короткостриженный малый в кожаной куртке. Он был далеко, стоял под березой, но почему-то я был уверен – он слышит все, о чем мы говорим.

– Ладно, – сердито вздохнул Юренев. – Понятно, тебе хочется знать, чем мы тут занимаемся. Это твое право. Так вот, – он недовольно выпятил губы, – мы уже довольно давно ведем серию экспериментов, главным объектом которых является НУС. Какое-то время назад, я тебе говорил, у нас случилось непредвиденное: некий удар, взрыв, как ты понимаешь, неожиданный, разрушил одну из лабораторий. Одну из весьма важных лабораторий, – почему-то повторил Юренев. – В тот день с НУС работал Андрей Михайлович. Судя по разрушениям, НУС должна была сойти с ума. – Юренев так и сказал: «сойти с ума», как о человеке. – Или, скажем так, разрушиться. Но НУС продолжала работать! Мы даже не стали трогать разгромленную лабораторию, боялись нарушить связи, налаженные самой НУС. Я лично готов утверждать, правда, кроме интуитивных, у меня нет никаких доказательств, что тот самый взрыв был спровоцирован самой НУС. Она, скажем так, самостоятельно вносила какие-то коррективы в свою конструкцию. К сожалению, рабочий журнал, который заполнял в день эксперимента Козмин, оказался поврежденным, полностью мы не смогли восстановить почти ни одной записи. Короче, мы не знаем, какой именно вопрос Козмина вызвал «гнев» НУС. – Юренев опасно покосился на меня. – Надеюсь, что ты понимаешь, что речь идет вовсе не о чувствах. Естественнее всего было бы расспросить саму НУС, но, похоже, начиная эксперимент, Андрей Михайлович ввел в программу некий запрет,

некий ограничитель, касающийся меня и Ии... – Он изумленно моргнул. – В данный момент мы практически не контролируем НУС.

– А раньше вы ее контролировали?

Юрнев и Ия переглянулись.

– Да, – наконец ответил Юрнев, морщась. – Когда нам не мешали.

– Кто мог вам мешать?

Юрнев подошел и встал против меня:

– Хочу, чтобы до тебя дошло: в систему НУС с самого начала входили четыре человека – Козмин-Екунин, я, Ия и ты. Ты этого не знал, таково было требование Андрея Михайловича. Он считал тебя очень важной составляющей эксперимента. И действительно, все было хорошо, пока тебя не стало заносить.

– Не понимаю.

– Ладно. Попробую объяснить проще. Помнишь Алтай? Наверное, сейчас ты уже сам понимаешь, что поиски плазмидов, разговоры об НЛЮ – все это было так, для отвода глаз. На Алтае мы занимались настройкой НУС, не всей, конечно, но очень важного ее блока. Нам необходимы были специальные условия, некоторый устойчивый, жестко детерминированный мирок. Если помнишь, Лаплас, утверждая своего демона, смотрел на Вселенную именно как на жестко детерминированный объект. Мы должны были сами создать условия. Понятно, мы не могли полностью отгородиться от внешнего

мира, отсюда неточность многих полученных нами результатов. Некоторые мы даже не смогли расшифровать. Помнишь зону на террасе, где побывали до нас геофизики? Этот феномен был связан с работой НУС, но так до сих пор и остается лежащим в стороне, непонятым и необъясненным. Твои с Ией походы за штопором были одной из самых важных опор нашей детерминированной системы. Ничто так надежно не балансирует систему, как бессмысленно повторяющийся акт. К сожалению, ты не продержался до конца эксперимента.

– Ладно, я помешал. Ладно, я сорвал вам эксперимент. – До меня еще не все дошло. – Но что помешало Андрею Михайловичу?

– Этого мы не знаем. Это нас и тревожит. Возможно, вопрос Козмина был сформулирован некорректно. Это тоже вызывает возмущения. Со временем мы разберемся в этом. Сейчас для нас главное – вернуть Козмина, расставить по местам заблудшие человеческие души.

– Ты думаешь, настоящий Козмин сейчас впрямь находится в чукотском стойбище где-нибудь в семнадцатом веке?

– Не знаю. – Юренив хмуро отвернулся, он смотрел теперь прямо в окно на короткостриженого крепыша, застывшего под березой. – Ничего не могу утверждать. Я не большой поклонник загадок. Всю жизнь вожусь с загадками, но вовсе не поклонник только загадок. Мы надеемся на тебя. Ты, наверное, сумеешь разбудить спящую память чукчи Йэкунина. Он реагирует на тебя, сам знаешь. Он и на тебя реагирует, и на

Ию, он даже имя ей дал свое – Туйкытуй, сказочная рыба, красивая рыба, но на тебя он реагирует иначе. В этом что-то есть, здесь следует копнуть глубже. Меня, например, Йэкунин не терпит. Не знаю почему, но не терпит. Это тоже реакция, но Чалпанов утверждает – случайная. Как и реакция на Ию. Только на тебя у Йэкунина промелькнуло что-то вроде вспоминающей реакции.

Провидцы! Меня раздирали самые противоречивые чувства.

Встать и уйти? Но Козмин! Почему Козмин должен томиться где-то за стеной времени в вонючей тесной яранге?

Я спросил:

– Она разумна, эта ваша НУС?

– Скорее всеильна, – уклончиво ответил Юренев.

И моргнул изумленно, неожиданно. Будто такое объяснение его самого неожиданно удивило.

– Скажем так... При определенном подходе... наша НУС... Она может дать человеку все!

– Что значит все?

Юренев лишь усмехнулся.

Похоже, он и так сказал уже больше, чем имел право говорить.

– А отнять? – спросил я. – При определенном подходе она и отнять может все?

– Дать, отнять, – нахмурился Юренев. – Какая разница?

– Не знаю, как ты, а я ощущаю разницу.

– Ну, если ты настаиваешь... – Юренев помедлил. Было видно, ему не хочется говорить. – Если ты настаиваешь... Да, НУС может и отнять все.

Глава XII. «Когда нам не мешали...»

Гостиницу вдруг заполнили иностранцы.

Видимо, обязательные доклады на международном симпозиуме по информационным системам были прочитаны, по коридору и в холле прохаживались группы возбужденных людей. Дежурная по этажу строго присматривала, чтобы курили в специально отведенных для этого местах. Мне она кивала как старому доброму знакомому.

– Как там дед? – спросил я ее.

– Хорошо, – обрадовалась дежурная. – Ему два пальца всего-то и отхватили. Теперь обещают повысить пенсию.

Она с удовольствием варила и приносила мне кофе.

Всего-то два пальца. Зато пенсию обещают повысить. Ахама, хама, хама. НУС может дать все, но может и отобрать все. Как это понимать? И почему Козмин не захотел, чтобы я вошел в систему сознательно? Я нужен был ему лишь для чистоты эксперимента?

Ахама, хама, хама... Быть в системе... Это, наверное, что-то вроде импринтинга, усмехнулся я. Перед вылупившимся цыпленком вместо мамы-курицы протаскивают старую шапку. Для глупого цыпленка именно старая шапка и будет те-

перь всю жизнь мамой-курицей...

Шутка, конечно.

НУС не цыпленок.

«А раньше вы ее контролировали?» – вспомнил я. «Да. Когда нам не мешали».

Да нет, Юренев сказал больше. Юренев ясно дал понять, что это я сорвал им эксперимент.

Возможно... Я усмехнулся: хорошее занятие покупать штопор, который нельзя купить. Все при деле. Шоферы сходят с ума от скуки в лагере, им запрещено его покидать, а ты должен каждый день мотаться в Кош-Агач, и вовсе не обязательно возвращаться в лагерь в определенное время. Ведь рядом Ия.

Ия... *Она все знала!* – эта мысль обожгла меня.

Она все знала, но ни взглядом, ни жестом не дала мне понять, кто я для них такой на самом деле. Может, и целовалась она со мной по заданию НУС или Козмина? Может, я для нее был всего лишь объектом эксперимента?

Алтайские загадки были теперь открыты.

Ясное солнце. Ясная тишина. Автомобильные фургоны, поставленные буквой «Г». Где-то неподалеку мальчишеский голос: «Тор! Тор, твою мать!» Юренев высовывается из фургона:

– Хвощинский, гони его!

Я перехватываю неожиданного гостя за ручьем. Ему нельзя входить в расположение лагеря. Это совсем мальчишка,

на ногах сапоги, на плечах расхристанная, заплатанная телогрейка. Лошаденку свою он держит под уздцы, строжится: «Тор! Тор, твою мать!»

– Встретишь медведя, что сделаешь? – Это любопытствует появившаяся у ручья Ия.

Она *знает*.

– Ну, побегу, однако.

– А если медведь не захочет, чтобы ты побежал?

– Ну, все равно побегу.

Ия *знает*. Сплошной Бабилон.

Я выкладывался перед медлительной алтайкой в лавке древностей: давай мы купим все, а возьмем только штопор! Давай мы сожжем лавочку и спишем все на стихийное бедствие. На какое? Да хоть на землетрясение, хоть на вулканическое извержение, а хочешь, на метеорит. Или выходи за меня замуж!

Алтайка медленно улыбалась.

Она не может продать штопор.

У нее нет денег на сдачу. А Ия *знала*.

С неловкостью, мучительной, как зубная боль, я вспоминал вечерние рассуждения о плазмоидах. Аналоги НЛО. Изолированные вспышечные потоки солнечной плазмы. Некие космические экзотические формы с замкнутым и скрюченным магнитным полем, способные самостоятельно преодолевать чудовищные расстояния, разделяющие Солнце и Землю. Как романтично! Шелестел костер. Пописки-

вал, возился в кустах веселый удод – полосатый, как матрос в тельняшке, хохлатый, как запорожец.

Вспышечные потоки... Замкнутые поля... А вокруг степь, ночь в звездах, зарницы над Северо-Чуйским хребтом. Вечность. И в фургонах мерцал синеватый свет – НУС работала. Она помогала Юреневу искать следы проявлений своей собственной деятельности.

А Ия знала.

Свет костра, поднебесная эйфория.

ПлазмOID врывается в атмосферу Земли как метеорит.

Этакая магнитная бутылка, космический пузырь разрежения. Самая прочная часть плазмоида – носовая, говоря по-просту, горлышко бутылки. Здесь магнитные силовые линии должны быть закручены так, чтобы обеспечить полное отражение зарядов плазмы. Вот деформация силовых линий там и начинается. Когда сжимание достигает критического уровня, магнитная бутылка схлопывается и происходит мгновенная рекомбинация водородной плазмы. Взрыв, затмевающий вспышкой солнце. Вот где, наверное, надо искать истинную разгадку Тунгусского феномена. Не метеорит, а именно плазмOID.

«Когда нам не мешали...»

Ночь в звездах, ветер, настоящий на чабреце, молчание высоких небес, далекие вершины, покрытые снегом.

«Когда нам не мешали...»

Я хорошо помнил последнюю ночь в нашем алтайском ла-

гере. Первым услышал ломящихся к нам сквозь кусты людей, – кажется, Юрнев. Да, он. Он же и первым вылез с фонарем из палатки:

– Хвоцинский!

Я бежал вслед за ним, оскальзываясь на мокрой траве. Никогда еще посторонние не подходили так близко к нашему лагерю. Мы сперва слышали их, потом увидели – два алтайца, в сапогах, в неизменных телогрейках. Они вели за собой лошадей. Лошади испуганно шарахались от бьющего им в глаза света.

– Ну, помогай, – облегченно выдохнул пожилой алтаец, стаскивая с круглой головы шапку, заслоняясь ею от света. – Вот бабе надо рожать. Тухтур-бухтур! Помогай.

Второй для вящей убедительности хлопнул себя кнутом по голенищу.

– Нельзя сюда! – заорал Юрнев. – Туда возвращайтесь! Туда!

Юрнев задыхался.

– Почему нельзя? – удивился старший алтаец и почесал рукой редкую бороденку. – Почему возвращаться? Однако роженица у нас.

– Какая, к черту, роженица, с ума сошли! Нельзя сюда! – Юрнев отталкивал, оттеснял алтайцев к дороге. – Туда идите! Там тракт.

Из темноты вынырнула полуодетая Ия.

– Баба, однако, – обрадовались алтайцы и потянулись к

ней, волоча за собой упирающихся лошадей. – Ну, роженица у нас. Ну, совсем рождает. Дай машину, повезем роженицу в поселок.

– Нельзя! Нельзя! – отталкивал, оттеснял алтайцев Юренив, и тот, что был помоложе, рассердился.

– Помогай, однако. Машины нет, трактора нет, тухтур-бухтур, ничего нет. Как роженицу в больницу везти?

– Нет машины! – рычал, наступая на алтайцев, Юренив. Он явно был не в себе, я смотрел на него с удивлением. Как это не дать машину роженице?

Но Юренив ревел:

– На тракт идите, на тракте много машин!

– Нельзя сюда, – подтверждала Ия. – Совсем нельзя. И нельзя на наших машинах возить людей.

– А газик? – подсказал я.

– Заткнись! – прошипел Юренив, зло отбрасывая меня к ручью. Я чуть не упал. – Заткнись! Тебя, дурака, не просят выступать.

– Там же роженица! Ты с ума сошел!

– Молчи! – Ия быстро зажала мне рот узкой ладошкой.

Она *знала*. Я видел испуганные расширенные зрачки Ии.

– Молчи. Прошу тебя, молчи. Машины – это не твое дело.

Тут и так... Все к черту...

Испуганные, ошеломленные алтайцы все-таки отступили. Какое-то время мы слышали в ночи перестук копыт, потом перестук смолк.

Я презрительно сплюнул: ага, штопор нам нужен!

Я не мог смотреть ни на Ию, ни на Юренева. Звезды. Дивная ночь. Вечность. Плазмоиды. В ту же ночь я ушел из лагеря.

Глава XIII. Козмин Насон, покрученник

Белка цыкала за окном на ветке сосны. Я отмахнулся: ва-ли, белка, – нет у меня ничего!

Горячий асфальт. Июль. Дымок сигареты легко выносило в окно, он тут же растворялся в душном воздухе. Эти фотографии, эти эффекты второго порядка. Как они поступают с такими штуками?

Прячут в архив?

Уничтожают?

«Не делай этого...»

Демон Сократ, когда его хозяин принимал важное решение, всегда запрещал ему поступать иначе, как он поступил. Наверное, Козмин не случайно ввел меня в систему – осторожность далеко не всегда вредна. В общем, на Козмина я не держал обиды, как, впрочем, и на Юренева. Но Ия! Туйкытуй. Сказочная рыба, красивая рыба...

Я понимал, я несправедлив к Ии, но ничего не мог с собой поделать.

Чукча Йэкунин, рвущий мясо руками, это и есть великий математик Козмин, создавший НУС, систему, которая мо-

жет дать все? И что, кстати, значит это все? Что по-настоящему может НУС? Загонять людей в какое-то чужое время?

«Не делай этого... Уезжай...»

Я вспоминал. Как там сказал чукча Йэкунин?

А, да... «Что, собака настигла суслика?» Так спросил чукча Йэкунин, а сам странно смотрел при этом на Юренева. И эта внезапная вспышка: «Не сиди! Не стой! Ударю тебя!»

Туйкытуй. Сказочная рыба.

Бедный Козмин. Уехать? Остаться? Я же для них всего только часть системы, некий инструмент для достижения их целей. Вчера космические плазмоиды, сегодня чукча Йэкунин.

Не чукча, возразил я себе, Андрей Михайлович.

Но сразу лезли в голову – вязаное платье Ии, телефонные звонки, мерзкий швейцар, хор женских голосов...

Отвлекись. Не думай об этом.

Думай о Козмине!

Да, Козмин... Юренев прав, это странно: почему чукча? Если включился механизм генной памяти, то почему чукча? У Андрея Михайловича были в роду чукчи?

Екунин... Йэкунин... Ближе лежит...

Впрочем, это не доказательство.

Что, кстати, говорил Юренев о ключевых фразах? Они, кажется, собираются разговаривать чукчу Йэкунина? Как, интересно, видит нас чукча Йэкунин? Как он видит комнату, зелень поляны под окном. Как он видит Юренева, Ию? Как

он справляется с этим двойным миром, ведь между нами почти ничего нет общего?

Большой червь живет, вспомнил я. В стране мертвых живет. Червь красного цвета, полосатый и так велик, что нападает на моржа даже, на умку даже. Когда голоден, опасен очень. На олешка нападает – душит олешка, в кольцах своих сжав. Проглатывает жертву целиком, зубов не имея. Навшись, спит. Крепко спит. Где поел, спит. Так крепко спит, что дети мертвецов разбудить не могут, камни в него бросая.

Как там сказал Чалпанов? «Выговор не пойму какой... тундровый он оленный человек или с побережья?»

Что-то там еще было.

Ну да. Это Чалпанов потом шепнул, когда мы поднимались по лестнице. «Он не береговой чукча. И не чаучу, не оленный. Что-то в нем странное, мне понять трудно. Вот жалуется: народ у него заплоховал. Жалуется: ветры сильные, ярангу замело, в снегах свету не видно. А то взволнуется: большой огонь снова зажигать надо! Так и говорит: снова!»

Вот оно.

Большой огонь. Сполохи.

На севере говорят: уотта юкагыр убайер – юкагиры зажигают огни.

Цветная мысль: лунный снег – слезавшийся, убитый ветрами. Низкая Луна, смута ночи. Большой огонь снова зажигать надо.

«Что, собака настигла суслика?»

О чем я? Я не знал. Но уже томилось в мозгу, что-то толкалось в сознании. Козмин-Екунин – фамилия древняя. Если предки Андрея Михайловича когда-то ходили в Сибирь, где-то их путь мог пересекаться с чукчами.

Я наконец впервые набрал телефон ноль шесть, ноль шесть.

– Я слушаю вас, – тут же ответил вышколенный женский голос.

– Юренева, пожалуйста.

– Юрия Сергеевича?

– У вас есть другой?

– Нет. – Секретаршу Юренева, похоже, трудно было смутить. – Что передать Юрию Сергеевичу?

Я помедлил секунду. Странная штука мстительность. Есть в ней что-то недоброе.

– Передайте: Хвоцинский ждет звонка. И срочно.

И повесил трубку. Был уверен, Юренев не позвонит. А если позвонит, то далеко не сразу. Но звонок раздался незамедлительно.

– Зачем пугаешь Валечку? – Юренев хохотнул. – Она не привыкла к такому обращению.

– Пусть привыкает.

– Ага, понял, – обрадовался Юренев. – Не тяни. У меня мало времени. Что там у тебя?

– Книга мне нужна.

– Книга? – Юренев удивился, но он умел ценить юмор.

Я слышал, как он там крикнул: «Валечка! Сделай все так, как просит Хвощинский!»

– Слушаю вас. – Валечка и виду не подала, что минуту назад уже разговаривала со мной.

Голос у нее теперь был обволакивающий, ведь я явно входил в круг интересов ее шефа, она уже любила меня. Я не мог и не хотел этого допустить:

– Записывайте.

– Записываю.

– «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Это сборник документов. Издание Главсевморпути, год, кажется, пятьдесят третий. Почему-то при вожде народов любили географию. Книга нужна мне срочно.

– Простите, но данная книга вне тематики нашего института, у нас вряд ли найдется такая книга.

– Меня это не интересует, – в тон ей ответил я. – В принципе, история не может быть вне тематики даже в вашем институте. Так что жду.

И повесил трубку. И заказал кофе. И стал ожидать Валечку.

Кофе принесла пожилая дежурная. Мы с ней совсем подружились. Конференция кончается, сообщила мне дежурная доверительно, скоро иностранцы пить начнут.

Я понимающе кивнул.

А книгу принесла все же не Валечка.

Книгу принесла худенькая, совсем юная лаборантка, короткостриженная, в очках, и смотрела она на меня так пугливо, что я сразу ее отпустил.

Я подержал в руке тяжелый, прекрасно изданный том.

«Все, до сих пор в России напечатанное, ощутительно дурно, недостаточно и неверно» – так в свое время сказал по поводу публикаций исторических материалов в России немец Шлецер. Хорошо, что мне не надо было отвечать на его вызывающие слова, это прекрасно сделал в свое время Ломоносов. «Из чего заключить можно, – ответил Ломоносов на слова Шлецера, – каких гнусных гадостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина!»

Я наугад открыл книгу.

Северо-восток России, путь к океану, полярная ночь. Некий стрелец Мишка отчитывается: «А как потянул ветер с моря, пришла стужа и обмороки великие, свету не видели и, подняв парус, побежали вверх по Енисею и бежали до Туруханского зимовья парусом, днем и ночью, две недели, а людей никаких у Енисейского устья и на Карской губе не видели».

Бородатые казаки, огненный бой, дикующие инородцы, ветер, снег, над головой сполохи. «А соболь зверок предивный и многоплодный и нигде ж на свете не родица опричь северной стране в Сибири. А красота его придет вместе с

снегом и опять с снегом уйдет...»

Я вздохнул.

Я успокаивался.

Это был иной мир, я им занимался много лет.

Где-то среди этих документов следовало искать следы неизвестных мне предков Козмина-Екунина.

Я раскрыл именной указатель. Тут были десятки, сотни имен, но я знал, где искать нужное, и медленно повел пальцем по узкой колонке:

Елфимов Томил Данилов, промышленный человек.

Елчуков Степан Никитич, дьяк.

Емгунт, юкагирский князь.

Ерастов Иван Родионов (Велкой), казак, сын боярский.

Ерило Денис Васильев, казак.

Фамилии Екунина в этой колонке я не нашел и сразу почувствовал разочарование.

Впрочем, фамилия Екунина могла в свое время писаться и через Я.

Яковлев Алексей Усолец, торговый человек.

Яковлев Данила, промышленный человек.

Яковлев Иван, казак.

Яковлев Кирилл, енисейский воевода.

Яковлев Яков, промышленный человек.

Ярыжкин Петр, сын боярский.

Ячменев Иван, казак.

Сколько сапог стоптали в сибирских и в северо-восточных

тундрах и на горах никому неведомые Яковлевы и Ярыжкины, пробиваясь к Великому океану – томящему, зовущему, тонущему в туманах и преданиях...

За Яковлевым Яковом, промышленным человеком, я обнаружил имя Якунина Воина, подьячего.

«См. стр. 220».

Я перелистал том.

«Наказная память якутского воеводы Ивана Акинфова козаку Федору Чюкичеву о посылке его на реку Алазею для сбора ясака и роспись служилым людям, посланным с ним вместе, а также товарам и запасам, выданным на подарки иноземцам».

Алазея. Я вздохнул.

Алазея и Чукотка – это вовсе не рядом.

«Для письма ссыльный подьячий Воин Якунин, Ивашко Ячменев, Любимка Меркурьев, Лучка Дружинин. Да ему ж, Федьке, на Алазейке реке принять служилых людей: Левку Федотова, Лаврушку Григорьева, Ивашка Перфирьева. Да ему ж, Федьке, дано ясачным юкагирем за ясак на подарки: 7 фунтов одекую синево, да в чем аманатам есть варить, котлы меди зеленой весом 6 фунтов».

И так далее. То есть ссыльный подьячий Воин Якунин не ходил на Чукотку. Если какое-то родство и связывало его с Козминым-Екуниным, мне это ничего не могло дать. Поэтому я тут же заказал телефонный разговор с Москвой. Если кто-то мне мог помочь, то прежде всего Ярцев. В. П. Ярцев,

Василий П. Ярцев, как он любил расписываться, короче, Вася Ярцев, мой старый друг. Он, Вася Ярцев, вхож в любой архив, он знает родословную любой более или менее известной семьи в России.

Ожидая звонка, я раскрыл именной указатель на букве «К».

Проверка, собственно, больше формальная.

Кабалак Люмбупонюев, юкагир.

Казанец Иван Федоров, промышленный человек.

Казанец Любим, целовальник.

Кайгород Федор Иванов, казак.

Калиба, чукчанка.

Камчатый Иван, казак.

Каптаганка Огеев, якутский тойон.

Катаев Второй Федоров, сын боярский.

Не имена, а музыка ледяная северная.

Келтега Калямин, юкагир.

Кетев Леонтий, гонец.

Кобелев Родион, сын боярский.

Ковыря, юкагир.

Кожин Иван, пятидесятник.

Козинский Ефим (Еуфимий) Иванов, письменный голова.

В самом конце столбца я увидел имя, сразу остановившее мой взгляд:

Козмин Насон, покрученник.

Глава XIV. Эффекты второго порядка

– Оставь чашку в покое, дай Хвощинскому осмотреться, он не был у тебя два года.

Было странно видеть Юренева расслабленным.

В шортах и знакомой футболке, он завалился в кресло. «Оля была здесь». Потом вскочил, прошелся по комнате.

Оказывается, у Юренева появилось новое увлечение: раковины.

Семейный портрет с обнаженной женщиной в центре висел прямо надо мной на стене, сквозь раскрытую дверь я видел старинный застекленный шкаф в коридоре, оттуда Юренив время от времени приносил удивительные раковины, но меня вдруг заинтересовала небольшая черно-белая фотография, взятая в металлическую рамку.

Робкий взгляд, длиннокрылая мордочка, в огромных круглых глазах мохнатого создания растворено неземное страдание.

– Лемур?

Юренив неопределенно хмыкнул. Концом салфетки он пытался осушить лужицу пролитого на стол кофе.

– Тупайя.

Я глянул на Ию, она подтверждающе кивнула.

– Разве тупайи не вымерли?

– Вымерли. И даже давно. – Юренив неожиданно обрадо-

вался.

– Тоже эффект второго порядка? – спросил я сухо.

Юрнев кивнул. Он загадочно усмехался. Меня все больше и больше охватывало неприятное чувство зависимости.

– Зачем НУС эффекты второго порядка? Она пугает?

– Пугает? – Юрнев в негодовании надул щеки. – Разве можно говорить про смерч, что, налетая на город, он кого-то собирает пугать? Или цунами.

Он тяжело вставал, разминал отсиженную ногу, хромал в коридор и появлялся с какой-нибудь раковиной в руках.

– Взгляни, Хвощинский. – Его голос становился доброжелательным, на мгновение он обо всем забывал. – Это ципрея... – Он показывал волнистую розовую раковину, похожую на полуоткрытые женские губы. – Хороша?.. А эта? – Он осторожно поднимал длинную узкую раковину, похожую на спиралью завитый гвоздь... – Редкая штучка. Это силичжария кюминчжи. Или вот. – Он восхищенно поднимал над собой красноватую раковину, похожую на половинку растрепанной хризантемы. – Спондилос красивый! Я ни слова не придумал. Именно так она и называется!

Он ставил раковину в шкаф и возвращался.

– Видишь, как они разнообразны? Та же ципрея может быть грушевидной, пятнистой, тигровой, она умеет изумлять, Хвощинский. Но разве изумляет она осознанно?

– Где ты берешь их?

Вопрос Юрневу не понравился. Он даже моргнул, но от-

вечать не стал. Гнул свое:

– Природа не может действовать осознанно. Может быть, целеустремленно, но никак не осознанно.

– А разве цель не следует осознать?

– Ты осознанно тянулся к материнской груди?

Юренив не желал принимать меня всерьез.

Он явно нуждался во мне, но принимать всерьез не хотел, а я устал от его антиномий.

Ия почувствовала разлад.

Разливая кофе, она положила руку мне на плечо. Она пришла к Юрениву в вязаном платье, которое мне так нравилось, но я не был уверен, что она сделала это ради меня.

– Ты не очень подробно рассказывал мне про НУС.

Юренив выпятил губы:

– А я не собирался рассказывать. Зачем тебе это? Твое дело творить мифы. Это можно делать, не влезая в суть проблем.

Шутка Юрениву понравилась, он даже подобрел на мгновение:

– НУС – создание нашего ума, наших рук, но, право, я не смог бы объяснить тебе и двадцатой доли того, что о ней знаю. НУС охватывает определенный район, его мир для нее детерминирован способами, о которых я сейчас говорить не могу. Зная сегодняшние состояния этого мира, мы вполне можем предсказывать будущее. Короче, Козмин приручил лапласовского демона – это был, скажем так, классический

период нашей работы. Я понятно объясняю? – Он фыркнул. – А сейчас мы вошли в период, скажем так, квантовый, на нас начинает работать демон Максвелла. Мало знать о катастрофе, которая может нас ждать, следует научиться на нее воздействовать. Предвидеть и воздействовать, есть разница, правда?

– Прикуривать прямо из воздуха... – пробормотал я.

Юренив снисходительно кивнул:

– У меня получилось.

– А мораль? – спросил я. – Это же насилие. Почему кто-то должен терять пальцы только потому, что у тебя не оказалось под рукой спичек?

Ия внимательно следила за нами.

Ее синие глаза оставались бесстрастными.

Почему?

Она целиком разделяла взгляды Юренива или просто не хотела ему возражать?

«Нам надо быть сильными», – вспомнил я.

– Мораль? – Юренив задумался. – Мораль определяется целью. Так было всегда.

– Мне не нравится это утверждение.

– Тебе всегда что-то не нравилось. – Юренив расправил плечи. «Оля была здесь». – Наверное, Козмин потому и включил тебя в систему. Для равновесия. – Он ухмыльнулся. – У тебя плечо оттоптанно.

– Плечо не душа.

– Мы тоже не бомбу испытываем.

– Хиросима может быть тихой.

– Да? – Юренев изумленно моргнул. – Хорошо сказано.

Но надеюсь, новый эксперимент нам поможет, мы вернем Козмина.

– И ты уже знаешь, как это сделать? – не поверил я.

– Посмотрим...

Юренев задумался.

– Одно ясно, Козмин чего-то недоучел. А может, наоборот, представлял всю опасность такой работы, потому и ввел некие запреты. Я их сниму. Я уже объяснял тебе: НУС – достаточно замкнутый мир. В такой системе все состояния могут бесчисленное количество раз возвращаться к исходным. Вот я и проделаю это.

Он неожиданно усмехнулся.

– В сущности, все снова сводится к старой проблеме чуда. Вот комната, – обвел он рукой. – Будем считать, что она достаточно изолирована от мира, существует сама по себе. В такой системе рано или поздно тяжелый письменный стол может сам по себе подняться к потолку, зависнуть под потолком на неопределенное время. Без всяких видимых причин, понимаешь? – Он прямо гипнотизировал меня блестящими от напряжения глазами. – Или, скажем, распухнет бамбуковая лыжная палка, даст корни, листья. Разумеется, речь идет о вероятности исключительно малой, но такая вероятность, заметь, существует, она не равна нулю. Почему

бы нам не повысить процент? А?

Я перехватил взгляд Ии, она смотрела на Юренева с тревогой, она явно боялась за него.

Я сказал:

– Метеоролог строит расчеты на известных ему состояниях атмосферы, кстати довольно неустойчивых. Он никогда не принимает во внимание все условия, это попросту невозможно, а потому мы никогда не имеем абсолютно точных прогнозов. Как бы ни была изолирована твоя система, выходы на мир у нее есть. Я не знаю, чего в конце концов вы добиваетесь от НУС. Может, она действительно даст вам все, сделает вас всесильными, может, она даже и на этом не остановится, хотя, убей бог, не могу представить, во что все это выльется. Но ведь может случиться и так, что вы упруетесь в какое-то уже непреодолимое ограничение. Ты можешь сказать, что вы в него уже не уперлись?

Юренив быстро спросил:

– Ты боишься?

Я пожал плечами. Если я боялся, то за Козмина. Впрочем, и за себя тоже.

– Твоя нерешительность понятна, хотя и беспочвенна, – мягко вмешалась Ия.

– Почему?

– Хотя бы потому, что ты уже работаешь на НУС. – Она улыбнулась. – За эти три дня ты столкнулся со множеством вещей, которые ужаснули бы обыкновенного человека. Но

ты ничуть не ужаснулся, ты даже не собираешься уезжать. А вчера ты потребовал у Валечки старую книгу. Я видела ее. По-моему, скука смертная. Но книга тебе потребовалась не просто так. Ведь не просто так? – Она смотрела на меня внимательно, она насквозь видела меня. – Это связано с Козмичным? У тебя есть какой-то свой план? Расскажи нам.

Глава XIV. (Продолжение)

.....ну да, чукча.

Но почему чукча? Законы крови определены, а любая информация оставляет свой след в мире. Зачем браться за эксперименты, результаты которых могут привести бог знает к чему, – покосился я на Юренева. – Надо поднять старые документы. Если Андрей Михайлович действительно оказался в стойбище чукчей, он не мог не оставить каких-то следов, если даже и там его окружают короткостриженные ребята в кожаных кухлянках. Я уже звонил Ярцеву, он обещал помочь.

– Ярцев? Кто это?

– Архивист. Мой приятель.

Юренив нетерпеливо забарабанил толстыми пальцами по столу:

– «Ахама, хама, хама». Ярцеву надо помочь. Дай мне его телефон, я свяжу его со спецслужбами.

– Не надо, – возразил я. – Не пугай человека.

– Как хочешь. – Юренев недовольно покачал головой. – Ну, ты нашел в именном указателе некоего Насона Козмина. И что? Кто он?

– Покрученник.

– Не дури нам головы. Что за дурацкая терминология?

– Иначе, соуженник, – пояснил я не без тайного злорадства. – Промышленник, на свой страх и риск присоединяющийся к какому-нибудь отряду. Оружие у него свое и снасть своя. Но он самостоятелен, хотя и входит в отряд.

– Как ты, например, – ухмыльнулся Юренев, любуясь раковинной ципреи, оставленной на столе.

– Я уже установил, что Насон Козмин впервые появляется в отчете неизвестного Холмогорца. Они вместе ходили на Оленек.

– Холодно, холодно... – пробормотал Юренев. – Я не географ, но Оленек – это не Чукотка.

– В первой половине семнадцатого века, а если совсем точно, в тысяча шестьсот сорок восьмом году отряды Холмогорца и Дежнева, если вы помните, отправились на поиск богатой реки Погычи. Они обошли Большой каменный нос, высаживались, естественно, и на чукотском берегу. Новые походы никогда не бывают мирными. В столкновении с чукчами сам Холмогорец был ранен копьем в бедро; возможно, кто-то из отряда был убит или потерян. Насон Козмин входил в отряд Холмогорца. Мог он попасть в руки чукчей?

– Теплей, теплей... – Юренев даже надул щеки. – Пред-

ставляю Андрея Михайловича... Он и в яранге бы выжил... Математику не надо каких-то особых инструментов...

И вдруг спросил, наморщив нос:

– Собственно, что это дает нам?

– Уверенность, – ответил я. – Уверенность в том, что мы правы, рассуждая так, а не иначе.

– Но этого мало, – изумленно воззрился на меня Юрнев.

– Если мы будем знать, что Андрей Михайлович, подобно чукче Йэкунину, действительно находится в чужом мире, мы можем выходить на НУС. Ведь зачем-то же ей это понадобилось. Может, она предупреждает нас о чем-то? Вспомни, что делается в физике, ты же физик. Если Вселенная подчиняется вполне определенным законам, в конце концов мы можем свести все частные теории в единую полную, которая и будет описывать все во Вселенной. Понятно же, что таким образом мы подойдем вплотную к пониманию законов, которым подчиняется Вселенная. Но если это так, сама же теория должна каким-то образом воздействовать на нас, то есть определять наш же поиск. Не сочти это за дилетантство, – я обращался к Юрневу, – я могу сослаться на мнение Хокинга, по-моему, он и для тебя авторитет. Почему же теория должна заранее предопределять правильные выводы из наших наблюдений? Почему ей с тем же успехом не привести нас к неверным выводам? И почему ты думаешь, что в новом эксперименте НУС выдаст тебе то, чего хочешь ты, а не она? Тебя что, абсолютно не трогают эти ваши эффекты второго порядка?

– То есть ты хочешь сказать, – медленно заметил Юренив, – что мы должны сидеть сложа руки, пока ты там что-то будешь искать в этих своих казачьих отписках и скасках? Сколько может длиться такой поиск?

– Годы, – сказал я твердо. – Ведь я даже не знаю, что именно надо искать.

– Ну вот, – облегченно вздохнул Юренив, – а я сделаю это в считанные часы.

– Кому-то здорово достанется...

– Может быть. У нас нет другого выхода. Мы не можем держать Андрея Михайловича в яранге многие годы.

Я взглянул на Ию. Она виновато опустила глаза. Я их не убедил.

– С чего они начались, ваши эффекты? – хмуро спросил я.

Ия улыбнулась:

– Со случайностей. Возможно, что-то происходило и во время первых экспериментов, мы этого попросту не знали. Одно время нам здорово не везло, вместо определенных результатов НУС выдавала галиматью. Юренив прямо взбесился, сутками не вылезал из лаборатории, однажды утром притащился ко мне злой, голодный. «Сделай омлет...» – Ия улыбнулась. – У меня в холодильнике лежало одно-единственное яйцо. «Все равно жарь!» Не поверишь, я что-то такое чувствовала, я несла яйцо к сковороде осторожно, а оно все равно вывалилось. Прямо на пол. – Синие глаза Ии потемнели. – Я слышала, я видела, как оно шмякнулось. Всмят-

ку! А Юренив выпучил глаза: «Назад!» Я даже взвизгнула, когда яйцо – целое! – снова оказалось в моей руке. Теперь я уже выпустила его из страха. И опять: «Назад!» – и яйцо в руке. Мы это проделали раз двадцать, до остолбенения, а потом я это яйцо все же изжарила.

Ия вспомнила и другой случай.

Они возвращались в Городок. Машину вел Юренив. Он никогда не был хорошим водителем, а тут самое что ни на есть паскудное сентябрьское утро с морозящим дождем, а над железнодорожным переездом густой туман, фонарей не видно. Какая-то машина в кювете, того смотри сам там окажешься. Ну хоть бы на минуту окошечко! Это Юренив выругался. И тут же обозначилось в тумане какое-то смутное шевеление. Шум какой-то, вихревой толчок. В течение трех минут машина шла в центре вихря, прорвавшего туман до небес. Можно представить: сырой переезд, уходящий в туман поезд и солнце, брызжущее на оторопевшую дежурную у шлагбаума!

– Вот тогда мы и взялись за эти загадки. Андрей Михайлович завел особую тетрадь, куда мы стали вносить подробные описания всех необычных событий, случившихся в районе Городка. Был такой клоун-канатоходец Бим, очень известная среди детворы личность. Творил чудеса. Плясал на канате, делал стойку, вертелся как белка – без страховки, на любой высоте. И вдруг что-то случилось с ним прямо на представлении. – Ия с отвращением передернула плечами, обтянуты-

ми вязаным платьем. – Нет, он не сорвался с каната, он просто повис на нем. Он орал на весь зал, он был полон ужаса и перепугал и детей, и взрослых. Естественно, карьера его на этом закончилась. И если бы только это... – Ия вздохнула. – Был период, когда мы спокойно предугадывали события. Лаборатория провидцев. Тот выигрывает в лотерее, этот находит тугой кошелек. Мелочи, но эффектные. Обком додумался использовать нас в своих целях, но это, к счастью, не затянулось. Предсказать неприятности мы могли, повлиять на них было невозможно. На нас махнули рукой. И зря. Потому что как раз к тому времени мы научились и воздействовать на события. Но одновременно пошли странные вещи. Помнишь Леньку Кротова? Осенью в Тюмени, где уже шел снег, он схватил тяжелейшую форму тропической лихорадки. Или вдруг дед один стал получать письма десятками, как бы от родственников. – Ия явно что-то недоговаривала. – Мы проанализировали все факты, ставшие нам известными. Получилось так: любое наше воздействие на события вызывает некий обратный эффект.

Ию прервал Юренев. Он неожиданно приподнялся и хрюкнул, как сарлык, есть на Алтае такие животные, помесь быка и яка. Даже с бородой, кстати. Юренев нас не видел, что-то там такое пришло ему в голову, он даже глаза закрыл, отыскивая на ощупь карандаш.

– Не мешай ему, – шепнула Ия.

– Чем я ему мешаю?

Юрениву действительно ничто не могло помешать, он быстро писал что-то в блокноте, снятом с полки.

Я мрачно заметил:

– И ничем нельзя оградить себя от этих эффектов? Скажем, фотографии... – Я вспомнил лежащего на лестничной площадке Юренива, и Ия, кажется, меня поняла. – Нельзя же просто ждать.

Я осмотрелся. Конечно, все это я уже видел на той странной фотографии – семейный портрет с обнаженной женщиной в центре, зеленое кресло старинного рытого бархата, книжные стеллажи.

– Можно, – ответила Ия. – Если знаешь конкретно обстановку предстоящего события, обстановку следует изменить.

– Как?

– Ну, скажем, переставить мебель. – Ия явно думала сейчас все о тех же фотографиях, побывавших у Славки. – Убрать, вынести из квартиры некоторые предметы.

– Шарф, к примеру...

– Шарф, к примеру, – кивнула она.

И вдруг спросила у Юренива:

– У тебя есть красный шарф?

Юренив, не отрываясь от записей, отрицательно покачал головой.

– И этого достаточно?

– Вполне.

– Но если это так, – я не мог понять, – если все так просто,

то что вас, в сущности, пугает?

– Мы не обо всем узнаём вовремя.

Ия улыбнулась, но я бы не назвал ее улыбку веселой.

– Скажем, эти фотографии не обязательно могли попасть в твои руки.

Глава XV. Сквозь века

Двое суток я был предоставлен самому себе.

Тревогой были наполнены эти сутки. Я боялся спать и почти все свободное время проводил в Доме ученых или в коттедже Козмина-Екунина. Как-то само собой случилось знакомство с Роджером Гомесом («Знаем теперь, какая там мафия!»), колумбийцем. Держался он непринужденно, с достоинством поглядывал по сторонам красивыми карими глазами, хорошо говорил по-русски и всегда был не прочь подшутить над окружающими. Чаще всего объектом его шуток становились голландец Ван Арль и некий Нильсен, скандинав по происхождению и бразилец по гражданству. Обычно я с ними обедал. С невероятным упорством Нильсен все разговоры сводил к институту Юренева (никто не говорил – к институту Козмина-Екунина). Похоже, доклад, прочитанный доктором Юреныным на международном симпозиуме, что-то стронул в мозгу Нильсена. Роджер Гомес этим беззастенчиво пользовался. Подмигнув тучному Ван Арлю и мне, он утверждал: этот русский доктор Юренив умеет вызывать

северные сияния.

– Северные сияния? – Белобрысый, но дочерна загорелый Нильсен щелкал костлявыми пальцами. – Я верю. Я заинтригован.

– Представляете, Нильсен, – заводился Роджер Гомес, сияя великолепной улыбкой. – Вы и Ван Арль, – он подмигивал тучному голландцу, – вы плывете на собственной яхте по Ориноко...

– Я небогатый человек, – честно предупреждал Нильсен. – У меня нет собственной яхты.

– Ну, на яхте Ван Арля. Это все равно.

Ван Арль добродушно улыбался. Похоже, он мог иметь собственную яхту.

Откуда-то со стороны выдвигался острый профиль австрийца – доктора Бодо Иллгмара. С сонным любопытством он прислушивался и моргал короткими светлыми веками.

– Так вот, Нильсен, вы плывете на собственной яхте Ван Арля по Ориноко...

– Ориноко это в Венесуэле, – возражал бывший скандинав.

– Ну, хорошо. – Гомес начинал терять терпение. – Вы плывете по Амазонке на собственной яхте Ван Арля...

– Вы своим ходом пересекли Атлантику? – вмешивался ничего не понявший в нашей беседе доктор Бодо Иллгмар. – Это нелегкое дело. Снимаю шляпу.

Мы смеялись. Гомес громче всех. Ему многое прощалось:

он считался лучшим другом доктора Юренева.

Потом в гостиницу позвонил Ярцев.

Тихий, незаметный человек, он и говорил тихо, не торопясь. Козмины-Екунины древний род. Не очень богатый, не очень известный, но древний.

– И интересный, – несколько занудливо убеждал меня Ярцев. – Вот сам смотри. Отец Андрея Михайловича служил в штабе адмирала Колчака. Как ни странно, не ушел в эмиграцию и дожил до тридцать седьмого. Один из предков, Николай Николаевич, дед, участвовал в кампании против персов и турок, умирал Польшу, был лично отмечен императором Николаем Первым. Судя по всему, отличался резко выраженной верноподданностью. Когда англичане взяли Бомарзунд, Аландские острова, вышли в Белое море, на Дунай и Камчатку, подвергли бомбардировке Одессу, высадились в Крыму и разбили русскую армию под Альмой, престарелый Николай Николаевич Козмин-Екунин покончил с собой выстрелом из пистолета в сердце. Ну, что еще? – бубнил в трубку добросовестный Ярцев. – Козмин-Екунин Алексей Николаевич упоминается в тетрадях Василия Львовича Пушкина. Алексей Николаевич был масоном, но большой патриот. Один из тех, кто к императору Александру Первому писал в стихах: «Разгонишь ты невежеств мраки, исчезнут вредные призраки учений ложных и сует. Олтарь ты истине поставишь, научишь россов и прославишь, прольешь на них любовь и свет».

– Хорошо, – поторопил я. – «Призраки» – это хорошо. Давай дальше.

– Интересна судьба Алексея Алексеевича, он из прямой ветви Козминых-Екуниных. Выдвинулся при Павле, при нем и унижен.

Я возмутился:

– Копай глубже!

– Ну так вот, Насон Козмин, спутник Холмогорца, тоже из прямых предков Алексея Михайловича. Ты, наверное, не знаешь, Андрей Михайлович сам об этом писал. Есть его записки к юбилею академии. «Горжусь предками, первыми русскими, ступившими на берега Тихого океана». Узнаешь стиль? Андрей Михайлович был иногда подвержен торжественности. Но фраза не из пустых, не общая. Имеется в виду и Насон Козмин, пропавший в свое время вместе с Холмогорцем во время бури, а может, еще раньше погибший в стычках с чукчами...

Ярцев, посмущавшись, перешел на мой роман.

Ты не терзайся, сказал он, эти «историки» тебе не указ. Ярцев имел в виду рецензии неких М. и К., появившиеся в «Литературной России». Всей правды не знает никто, но ты к правде ближе многих. Главное, на что в своих рецензиях обращали внимание М. и К., – роман Хвощинского жесток. Всем известная гуманность русских землепроходцев ставится Хвощинским под вопрос. Как так можно? Да так! М. и К. не изучали казацких отписок, не рылись в казенных архивах,

они привыкли к официальным отпискам.

Я усмехнулся. Ну да, теория всеобщего братания!

Это мы проходили, как же. «Было нас семнадцать человек, и пошли мы по реке и нашли иноземцев, ладных и оружных, и у них сделан острожек, и бились мы с ними до вечера, и Бог нам помог, мы тех людей побили до смерти и острожек у них сожгли».

Всеобщее братание.

«И они, Анаули, стали с нами драца, и как нам Бог помог взять первую юрту и на острожек взошли, и мы с ними бились на острожке ручным боем, друга за друга имаяся руками, и у них, Анаулей, на острожке норовлено готовый бой, колье и топоры сажены на долгие деревья».

«И на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку Пашко, немочен был всю зиму, да Артюшку Солдatica ранили из лука в лоб, да Фомку Семенова, да Тишку Семенова на съемном бою изранили кольем, и Бог нам помог тот их острожек взять и их, Анаулей, смирить ратным боем».

Бог судья рецензентам.

Я отчетливо видел угрюмые скосы Большого каменного носа.

Ледяная волна раскачивала деревянные кочи. Крепко сшитые ивовым корнем, залитые по швам смолой-живицей, они медленно шли к берегу. Вдруг проступали из редкого тумана очертания яранг, на берег выбегали чукчи. Опирались на копыя, пытливо всматривались в таньга, в русских.

«Очень боялись, потому как у русских страшный вид, усы у них торчат, как у моржей. Наконечники их копий длиной в локоть и такие блестящие, что затемняли солнце. Вся одежда железная. Как злые олени, рыли землю концами копий, вызывая на борьбу». Я невольно представлял себе Андрея Михайловича – в меховой кухлянке, в шапке, с копьём в руке.

Нет, не Андрея Михайловича, а Насона Козмина.

В их жилах текла одна кровь.

Глава XVI. Большой огонь

А тени ползли по пологу палатки, их сопровождала чужая птичья, отдающая металлом речь, тени сливались в странную вязь, рисовали странно знакомое лицо, и боль росла, разрывая сердце, раскалывая мир. Только телефонный звонок вырвал меня из умирания.

Я не брал трубку.

Сдерживая стон, брел в ванную.

Уехать? Но смысл? Забудется ли Козмин, смогу ли я, как прежде, сидеть над рукописями, не вспоминая, совсем изгнав из памяти чукчу Йэкунина?

Сам чукча Йэкунин, несомненно, скучал жизнью. Ничто не задевало его за живое.

Я приходил в коттедж, короткостриженные ребята в кожаных куртках не замечали меня. Я раскланивался с Чалпановым и с медсестрой, устраивался перед Йэкуниным на ма-

леньком стульчике. Как, в каком виде воспринимал он меня, не берусь судить. Может, считал соплеменником. Иначе, к чему делиться тем, что понятно лишь в той, веками отделенной от меня жизни?

– Гук! – встряхивался чукча Йэкунин. – Турайылкэт-гэк. Спал долго.

Чалпанов был весь в сомнениях: выговор Йэкунина его смущал.

Но зато чукча Йэкунин действительно выделял меня среди многих. Тянулся, разводил руки, впадал в болтливость. Несомненно, не считал меня чужим. Гыт тэнтумги-гыт. Ты хороший товарищ. Кивал мне, грел руки над черной сковородой. Снега метут, льды стоят. Ты хороший товарищ.

– Рактынаге? – спрашивал. – Зачем пришел?

Я мог что-то объяснять, чукча Йэкунин меня не слышал, он слышал что-то свое. Но обращался ко мне.

– Как звать тебя? – спрашивал я, простые вопросы иногда до него доходили.

Дивился:

– Как звать? Однако, как прежде, Йэкунин.

И жаловался, вдруг ощущая дряхлость:

– Нэрмэй-гым, гым гит. Вот, сильным был...

Я кивал. Я давал ему выговориться.

Чалпанов от камина монотонно вел перевод.

– Как стойбище зовется твое?

– Нунэмын...

Чалпанов переводил:

– Конец суши...

– Там совсем конец суши? Там льды, вода? Там каменный нос, совсем большая вода, камни?

Чукча Йэкунин щурился, гонял по круглым щечкам морщины. Совсем конец суши. Большая вода. Вот ровдужный парус встал. Коричневое пятно в тумане.

– Ты носил все железное? Ты с моря пришел?

Чукча Йэкунин кивал. Но это не было ответом. Он не слышал таких вопросов. Он впадал в старческую спесь. Вот чукчи – настоящие люди. Другие – иноязычные, а чукчи – настоящие люди. Вот таньги есть (он говорил о своем, это нельзя было считать ответом). Вот как голодные чайки есть, никогда не бывают сытыми. А чукчи – настоящие люди. У них еда сама на ногах ходит, отъедается на жирном ягеле, сама растет, пока чукчи спят.

– Под парусом ты пришел? Под ровдужным парусом пришел? Ты жить стал в яранге? Один? Кто-то был с тобой?

Морщины бегали по щечкам чукчи Йэкунина. Он щурился.

Таньги копьё несут, таньги огнивный лук несут. Чукчам зачем такое?

Это тоже не было ответом.

– Ты хорошо жил? Ты плохо жил?

– Гук, – отвечал старик. – Ам уйнэ. Гэвы-лин.

Всяко жил. Плохо жил тоже. Случалось, чукча Йэкунин

впадал в чудовищную болтливость. В такую, что терял всякое сходство с Андреем Михайловичем. Бил себя в грудь: он большой охотник. Намекал: в большой путь ходил. Лукавил: тывинв экваэт-гэк, в тайный путь ходил. Совсем в тайный.

Чалпанов подтверждал: один, попоже, ходил куда-то, от других втайне.

– Охотился? Человека искал?

Чукча Йэкунин шурился, его лицо становилось совсем плоским. Он себя невидимым сделал, совсем невидимым себя сделал. Жалгыл выгвы камчечата, совсем невидимым себя сделал. Камни с обрывов рушиться будут, никто его не увидит. Так укрыться умеет. На голом берегу укрыться умеет.

– К огненным таньгам ходил?

Чукча Йэкунин уклончиво опускал глаза. Чукчи – настоящие люди. Нехорошо лишнее болтать. Болтливых людей келе не любят. Плохие духи приходят к болтливым людям, тайно приходят, сильным огнем палят болтливым язык.

Это было как в моих снах. Там тени, неразгаданные, смутные. А здесь намеки, столь же неясные, тревожащие. Чукча Йэкунин жадно хватал черное мясо из сковороды, размазывал жир по куртке. Чукча Йэкунин хвастливо, но и лукаво тянул, намекал на тайное: майны неййолгычгын тытэйкыркын. Намекал: большой огонь снова зажигать надо.

– Это юкагирский огонь? В полнеба огонь? В небе ночной огонь?

Чукча Йэкунин лукаво шурился. Он не видел солнца за раскрытыми окнами, не узнавал знакомой гостиной. Он не тянулся к камину, предпочитал греть руки над чугунной сковородой. Короткостриженные ребята в кожаных куртках не привлекали его внимания, как не привлекали его внимания ни так называемая медсестра, ни тихий переводчик Чалпанов. Ему было абсолютно все равно, что его окружает. Он жил в своем мире, мы ничем не могли поколебать этот мир.

Я умолкал. Я подолгу смотрел на чукчу Йэкунина.

Если даже это и был Андрей Михайлович, я ничем пока не мог ему помочь.

А он ничем не мог помочь Юреневу и Ии, хотя, бывало, ласково вспоминал: Туйкытуй где? сказочная рыба где? красивая рыба где?

Впрочем, не ждал ответов.

Глава XVII. «Ты с нами...»

Они пришли неожиданно – Юренев и Ия. Похоже, Юренев не спал всю ночь, глаза у него были красные, вид помятый. Ия рядом с ним смотрелась девчонкой.

И в который раз я этому поразился. Неужели Ия что-то взяла для себя у вечности?

– Ну? – спросил Юренев, выпячивая толстые губы.

– Ты о Козмине?

– И о нем тоже.

– Связь прослеживается. Один из предков Андрея Михайловича действительно побывал на Чукотке, обошел с Холмогорцем и Дежневым Большой каменный нос.

– «Нос»! – фыркнул Юренив пренебрежительно. – Слова в простоте не скажешь! И ничего ты, Хвощинский, не вытянешь из старика. Я с ним огненную воду пил и то ничего не вытянул.

– Огненную воду?

Я опять почувствовал ненависть к этому мощному, пышущему здоровьем человеку.

– А что еще? Не воду же. Мне нужны ответы. Мне нужен Козмин, а не чукча Йэкунин. Зачем мне этот болтун? Вот, говорит, наплюжу сыновей, вот, говорит, насильников наплюжу. Соседей побьют, возьмут олешков. Нет, – покачал он головой, – заходить надо с другого конца.

– Что ты задумал?

Он размышлял, внимательно, не без удивления разглядывая меня, наконец высказался:

– Ты всегда боялся будущего. Не злишь, ты неосознанно боялся. Кто в этом признается? «Вот разберемся с прошлым», – передразнил он меня, очень похоже, кстати. – А разбираться следует с будущим.

– Оно и видно. Андрей Михайлович как раз вкушает сейчас от вашего будущего.

– А почему нет? – Юренива не тронул мой сарказм. – С чего ты взял, что этот неопрятный старик, хвастающий на-

сильниками, и есть Козмин-Екунин.

– А ты так не считаешь?

– Сейчас – нет, – отрубил Юренев, и я понял: он действительно принял какое-то очень важное и, видимо, окончательное решение.

– Не делай этого, – сказал я. – Мало тебе предупреждений? Хотя бы фотографии.

– Мы приняли меры, – спокойно вмешалась Ия.

– Какие? – не выдержал я. – Мебель вынесли?

– Ну, почему? Не только. Выкинули шкаф, сняли с гвоздя семейный портрет. К вечеру освободятся ребята, передвинут еще какую-нибудь мебель, если это понадобится. Кстати, оставь Паршину ключ, – предупредила она Юренева. И кивнула. – Ты не против, если мы проведем день вместе?

– Что вы задумали?

– Повторить эксперимент Андрея Михайловича, – снисходительно объяснил Юренев. – По сохранившимся обрывкам записей все-таки можно установить примерный ход. Конечно, весьма примерный. Но если все пройдет, как мы задумали, Козмин уже сегодня будет с нами.

– А если...

Ия глянула на меня с укором и постучала пальцем по деревянному косяку.

Юренев хмыкнул, но тоже прикоснулся к дереву:

– Никаких «если». За будущее надо платить.

– Чем? – спросил я, не спуская с него глаз. – Чужими паль-

цами? Чужими судьбами?

– У тебя есть свой вариант? – лениво спросил Юрнев.

– Есть, – упрямо ответил я. – Но он требует терпения.

– Говори.

– Есть архивы. – Честно говоря, я не был готов к обстоятельному разговору. – Ты сам утверждал, что информация никогда не теряется в этом мире полностью. Если Андрей Михайлович впрямь попал в чукотское стойбище, он найдет способ дать о себе знать. Не знаю как. Может, несвоевременное слово в казачьей отписке, как знак на скале, понятный только нам, намек на невозможное. Не знаю. Что-то должно быть. Есть томские, якутские, другие архивы. Есть архив Сибирского приказа. Если знать, что ищешь, можно найти.

– Сколько времени тебе понадобится?

По-моему, Юрнев уже спрашивал меня об этом.

– Не знаю. Год, два.

– Вот видишь, – спокойно сказал Юрнев, – а мы это сделаем за несколько часов. Да и сам подумай: как ты отыщешь след? След, если он и был, мог затеряться. Его сгрызли мыши, пожрала плесень, сожгли пьяные дьяки. Ты можешь не опознать след, пройти мимо него. Мало ли сумасшедших умирало в старых чукотских стойбищах? Андрей Михайлович вообще мог не оставить никаких знаков, он мог попросту не осознать своей новой жизни, как не осознает ее чукча Йэкунин. Нет, Митя, – он впервые назвал меня по имени, – Андрею Михайловичу может помочь только НУС. Только

она. Что же касается побочных эффектов... Да, ты прав, их появление вполне реально...

И быстро спросил:

– Ты боишься?

Я покраснел:

– Я уже говорил. Не за себя.

Юрнев полез в карман пиджака и выложил на стол два авиабилета:

– На Москву сегодня два рейса, на утренний ты опоздал. Один через два часа, другой через шесть. Можешь лететь любым, ты успеваешь выбраться из зоны действия НУС. Может быть, впрямь так будет лучше.

– А вы?

Ия улыбнулась, Юрнев стоял молча.

– Я остаюсь, – сказал я угрюмо.

– Я знал. – Юрнев так же спокойно спрятал билеты. – Одна морока с тобой. Но ты с нами. Это обнадеживает.

И он хохотнул привычно, низко. И моргнул изумленно, как выброшенный из потемок на свет филин.

Глава XVIII. Облачко в небе

– Мы сняли номер в гостинице. Рядом с твоим. Прямо из лаборатории Юрнев приедет к нам.

– К нам. Странно звучит. Почему ты одна?

Ия поняла мой вопрос и невольно пожала плечами:

– У меня тоже есть особенности. Я могу не спать. Со-
всем не спать. Понимаешь? У меня свой образ жизни. Бо-
юсь, некоторые мои особенности способны отпугнуть любо-
го нормального человека. Кому нужна женщина, непохожая
на других?

– Единственная женщина всегда ни на кого не похожа.

– Долго ли?

Я промолчал.

– Эта НУС, как она выглядит?

Ия улыбнулась:

– Ты был бы разочарован. Анфилада тесных комнат, на-
битых электроникой. Поцелуй меня.

Мы сидели на склоне оврага.

Солнце ярко высвечивало белизну берез и чернь черемух.

– Взгляни, – сказала Ия, закидывая руки за голову. –
Взгляни, какое неприятное облачко. Оно похоже на закру-
ченную спираль. Правда?

Я поднял голову.

Облачко в небе выглядело необычно, но оно не показалось
мне отталкивающим.

– В Шамбале люди бессмертны, – негромко сказала Ия. –
Они умирают, когда покидают Шамбалу.

– К чему ты это?

– Не знаю...

– Хочешь, уйдем? – спросил я. – Не обязательно валяться
именно здесь.

– Мы не валяемся, – задумчиво улыбнулась Ия, жуя травинку. – А если валяемся, то все равно лучше валяться здесь. Так мы меньше мешаем НУС, ведь она нас всех чувствует. Так мы меньше мешаем Юрлену.

Я кивнул. Она сказала «Юрлену», и в голосе ее проскользнуло восхищение.

– У него тоже свой образ жизни?

– Как странно ты спрашиваешь. Он, конечно, не такой, как мы. Он даже не такой, как я. Он зашел дальше. Он зашел очень далеко.

– В чем?

Ия не ответила.

Потом засмеялась:

– А знаешь, я ведь подержала того козла за бороду.

– Какого козла?

– Не помнишь? Ну, там, перед лавкой, в Кош-Агаче. У него были совершенно ледяные глаза. Он всегда был готов наподдать мне под зад, ему смертельно не нравились мои желтые шорты. Я его боялась, всегда пряталась за тебя, а ты дразнил: подержи его за бороду! Когда ты сбежал, я ездила в Кош-Агач одна и однажды сделала это. Козел появился прямо у крылечка лавки и готовился напасть на меня. Я даже не знаю, как это у меня получилось. Я просто подошла и ухватила козла за бороду.

– А он?

– Он обалдел. Он застыл. Он даже перестал жевать. А гла-

за у него оказались не ледяные, а просто мутные, старческие. Я держала его за бороду и помирала от страха, а он вдруг двинул челюстями и принялся мирно жевать. Он смирился, признал свое поражение. Понимаешь? Тогда я стала пятиться от него, а он не стал даже смотреть на меня. Опустил виновато голову и жевал, жевал... Почему мы всего боимся? – спросила вдруг Ия. – Почему ты всего боишься? Ты же не такой, как другие, а все равно всего боишься. Ты начинаешь книгу, пишешь пять-шесть страниц и начинаешь бояться, что не закончишь ее. Ты еще не переспал со мной, а уже боишься, что этого никогда не случится... – Она незнакомо, холодно улыбнулась. – Юренев прав. Твое плечо оттоптано демоном Сократа. Ты раб сомнений. Стряхни с плеча демона. Вообще, с чего ты взял, что именно этот демон главное существо?

– Это не я. Это вы придумали.

– Не обижайся. – Она погладила мою руку. – Кому мне и говорить, как не тебе. Мы все отмечены по-своему: ты снами, убивающими тебя, я – отсутствием снов, Юренев...

– Ну, – сказал я. – Продолжай.

– Не хочу.

Она даже отодвинулась.

Какие нежные листочки, подумал я, глядя на распластавшуюся надо мной березу. Как много пятен светлых и темных. Мечта пуантилиста.

И – облачко в небе.

Оно и мне показалось тревожным.

Темный, даже сизый клочок, завитый спиралью. Не бывает таких облачков.

На него совсем не хотелось смотреть, но и не смотреть было трудно.

– Ты несвободен, – негромко сказала Ия, нежно глядя мне руку.

– А вы?

Она подумала и ответила:

– Мы на пороге.

– Возможность прикурить, не имея спичек? Показать во время фокус с исчезающей из кармана копеечкой? – Я опять не смог удержаться от сарказма.

– Это низший уровень. – Она опять взглянула на меня с незнакомой холодной улыбкой. – Ты тоже через это пройдешь. Может, даже ты уже умеешь все это.

Я ждал, думая, что она объяснит сказанное, но она усмехнулась:

– Ты здорово нам помешал на Алтае. Мы могли находиться сейчас совсем на иной ступени. Ту роженицу все равно увезли, рядом тракт. Нельзя потакать традиционной национальной лени. После твоего бегства все пошло к черту.

– Новое человечество? – усмехнулся я. Ия меня не убедила. – Вы хотите создать новых людей?

Ия не ответила.

Она смотрела в небо:

– Не нравится мне это облачко...

Я поднял голову.

Сизое, налитое изнутри чернью, облачко теперь походило на короткую жирную запятую. В любую минуту оно могло взорваться неожиданным дождем, градом, молнией.

– Не смотри на него. – Я обнял Ию.

– Подожди. – Она сняла с плеч мои руки. – После твоего бегства все пошло к черту.

– В чем это выразилось?

– На Алтае?

– Ну да. Мы все время говорим об Алтае.

– Да, да... В чем?.. – Она задумчиво улыбнулась. Теперь уже обыкновенно, без холодка. – Сперва запили все три шофера. По-черному, безобразно и беспробудно. Они лезли в драку, требовали от Юренева проигранные ими пятаки, помнишь, они часто играли в чикку. Это входило в эксперимент. Они тайком убегали в поселок, пытались приводить каких-то баб. Потом на лагерь обрушилась туча ворон. Их были сотни, они заглушали любой звук, они тащили все, что можно было утащить. Потом приехали какие-то геофизики. Юрнев говорил, вы встречали их на горной террасе, в одной из зон, определенных действием НУС. Геофизики были прямо не в себе. Они утверждали, что из подобранных тобой и Юрневым рюкзаков пропали какие-то очень секретные топографические карты и документы. И деньги. Довольно большие деньги. Чушь собачья! – Она неожиданно рассме-

ялась. – Кое-что, правда, утешало. Помнишь алтайку, у которой ты торговал штопор? Ты считал ее символом постоянства и вечности. Так вот, этот символ, как и предсказывал Юренев, резво сбежал из Кош-Агача в тот же год с каким-то заезжим ревизором.

– А штопор?

– Как раз в ту осень подняли цены на металл и дерево.

– Вот видишь... – неопределенно протянул я.

– А ты боишься, – так же неопределенно протянула Ия. – Даже бывших любовниц боишься. Их уже нет, они давно рассеяны по свету, а ты до сих пор боишься их голосов.

– Оставь.

– Да, оставим это. – Ия протянула руку. – Помоги мне встать.

– Куда теперь?

– В Дом ученых. Я не обедала.

– А Юренев? Мы не помешаем ему?

Она минуту смотрела на меня чуть ли не презрительно, потом вздохнула:

– Уже не помешаем. Он уже запустил НУС.

Глава XIX. Дом ученых

В Доме ученых царило оживление. Международный симпозиум по информационным системам закончился, сибиряки и киевляне, москвичи, питерцы, иностранцы – все смеша-

лись. Это был не банкет, скорее товарищеский ужин. Многие улетали уже сегодня, шло активное братание.

Из крайней кабины нам помахал рукой тучный Ван Арль.

– Подойдем?

– Черные шаманы. Инфернальный мирок. – Ия осмотрелась. – Но нельзя не подойти, все другие места заняты. – Ей явно было скучно. – Я знаю все, что они могут сказать.

За столиком Ван Арля сидел доктор Бодо Иллгмар, прилично, кстати, поддавший.

«Он похож на того алтайского козла, – негромко шепнула Ия. Она могла бы говорить вслух, так галдели в зале, но почему-то предпочитала шептать. – Тоже весь в плесени. Терпеть его не могу».

«У того только рога были заплесневелыми», – вступился я за козла.

«А этот заплесневел весь – от рогов до копыт».

«Подержи его за бороду», – шепнул я и испугался. Ия вполне была способна на такое.

Почувствовав мой испуг, Ия улыбнулась:

– Можно к вам, господин Иллгмар?

– О! – Доктор Бодо Иллгмар смешно потряс козлиной неопрятной бородой. Его бледные руки, выложенные на столик, были разрисованы бледными прихотливыми бесформенными пятнами экземы. Он даже привстал. – Мы ценим внимание.

Ия шепнула мне: «Он ненавидит оперу». Почему-то ей

было смешно, она даже подмигнула Ван Арлю, и тучный голландец расцвел. Впрочем, голландца все время отвлекали киевляне из соседней кабины.

«Австриец почти в кондиции, – шепнула Ия. – Скоро он нам споет».

«Он же не любит оперу?»

«Человек соткан из противоречий».

Ия снова подмигнула Ван Арлю:

– А Роджер Гомес? Почему он не с вами? Я привыкла видеть всех в общей компании.

Ответил Ван Арль, поскольку доктор Бодо Иллгмар, активно выразив благодарность за наше внимание, внезапно впал в мрачность.

– Роджер Гомес – личный друг доктора Юренева, – разъяснил нам Ван Арль. – Доктор Юренев после своего блистательного доклада не появлялся на симпозиуме и даже не освятил своим присутствием его закрытие. Это огорчило всех. Роджер Гомес, как личный друг, отправился разыскивать доктора Юренева. Он уже бывал у доктора Юренева, у него с собой хороший ямайский ром. Он хочет преподнести доктору Юреневу презент.

Я обеспокоенно взглянул на Ию.

– Вот и хорошо, – улыбнулась она. – В квартире доктора Юренева сейчас должны переставлять мебель, так что дело Роджеру найдется. Он спортивный мужчина.

– Они же напьются, – пробормотал я, глядя на Ию.

– Роджеру еще надо разыскать его.

– Бедный Роджер.

– Не жалей. Он не так беден, как тебе кажется.

Мы помолчали. Доктор Бодо Иллгмар неожиданно звучно прочистил горло. Ван Арля вновь отвлекли киевляне. Ия шепнула: «Это даже хорошо, если Гомес разыщет Юренева. – Ия смешно свела брови. – Юренив здорово устает, ему надо встряхнуться. Знаешь, одно время сразу после экспериментов Юренив брал такси и уезжал на железнодорожный вокзал».

«Подрабатывал?» – хмыкнул я.

«Оставь. Ему никогда не надо было подрабатывать. Думаю, он ездил на вокзал для того, чтобы напоминать себе о людях. Мне кажется, Юренива мучило чувство вины».

«Вины?»

Ия отвела глаза: «Потом это кончилось. Он подрался с цыганами. Никогда не говорил, что он там не поделил с этими цыганами, но с тех пор перестал убегать от нас».

Ваша свобода не столь уж благодатна, подумал я.

Доктор Бодо Иллгмар, отхлебнув из фужера, вдруг встал во весь рост и, раздув грудь, взял первую ноту.

Зал загудел и замер.

Сухой, тощий Иллгмар странным образом оказался преисполненным истинной страсти. Он похотливо поглядывал на Ию и пел.

И пел очень неплохо.

Но Ия шепнула: «Какая тоска».

«О чем ты?»

«Разве ты не видишь? Мы в пещерах. Мы ничего не можем. И по слабости своей считаем все это жизнью».

«А какой она должна быть? Мы же всегда живем только в сегодня».

«А нужно жить в завтра! В завтра!»

«Не вздумай заплакать, – шепнул я. – Говори что хочешь, пей, даже напейся, только не вздумай заплакать. А лучше объясни, как все это у вас получается. Как можно прикурить прямо из воздуха? Ты тоже умеешь?»

«Так, кое-что, – неохотно ответила Ия, успокаиваясь. – Ты сам этому научишься. Тебе от этого не уйти».

Она напряглась, и наполовину опустошенный фужер доктора Бодо Иллгмара вдруг сам по себе развалился на две части.

Доктор Бодо Иллгмар оборвал пение и сказал по-русски: – Какая неловкость.

Зал загудел с еще большей силой.

Доктор Бодо Иллгмар вновь впал в мрачность.

Ван Арль живо беседовал сквозь решетку, разделяющую кабины, с киевлянами.

Ия взяла меня за руку. Она хотела выговориться. У Юренева, понял я, все началось в вагоне поезда Бийск – Томск. Юренин возвращался с Алтая злой, стояла непроглядная ночь, залитая тусклым осенним дождем. При сумрачном све-

те он слышал за стеной купе женский плач, вопли ребенка и мужской голос, кроющийся все матом.

Безнадежность.

Юренив лежал на верхней полке и пытался понять, как мы доходим до этого. Он чуть с ума не сошел, пытаясь понять, что мешает нам быть людьми.

Грязь – наконец понял он. Человек полон грязи, он не может не запачкаться среди подобных себе, а запачкавшись, чаще всего сразу сдается. Было бы славно научиться прочищать людям мозги. Прочищать в буквальном смысле. Вымывать из человека зависть, злобу, низость, униженность. Юренив страстно желал, чтобы алкаш за стеной купе заткнулся, чтобы алкаш за стеной купе раз и навсегда забыл всю гнусь, подцепленную им еще в детстве.

Юренив так желал этого, что не сразу понял: за стеной тихо.

Уснул ребенок, замолчали мужчина и женщина. Юренив тоже уснул.

Утром, уже в городе, он специально задержался на перроне. Он хотел увидеть своих ночных попутчиков. И не ошибся. На перрон вышла маленькая замученная женщина. Она вынесла на руках плачущего ребенка и две вместе связанные сумки. А потом Юренив увидел мужа – плюгового, растрепанного. Этот муж все время оглядывался, в его бегающих глазах застыла растерянность, будто он и впрямь что-то забыл в вагоне, потерял, будто его впрямь ограбили.

– Ты думаешь, этого достаточно?

Ия усмехнулась и шепнула: «Я бы с удовольствием прочистила мозги доктору Бодо Иллгмару. Он улыбается, он любезен даже в своей мрачности, но я-то знаю, что бы он делал со мной, окажись я с ним в одной постели».

«А как быть с моими мозгами?»

Ия улыбнулась: «Они тоже засорены».

«А тот мужик из вагона? Вдруг он вообще все слова забыл?»

«Ничего. Он уже давно научился новым».

– Бабилон, – пробормотал я.

– Ладно, – засмеялась Ия. – Держи себя в руках и дай мне монетку. Я позвоню из автомата.

– Юрeneuve?

– Да.

Глава XX. Плата за будущее

В настежь раскрытые окна столовой Дома ученых врывается нежный запах теплой травы. Доктор Бодо Иллгмар окончательно впал в мрачность, голландец, извинившись, пересел к киевлянам.

– Что-нибудь не так? – спросил я Ию.

– Все в норме. Минут через сорок Юрeneuve придет в гостиницу.

Я полез за деньгами.

– Оставь. Расплачивается пусть Иллгмар.

– Его заставят выложить валюту.

– Тебе жалко? Это же для страны.

Мы рассмеялись.

Ия смотрела на меня с нежностью и благодарностью.

Я не понимал: за что? Я сказал:

– Идем.

– А твои бывшие подружки? – шепнула Ия. – Сегодня ты их не испугаешься?

Я сказал вслух:

– Нет.

Мы рассмеялись.

Выйдя из Дома ученых, Ия подняла голову.

Ночное небо усеяли яркие звезды.

Куда уплыло странное облачко? Куда уходит энергия туго сжатой пружины, брошенной в кислоту?

Я хмыкнул. Что за вопросы? Мне ли об этом спрашивать?

– Все хорошо, – засмеялась Ия и облегченно вцепилась мне в руку.

В дверях гостиницы стоял швейцар. Увидев нас, он ничего не сказал, только выше задрал толстый подбородок: мол, можете проходить. На этаже молоденькая дежурная обрадовалась:

– Ой, вам все время звонят. Междугородняя. Женщина все плачет, говорит, вы про нее забыли.

Ия насторожилась:

– Ты кому-то давал свой телефон?

– Только Ярцеву. Наверное, ошиблись номером.

– Вы Хвощинский? Так? – Дежурная смотрела на меня во все глаза. – Фамилия ведь такая?

– Такая.

– Вот вам и звонят.

Я молча отпер дверь, впуская Ию в обжитый номер.

– У меня коньяк есть, – сообщил я ей с веселым отчаянием.

Ия кивнула.

Я плеснул в стаканы.

Куда уходит энергия туго сжатой пружины, брошенной в кислоту?..

Наивный вопрос.

Мы выпили.

– Ты ему позвонишь?

– Зачем? – устало сказала Ия. – Он сам скоро явится.

Это голос ее прозвучал устало, сама она, как всегда, оставалась свежей. Черт знает, как это у нее получалось. Я совсем было собрался спросить ее об этом, но звякнул телефон.

Голос в трубке гнусно хрипел, захлебывался:

– Чё, бабу привел? Нормально, это завсегда так!

– С кем я разговариваю?

– Тебе еще объяснять, козел плешивый!

Я повесил трубку.

– Козлом назвали, – сказал я Ии. – Почему-то плешивым.

Ия печально усмехнулась.

А на меня вдруг напала словоохотливость.

– Ты меня в копейку оценила, – пробормотал я. – Ты говоришь, я вам эксперимент сорвал. А зачем вы играли со мной втемную?

Снова затрещал телефон.

Я нехотя снял трубку:

– Слушаю.

Долгие шорохи, темный дождь, чужое дыхание. Ветер на-свистывает, скука, тьма. Где это все, о боже?

– Будете говорить?

Никто не ответил.

– Не обращай внимания, – сказала Ия, кладя голову на сжатые кулаки. Она была очень красива. Туйкытуй. Сказочная рыба, красивая рыба. – Ты тут ни при чем.

И испугалась, что я неверно ее пойму:

– Нет, ты тут как раз при чем. Просто не обращай внимания.

До меня дошло:

– Вы постоянно вот так живете?

– А ты нет?

Я хотел ответить: нет. И не смог.

Полог палатки, бегущие тени, металлический птичий голос, черт побери, неузнанное лицо...

– Но так нельзя жить, – кивнул я в сторону телефона. И хмыкнул. – Интересно, как лают тебя?

– Ничего интересного.

Длинный звонок.

– Ну чё? – Голос был наглый, влажный. – Наколоч дуру?

– С кем я разговариваю?

– Не узнаёт, – обрадовался неизвестный. И крикнул кому-то там рядом: – Не узнаёт, козел!

Я повесил трубку и улыбнулся:

– Опять назвали козлом. На этот раз, правда, не плешивым. И выговор искусственный. Это что? НУС?

Ия промолчала.

– Но смысл? Какой смысл?

– А какой смысл в автобусной сваре? – спросила Ия. – Тебя толкнули, ты ответил. Тесно. Все раздражает. Не поминай НУС всеу.

Я позвонил дежурной:

– Кофе, пожалуйста. И еще... Появится доктор Юренив, мы его ждем...

Положив трубку, я посмотрел коньячную бутылку на свет. Юрениву тоже хватит.

Дежурная явилась подозрительно быстро. Кофе она не варила, принесла растворимый.

– Доктора Юренива этот спрашивал... – Она покрутила кудрявой головой, вспоминая трудное для нее имя. – Гомео... Нет, Гомек...

– Гомес, – подсказал я.

– Вот точно, Гомес. Он с бутылкой шастает по коридорам,

говорит, у него презент для доктора Юренева. От всех колумбовских женщин.

Я поправил:

– Наверное, колумбийских.

– Ага. От всех колумбийских женщин, говорит, презент.

Не успела дежурная выйти, снова зазвонил телефон.

– Ну что, сладко тебе? – Голос был подлый, девичий, проникающий в душу, нежный. – Шибко сладко?

– Ага, – сказал я.

– Тебе еще слаще будет, – многозначительно пообещала незнакомка и неожиданно звонко рассмеялась.

– Как думаешь, ему что-нибудь удалось? – спросил я, вешая трубку. – Разброд какой-то в природе.

Ия кивнула.

– Но чего он хотел от НУС? Как мог повторить эксперимент Андрея Михайловича, если записи практически не сохранились? И еще он говорил про какой-то запрет. Нельзя же всерьез прогнать такую сложную задачу в обратном порядке.

– Почему нельзя?

Я пожал плечами:

– Чего вы хотите от НУС?

– Точных ответов.

– Что значит точных?

– Как тебе объяснить? – задумалась Ия. – Ты спрашиваешь, например, сколько мне лет. Я называю цифру. Но мо-

жет, ты хотел знать, сколько мне лет не как особи, а как представителю определенного вида? Самое сложное – это точно сформулировать вопрос, дать ясно понять, что ты хочешь именно этого и ничего другого.

– Некорректный вопрос вызывает сбои? Эффекты второго порядка, они не только компенсация каких-то действий, но и плата за неточность?

Ия кивнула.

Мне стало жаль ее.

– Какого черта нужно от Юренева Гомесу? – Я хотел отвлечь Ию от мыслей.

– Распить бутылку рома. Ничего больше. Они, правда, дружат.

Она сказала это, и лицо ее неожиданно изменилось. Она даже схватила меня за руку:

– Что там дежурная говорила о презенте? Какой презент? Что еще, кроме рома? Почему от колумбийских женщин? Он же нес Юреневу ром.

Она сама дотянулась до телефона. Да, она сотрудница доктора Юренева, сказала она дежурной, и голос Ии был полон холода. Да, она имеет право задавать подобные вопросы. Ия холодно разъяснила: да, я имею право выгнать вас с работы прямо сейчас. Ни с кем не советуясь. При этом выгнать раз и навсегда, лишив даже надежды на пенсию. Не устраивает? Прекрасно. Тогда отвечайте. Что это за презент? Гомес что-то держал в руках?

Я не слышал, что отвечает Ии дежурная, но лицо Ии побледнело.

– Шарф, – сказала она мне, закончив разговор. – У Роджера Гомеса был длинный алый шерстяной шарф. «От всех колумбовских женщин».

И снова взялась за телефон.

Ей долго не отвечали, потом ответили.

– Ты? – спросила Ия бесцветным голосом. – Почему ты дома?

Юренив отвечал так громогласно, что я слышал почти каждое его слово.

Я же не один, громогласно ответил Юренив. Меня Роджер Гомес по дороге перехватил. Юренив хищно хохотнул, и я представил, как он там счастливо и изумленно моргает. При-сутствие Роджера – условие больше чем достаточное, правда? Юренив счастливо всхрапнул, совсем как лошадь, похоже, ему там с Гомесом здорово было хорошо. Хвоцинский с тобой? Вас тоже двое? Юренив не к месту заржал. Сейчас мы с вами воссоединимся.

– Выходи, – попросила Ия все тем же бесцветным, незнакомым мне голосом. – Брось все – как есть, бери Роджера и выходи. Только вместе с ним, не отпускай его от себя ни на шаг.

Они прямо сейчас выйдут, громогласно пообещал Юренив. Бутылка рома у них здоровущая, но они ее почти допили. А сейчас допьют остатки. Не тащить же полупустую!

Я слышал каждое слово, потому что Юренив вошел в форму.

Он торжествовал: ром у них ямайский, не мадьярского разлива! Бутылка большая, тоже не мадьярская, мы ее сейчас прикончим. Роджеру сильно понравился семейный портрет, счастливо рычал Юренив где-то там, на другом конце телефонного провода. Особенно понравилась Роджеру обнаженная женщина в центре семейного портрета. Роджер утверждает, что эта обнаженная женщина сильно похожа на обнаженную колумбийку. У них же там мафия! Юренив всхрапывал от удовольствия. Сейчас они досмотрят обнаженную колумбийку и сразу выйдут. Вы можете нас встретить, разрешил он.

– Выходи...

У меня сжалось сердце.

Они называют это свободой?

Они боятся каждой мелочи и впадают в транс при одном лишь упоминании о каком-то там длинном алом шарфе.

«Нам надо быть сильными...» Хороша свобода.

Я смотрел на Ию чуть ли не с чувством превосходства.

Она подняла голову и перехватила мой взгляд. Я покраснел.

– Идем, – негромко сказала она. – Потом ты все поймешь. Невозможно все это понять сразу. Сейчас нам надо встретить Юренива.

Глава XXI. Подарок Роджера

Я задохнулся.

Всего квартал, но мы с первого шага взяли резвый темп.

– Подожди, так мы разминемся с Юрениным.

– Здесь не разминешься.

– Все равно не беги. Если они дома, значит все в порядке.

Юренин не один, с ним Роджер. Юренин сам сказал: условие более чем достаточное.

– Идем!

Перебежав пустой проспект, мы сразу увидели дом Юренина. Наполовину он был скрыт темными соснами, но свет из окон пробивался сквозь ветки.

– Они еще не вышли, – удивился я. – Наверное, ром действительно оказался не мадьярского разлива.

Светящиеся окна выглядели удивительно мирно.

Они успокаивали, они настраивали на спокойный лад.

В конце концов, все, как всегда. Самый обыкновенный душный июльский вечер.

– Видишь... – начал я.

И в этот момент свет в окнах квартиры Юренина погас.

– Они выходят?

– Наверное...

Но что-то там было не так. Что-то там происходило не так, как надо.

Свет вырубился не в одной квартире, даже не в двух, а сразу во всем подъезде. Рыжеватую облупленную стену здания освещали теперь только уличные фонари. По рыжеватой облупленной стене ходили причудливые смутные тени. И мы отчетливо видели, как крошится, разбухает, выпячивается странно бетонная стена дома, будто изнутри ее выдавливает неведомая сила.

Боковым зрением я отметил: Ия молча стиснула кулачки и прижала их к губам.

Как фильм, сработанный замедленной съемкой. Как фильм, кадры из которого мы уже где-то видели. Всего лишь отдельные кадры, распечатанные на фотографиях, но мы видели их, видели...

Хлопок, совсем не сильный.

Треск ломающихся ветвей. Облако пыли.

Панель с грохотом вывалилась на пешеходную дорожку, продавливая и разбрасывая асфальт. Сыпались куски штукатурки, катилась по дорожке пустая кастрюля, бесшумно планировали бумажные листки. Сам дом устоял, но на уровне четвертого этажа возникла, зияла чудовищная черная дыра.

Свет фонарей таинственно преломлялся в облаке пыли, таинственно играл на осколках стекла. Мы явственно видели сквозь зияющую дыру в стене дома завернувшийся край ковра, перевернувшееся кресло и даже этот проклятый семейный портрет. Он висел на своем месте. Скорее всего, Юрнев только что показывал его Гомесу. Ия больно сжала мне

руку. Но до меня и так уже дошло: длинная трещина, прихотливо расколовшая бетон, была вовсе не трещиной. Это был шарф. Алый длинный шарф. В свете фонарей он даже казался черным.

Послышались испуганные голоса, где-то неподалеку взвела милицейская сирена.

Обежав угол дома, я рванул дверь подъезда. Во тьме, в пыли, кто-то перхал, ругался неумело по-русски, шарил перед собой руками. На полу что-то валялось. Может быть, раковина. Я бежал вверх по задымленной лестнице, мимо распахивающихся настежь дверей, сквозь испуганные голоса, бежал, прыгая сразу через несколько ступенек. Бежал, задыхался, но самое страшное, я уже знал, *что* сейчас увижу.

Взвешенная дымка, пыльная муть, пронизанная кирпичным фонарным светом, падающим сквозь вышибленную дверь и дыру в стене. И Юрнев.

Он лежал на бетонном полу, судорожно вцепившись рукой в стойку металлического ограждения. Он никуда не хотел уходить. Он был в шортах и все в той же футболке.

«Оля была здесь».

И в том, что я видел все это уже не в первый раз, заключалось нечто бессмысленное и жестокое.

Год спустя (Вместо эпилога)

Чтобы увидеть следующий пейзаж, необходимо сделать

еще хотя бы шаг, и еще шаг, и еще...

Якутск, Тобольск, Москва, Томск, Питер...

Я знаю, как пахнет архивная пыль, как она въедается в пальцы, как першит в глотке. Я знаю, какой желтой и ломкой становится бумага, пролежавшая в забвении чуть ли не три века. Тысячи казачьих отписок, наказных грамот, скасок.

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу
всех Руси...»

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу...»

Я научился читать тексты, размытые временем.

«А которые служилые и торговые люди Ерасимко Анкудинов, Семейка Дежнев, а с ними девяносто человек с Ковыми реки пошли на ту реку Погычу на семи кочах, и про них языки сказывали: два коча де на море разбило, и наши де люди их побили, а достальные люди жили край моря и про них не знаем, живы ли оне или нет...»

И про них не знаем, живы ли оне или нет.

Тени на ночном окне. Тени на окне несущегося поезда.

Тени на иллюминаторе самолета, пробивающегося сквозь лунную мглу.

Тени на пологие палатки, рисующие столь знакомое, столь недоступное памяти лицо.

И – боль. Боль. Я беззвучно орал, я пытался восстать из бездны. Я задыхался, я умирал. Но пока мне везло. Услышав мой стон, меня будил сосед по купе, или сосед по креслу в

самолете, или сосед по номеру в гостинице.

Я смахивал со лба ледяную испарину и садился, медленно собирая остатки сил.

Почему нам кажется, что капли дождя падают с неба равномерно? Ионы, как известно, распространяются в атмосфере задолго до ливня. Они не бывают неподвижными, они все время в движении. Понижается температура, сгущается туман, каждый ион становится центром растущей капли. Нет никакой равномерности в падении капель. Чтобы знать, каким образом они распределяются в падении, мало даже знать их начальные состояния.

Я, как и все, нуждался в чуде.

Рядом с чудом стоял в свое время Козмин-Екунин – но что хорошего в столь отчужденном существовании? Рядом с чудом когда-то стояла Ия, но что хорошего в пустой жизни рядом с человеком совсем из другого времени? Рядом с чудом стоял Юрнев...

Не надо об Юрневе.

Я просто нуждался в чуде.

Поезд шел на восток, в Иркутске меня ждали друзья.

В купе я был один. Я сильно устал, я зарылся под простыню. Я готов был даже к тому, что этой ночью меня никто не услышит. Якутск, Тобольск, Москва, Томск, Питер. В любом порядке, в любой сезон.

Каждый приближает будущее по-своему.

Козмин-Екунин приближал его, обдумывая новые форму-

лы. Юренив – экспериментируя. Ия – организуя соответствующие условия. Я приближал будущее поездом или самолетом. Я слишком устал. Будущее ничего мне не обещало. И в прошлом, и в будущем я одинаково умирал во снах. Может, поэтому я так остро нуждался в чуде.

Бег времени.

Козмин-Екунин, Юренив, Ия.

Моего имени в этом ряду быть не могло.

С чего они взяли, что связь времен непрерывна?

«Ты сам этому научишься». Но я теперь не хотел этого.

Полог палатки, бегущие тени, вязь странных имен, сливающаяся в полужнакомое лицо, и – боль, боль. В купе никого не было, проводник спал в служебном купе, уронив голову на руки. Я знал: на этот раз мне не всплыть.

Тени на пологе. Я не знал, кто и как мог осветить снаружи полог палатки. Я лишь видел: палатка освещена снаружи. Свет ровен, чист, он струится, он несет по пологу смутные тени.

Я умирал. Я больше не противился боли. Я знал: на этот раз мне не всплыть.

Может, поэтому я наконец узнал.

Козмин-Екунин!

Почему я раньше не мог узнать Андрея Михайловича? Что мне мешало? И почему именно Козмин? Почему именно он?

Я очнулся. Впервые за три года очнулся сам. Без толчка,

без телефонного звонка, без чужого оклика. Простыни промокли от пота, боль рядами пробивала сердце, пульсировала в виске, но я все понимал!

Цветная мысль: большой огонь снова зажигать надо.

Как Козмин увидел вспышку взрыва? И как увидел вспышку взрыва Юрнев? И почему боль? И почему Козмин? Почему сны?

Поезд грохотал в ночи. Я чувствовал слабость освобождения.

Но единственное, чего я действительно сейчас хотел настоящему, – глоток чая.

Крепкого. Горячего. С косой долькой лимона.

Губы пересохли. Еще несколько минут назад я умирал от боли, теперь боль прошла, теперь меня убивала жажда.

«Ты сам этому научишься».

Я отчетливо представил себе тонкий стакан в тяжелом серебряном подстаканнике, серебряную ложечку, нежно позвякивающую о край стакана.

В купе никто не входил, но в купе вдруг сладко запахло крепким свежесваренным чаем.

Я открыл глаза. Стакан в тяжелом серебряном подстаканнике стоял на столике. Над стаканом клубился пар. Похоже, демоны Лапласа и Максвелла обслуживали меня в паре. Ложечка нежно позвякивала, лимон золотился. Он был срезан

косо, как я это только что себе представлял.

Цветная мысль: связь времен непрерывна.

Как в перевернутом бинокле я видел пыльный Кош-Агач, лавку древностей, медлительную алтайку, геофизиков, обмирающих от непонятного ужаса. Как в перевернутом бинокле я отчетливо видел чукчу Йэкунина, впадающего в хвастливость, и неведомого мне деда, отморозившего пальцы в жарко натопленной бане, и запорошенную кирпичной пылью лестничную площадку.

Серебряная ложечка призывно позвякивала.

Я с трудом сел. Я уже знал, что сойду на первой станции, чтобы вернуться. Чтобы попасть в Городок. Ия, чукча Йэкунин... Почему я, собственно, опять сбежал?

«Нам надо быть сильными».

Я уже знал, что выйду на первой станции. И заранее страшился: вокзальная толчея, очереди у касс, дурные буфеты – жизнь, утекающая между пальцев. Но соблазн был велик. Я вдруг увидел на столике железнодорожный билет, он был даже прокомпостирован. Вот оно как. Вот как просто. Никаких усилий. Ну да, Ия же говорила: «Ты сам этому научишься. Ты включен в систему».

Я подумал о незаконченной рукописи.

Захочу ли я теперь заниматься рукописями?

Отхлебнув из стакана, я вытер ладонью вспотевший лоб.

Как там плечо? Я еще чувствую на нем тяжесть? Кто сидит на моем плече?

Я усмехнулся: а обладает ли демон весом? И шепнул негромко: «Демон, демон, не исчезай. Ты мне нужен. Ты никогда не был мне так нужен, как сейчас».

«Даже Ия?»

Я не стал отвечать.

Чтобы понять ошибку, не обязательно ее анализировать.

Какие-то нюансы просто подразумеваются.

Агент Алехин

Ты спрашиваешь, откуда стартуют ядерные бомбардировщики, приятель? Они стартуют из твоего сердца.

М. Орлов

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. Кн. В. Долгорукий снарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

А. С. Пушкин. Дневник. 17 декабря 1833 года

Опять старая история. Когда построишь дом, то начинаешь понимать, как его надо было строить.

Ф. Ницше

1

– Теперь возьмешь?

– И теперь не возьму. – Алехин еле отмахивался. – Козлы!

Вообще не беру чужого!

– Чего врешь-то? – наседал на Алехина маленький, глаза раскосые, длинные волосы неряшливо разлетались по кожаным плечам. По плечам кожаной куртки, понятно. – Ты недавно червонец увидел на дороге, что – не взял? «Вообще не беру чужого»! Ишь раскудахтался!

Спрашивая, маленький злобный тип все время оглядывался на приятеля.

Длинный, смуглый приятель почему-то ласково назвался Заратустрой Намангановым. Непонятно только, откуда маленький тип мог знать про червонец, недавно найденный Алехиным на дороге. И непонятно, почему так ласково назвался Заратустрой длинный. Никто не просил его как-то называться. В самом имени Заратустры Алехину слышалось что-то огненное, тревожное. К тому же на голове длинного набекрень сидела гигантская кавказская кепка. Конечно, мохнатая.

А третий вообще ни на кого не походил. Ну, может, немного на Вия – чугунный, плотный, плечистый. Мощный нос перебит, сросся неровно, криво, на плечах ватная телогрейка. Алехин таких не видел сто лет.

– Ну, возьмешь?

– Не возьму.

– Ты же не за просто так берешь, – упорствовал маленький. – Ты за деньги.

– А я и за просто так не возьму.

Конечно, Алехин мог бы что-то приврать, подкинуть что-

то такое сильное, обвести козлов вокруг пальца, но Верочка твердо предупредила его – больше в жизни не врать! Совсем не врать! И срок испытательный установила, не подпускала к себе. Чего же срываться из-за таких козлов? Соврешь, а волны-то далеко пойдут. Известно ведь, начинаешь с мелочей, с истинной правды – ну, скажем, служил на флоте. А потом почему-то из сказанного тобой как-то само собой выходит, что выполнял тайные приказы правительства. Или скажешь, вот, мол, живу в домике под снос, правда в самом центре города, а получается, будто ему, Алехину, в ближайшее время дадут элитную двухуровневую квартиру со встроенным гаражом.

Неадекватная информация больно ранила Верочку.

2

А поначалу с Верочкой у Алехина все складывалось прекрасно.

Как увидел ее в приемной у начальника телефонной связи, так в тот же день и позвонил. Не мог не позвонить. Он таких, как Верочка, никогда раньше не встречал. Лицо овальное, гладкое, нежная кожа блестит, волосы волнистые, глаза лесные, зеленые. И Верочка Алехина тоже отметила, выделила из толпы. Не могла не отметить, не могла не выделить. Рост почти средний, глаза неуверенные, всегда не знает, куда сунуть руки – то ли в карманы, то ли под мышки.

Правда, доброжелательный. Но врет много.

В первый день Верочка, конечно, еще не знала, что Алехин врет очень много, а сам Алехин тогда считал, что вранье – это совсем не повод для ссор, вранье – это ерунда, чепуха, раз плюнуть. Но, увидев, как Верочка в ответ на его слова начинает поджимать губки, Алехин решил: раз так, раз не нравится ей это, он завяжет. Верочка еще ни слова вслух не произнесла, а Алехин уже решил: завяжет!

И действительно. Домик у него маленький деревянный – на снос, зато, правда, в самом центре города, рядом с драматическим театром. И садик при нем в три дерева. Семь лет обещают Алехину двухкомнатную квартиру в центре, соседей поносили уже, а до его домика руки не доходят. Алехин при первом свидании издала показал Верочке домик: вот, дескать, по-настоящему перспективный, двухкомнатная квартира светит. А Верочка только пожала круглым плечиком: «Ой, Алехин, так я же на твой домик смотрю каждый день!»

Оказалось, Верочка живет в новой девятиэтажке напротив.

Понятно, Алехин смутился. Маленький домик его хотя и стоял под боком у драматического театра, но стоял все же на пустыре рядом с новостройкой, а значит, был открыт для обозрения, и Верочка каждый день могла видеть, как Алехин навевывается в туалет. А туалет у него вроде скворешни. Даже отверстие, как сердечко, вырезано в двери.

Но Алехин не удержался. Сказал: «Пошли ко мне, Верочка. Посидим поговорим, музыку послушаем. У меня дома кофе есть. Маулийский». Он не знал, существует ли такой сорт, но прозвучало красиво. Верочка даже немного покраснела, услышав про маулийский кофе, и отказалась. Да и как идти, если деревянный домик Алехина с такими неслыханно простыми удобствами открыт глазам всех Верочкиных соседей?

– Вот, – решил рассказать о себе Алехин. – Мою фамилию ты уже знаешь. Мне, в общем, не все можно говорить про себя... но тебе... скажу...

– Что? – Верочка даже затаила дыхание.

– Тебе трудно поверить будет, но я скажу. Понимаешь, необычная у меня профессия...

От напряжения Верочка рот открыла.

И тогда Алехин брякнул:

– Я агент!

А Верочка, дура, сама, именно сама красивой своей нежной ладошкой закрыла Алехину рот. Не надо, дескать, ни слова не говори больше, я же все понимаю, Алехин. Ты откровенный, но, наверное, давал подписку о неразглашении. Черт знает, что она в тот раз об Алехине подумала. Я ведь заметила, ты держишься не так, как все. Я видела, как свободно ты входил к начальнику телефонной связи. С моим шефом, Алехин, так свободно, как ты, никто никогда не разговаривал.

Короче, не дала Алехину говорить. А потом обиделась, почему врал.

А он не врал. Зачем ему врать? Он правда агент. Что в этом плохого? Он не первый и не последний. Зато опытный и знающий. Его очень ценят в Госстрахе. Он зарабатывает неплохо. И у него интересные клиенты. Например, пенсионер Евченко. Или крупный математик Н. По вредности пенсионер Евченко первый в мире, а научные труды математика Н. печатаются в самых развитых странах мира. В странах средне- и малоразвитых научные работы математика Н. реже печатаются, но скоро и там до них дойдут. Прогресс не стоит на месте. А Верочка, дура, как узнала, что Алехин не тайный агент, а всего лишь агент Госстраха, ударилась в слезы. Ей, наверное, было бы гораздо приятней узнать, что он, Алехин, вовсе не просто опытный, вовсе не просто ответственный знающий агент Госстраха, а самый настоящий тайный агент какой-то особенно недружественной к нам, даже враждебной страны. Тогда бы она, дура, могла страдать, могла бы мечтать о том, как спасет его. А может, сжав чувства в кулак, сдала бы его куда нужно.

А агент Госстраха...

Ну что такое агент Госстраха?

Куда сдашь простого, хотя и опытного агента Госстраха?

Подумав, Верочка определила Алехину испытательный срок. «Даю тебе месяц. Если за это время ты ни разу не соврешь, удержишься, приучишь себя к нравственной дисциплине».

плине, сам увидишь, какой интересной станет жизнь».

А что в такой жизни интересного? Как можно жить, со всем не привирая?

Но Верочка сама объяснила. «Я вот давно хочу посмотреть „Лебединое озеро“ в нашем оперном театре. Но одной идти не хочется и с подругами тоже. А вот... если ты... исправишься...» Он в первый же вечер позвонил ей по телефону: «Это я, твой последний романтик». Но она вела себя сдержанно.

3

Но кое-что в Алехине Верочка одобряла.

Он, например, читал серьезную литературу.

Верочка глубоко была уверена, что книги всяких там Стругацких и Пращкевичей, Штернов и прочих до добра никого не доведут. Какой-то «Пикник на обочине» (пьют все время, наверное), «Костры миров» (а это еще о чем?), «Записки динозавра»... Какие динозавры? Разве нормальный динозавр мог писать? Зачем ненормальные книжки нормальному человеку?

Но однажды Верочка встретила Алехина на улице.

Он нес книги в букинистический магазин. Понятно, те, которые читать не мог и не хотел. А Верочка обрадовалась: «Ой, Алехин, наконец-то ты купил серьезные книги! Ой, какой молодец! Ты даже Пришвина читаешь. Это у него все

про птиц и зайчиков? Большой, трагический писатель. Ты у меня растешь, Алехин! Я тобою горжусь!»

А чего гордиться? Алехин вовсе не купил книгу Пришвина. Он, наоборот, энергично хотел от нее избавиться. Не хотел трагического про птиц и зайчиков. Лучше бы уж Пришвин писал про милицию. Но похвалу Верочки принял. И теперь часто вворачивал в разговор: «Читал я как-то у Пришвина...» Или: «Пришвин бы с этим не согласился...» Или: «А вот в третьем томе Пришвина...» У него, собственно, только третий том и был, потому он и нес его в бук, но в разговоре звучало солидно. «А вот в третьем томе Пришвина...» Верочка даже вздрагивала от волнения.

Но испытательный срок не скашивала.

4

Сказать, что Алехин прямо вот так сразу начал совсем новую, правдивую жизнь, значило бы несколько преувеличить.

Не сразу, конечно. К тому же с того дня, когда он дал Верочке это свое опрометчивое обещание, пошла ему непруха. Например, стал стесняться Алехин бегать в свою деревянную скворешню. Побежишь, а Верочка увидит и подумает: это чего он так часто бегаёт? А не побежишь, Верочка подумает: это как же он без всего этого обходится? В хозяйственном магазине стал стесняться ночных горшков. А потом еще демократически настроенные пикетчики ста-

ли устраивать на пустыре перед домиком Алехина шумные несанкционированные митинги. Понятно, к его деревянной сковорешне выстраивалась гигантская очередь – попробуй туда попасть! Иногда Алехин думал, что Верочку огорчает вид на такую очередь к его туалету. Почему, дескать, он это позволяет? Какая распущенность!

А потом в садик Алехина, состоящий из трех деревьев, опустился самый настоящий НЛО (неопознанный летающий объект). Это не вранье. Свидетелем оказался сержант Светлаев, милиционер. Он лично видел НЛО – такой большой серебристый шар. Пускает яркие голубые и зеленые лучи, движется куда хочет и шипит при этом негромко, но сердито, как масло на сковороде. Правда, пока ехал милицейский патруль, вызванный сержантом Светлаевым, НЛО спугнули какие-то полуночники.

В тот день Алехина страшно утомили пикетчики и ораторы.

Особенно злобствовали бородатые иссохшие ребята из общества «Память». Их мегафоны начали матюгаться под окнами Алехина прямо с утра. «Россия, проснись! Где твоя память?» Да уж лучше склероз, чем такая «Память».

Особенно невзлюбил Алехин известного в городе оратора У.

С помощью мегафона маленький, рыжий, горластый, горбатый и мутноглазый оратор У. с редким неистовством с самого раннего утра требовал одного: срочно восстановить,

срочно омолодить генофонд русской нации! Это главное, а может, и единственное, в чем прямо сейчас, с самого раннего утра, нуждается простой русский народ, замордованный всеми другими окружающими его народами! Свой собственный генофонд оратор У. нерасчетливо порастряс еще в юности по всей популяции, вот теперь и требовал неистово: «Освободим русских зенсин! Вернем русским зенсинам простого русского музика!» Лежа в постели, Алехин отчетливо представлял себе уютный пылающий русский очаг. А перед очагом – просторный русский топчан, застеленный русской простынкой. А на топчане в полной готовности маленький, рыжий, горластый, горбатый и мутноглазый оратор У. с его вечным рефреном: «Освободим русских зенсин!» – и длинная очередь красивых дородных женщин, пригнанных к нему для восстановления русского генофонда. Очередь, прямо скажем, похлеще той, что днем выстраивается к туалету Алехина. И Верочка среди них – плачущая, упирающаяся.

А вот крупный математик Н. ни на какие такие разборки внимания не обращал. Зато, услышав от Алехина про НЛО, мгновенно примчался на грузовой машине и с помощью двух грузчиков выставил из кузова странный, отгаликующего вида прибор, что-то вроде армейского миномета, установленного на чугунной плите, но с датчиками и с небольшим телевизионным экраном. По экрану, как живые, ползали зеленые кривые. А когда Алехин подошел поближе,

стрелки на датчиках вдруг зашкалило. Крупный математик сразу оживился. Губы толстые, жадно трясутся.

– Алехин, вам сны снятся?

– Ну да, я разве не человек?

Математик Н. оживился еще больше:

– Неужели вас мучают сомнения?

– Да нет, я в этом не сомневаюсь!

– А шкаф для одежды у вас не падал без причины?

Алехин хотел ответить, что это не шкаф, а сам он недавно падал без причины – в лужу. Под давлением трех каких-то хулиганов. Но перевел разговор на другое, на более интересное. Ткнул пальцем в таинственный прибор, который было решено на несколько недель оставить в его садике:

– Застрахован?

– От чего? – удивился математик.

– От митингов.

– Думаете, поломают?

– Непременно поломают.

– А да ладно, – отмахнулся математик. – Пусть ломают. Нам бы только снять четкую информацию. – И объяснил, затягиваясь дешевой сигареткой: – Нам на изучение НЛЮ никто не выделяет приборов, поэтому мы всегда пользуемся чужими. Вот даже создали лабораторию по ремонту редкой научной аппаратуры. Принимаем приборы у самых разных организаций. Неделю ремонтируем, а в документах указываем, что три месяца. А сами этими приборами пользуемся.

5

А вот с хулиганьем сложнее.

Объявились в переулках вокруг пустыря рукастые придурки.

Встретили вечером Алехина – маленький тип, с ним этот длинный и еще тот тип, что похож на Вяя. В переулке лужа, по сторонам заборы, за заборами заглохшая новостройка. Домой можно пройти только по переулку, поперек него – лужа, и эти трое: ласковый Заратустра в мохнатой кавказской кепке, Вий в ватной телогрейке и маленький, длинно-волосый. Алехин, увидев троицу, сразу понял: сейчас попросят закурить. И решил: пройду мимо, пусть думают, что глухонемой.

Но хулиганье пошло хитрое. Они не попросили закурить. Они сразу схватили Алехина за грудки и сунули под нос что-то вроде игрушки. Может, искусственный рак, а может, не рак. Всякие там псевдоподии, ложноножки, усики, клешни, лапки. Присматривать Алехин не стал. Для одной только вежливости взвесил на ладони тяжелую игрушку: «Из золота, что ли?»

Таких, как эти типы, Алехин недолюбливал.

Пропились, наверное, пытаются толкнуть с рук игрушечного металлического, явно украденного рака. И глаза у них

какие-то неживые, не туда смотрят, куда надо. И ругаются странно, без интереса. Думают, наверное, куда денется этот Алехин? Перед ним лужа, не побежит он через лужу. А Алехин несколько дней назад сам набросал в лужу кирпичей – один туда, другой подальше. С первого взгляда не заметишь, но он-то знал тайную подводную тропу и мог пробежать по воде, яко посуху. Потому и не торопился, не выказывал никакой робости, предлагаемого металлического рака активно отталкивал. Зачем ему чужое? Он сроду не брал чужого! Чувствуя несомненное моральное превосходство, даже подмигнул маленькому длинноволосому.

И умудрился оторваться от типов.

В общем, жизнь кипела.

По утрам митинги, днем очереди к туалету.

А вечерами появлялся неугомонный крупный математик Н.

Курил, хрипел: «Алехин, голова у тебя не кружится? Странные сны не снятся?»

А ему снились сны, даже очень. И странные. Например, Верочка – в одних только длинных коричневых сапогах, и ничего на ней больше не было. Разве про такое будешь рассказывать?

6

Опять возвращался вечером домой. И вот нет чтобы пой-

ти более дальним, кружным, зато безопасным путем, поторопился, свернул в узкий переулок. А там опять эти трое. Длинноволосый дергается, подбрасывает на ладони тяжелого металлического рака:

– Бери, бери! Для тебя, Алехин!

– За полбанки? – ухмыльнулся догадливый Алехин.

И подумал: где это они узнали мою фамилию?

– Зачем за полбанки? Ты по делу бери.

– Это как, по делу?

– А за полтинник.

– Значит, растут цены? – обиделся Алехин. – За простую механическую игрушку полтинник? Да она даже не заводится, в ней дырки нет для ключика. Ну, положим, возьму я. Зачем мне ваш рак? Таскать в кармане?

И улыбнулся. Не обидно, но с некоторым чувством превосходства.

Улыбка у Алехина широкая, открытая, как у губастого зайца из трагических рассказов Пришвина. И зубы ровные. Вот по ровным зубам, по широкой губастой заячьей улыбке Алехину и прилетело.

– Ты чего? – обиделся Алехин.

И опять ему не понравились глаза троицы – какие-то тусклые, неживые. Не поймешь, что надо таким? В драку все-таки хватило ума не лезть, намекнул только, отмахиваясь: видел я вас, козлы. Не раз видел. Пробавляетесь на стройке, да? Понадобится, мне вас найти, как плюнуть.

И дунул прямо по луже.

Смылся, конечно. Но обидно, конечно.

Он мотается день-деньской по участку, пенсионер Евченко достал, сидит в печенках, а тут еще это хулиганье. Сегодня опять не сумел уговорить упрямого пенсионера Евченко пролонгировать его страховку. Тот одно ноет: вот, дескать, помру, наследников у меня нет – кому достанется страховка? Алехин говорит: да не пропадет ваша страховка, в случае чего достанется государству. А достанется государству, говорит, станет государство еще сильнее. А станет государство сильнее, в счастье подрастут и ваши возможные потомки.

– Ага, потомки, – обиделся пенсионер. – Я тут всю жизнь горбатился, а они, эти потомки, сразу на готовенькое.

7

Но больше всего мучила Алехина Верочка.

Он у нее все-таки был однажды. Уютная однокомнатная квартира. Литовская стенка. Дорогой хрусталь, книжки на полках. Всякие красивые камни, особенно агаты. Их Верочке дарил геолог, с которым она когда-то дружила. Что-то у них там не связалось, но Алехин не любил слушать про это. Ну, еще бельгийский ковер, японский пылесос, тефлоновая посуда. И все не застраховано!

Алехин обалдел от такой беспечности.

Задумавшись, двинулся по роковому переулку.

Моросил дождичек. Развязался шнурок на ботинке. Подняв воротник ветровки, Алехин присел на корточки как раз перед знакомой лужей. Завязывая шнурок, подумал: как бы ни складывалась моя жизнь, пусть даже Верочка совсем откажется от него, пусть даже не выдержит он испытательного срока, все равно он Верочку уговорит... застраховать... всю квартиру... А то, не дай бог, пожар...

Когда Алехина сзади пнули, он как раз думал о том, как хотелось бы ему помочь Верочке, поэтому упал неудачно – лицом в лужу. Вскочил весь в грязи, злой, хоть ополаскиваться.

Ну конечно, те же трое.

Ласковый Заратустра Наманганов за неделю оброс неопрятной щетиной, смотрел на Алехина тускло, без интереса. Глаза под козырьком кавказской кепки, сдвинутой набекрень, казались совсем неживыми. А на Вие промокла ватная телогрейка. Но стоял прямо, ни разу не чихнул перебитым носом. Только длинноволосый дергался и кривлялся. Нехорошо, мол, не по-товарищески поступаешь, Алехин. Расселся посреди дороги, ни пройти ни проехать. Даже подмигнул. Мы, дескать, случайно пнули тебя, Алехин. Подумали, что это сидит перед лужей один наш хороший приятель.

А что, разве обращаются так с хорошими приятелями? Алехин надулся, вытер платком лицо. Главное, решил, не дать им возможности спровоцировать драку.

– Если даже и приятель ваш, – заметил миролюбиво. –

Зачем его пинать?

И сразу понял: ошибся. Длинноволосый задержался, обозлился, засучил рукава:

– Это ты нас учить будешь, как обращаться с хорошими друзьями?

И запрыгал, задержался, пытаясь достать кулаком до ровных зубов, до губастой миролюбивой улыбки Алехина. Он тут будет корить нас!

Когда Алехин позже рассказывал Верочке про случившееся в переулке, он, в общем, почти ничего не скрывал. Да и что скрывать? Все-таки трое. Разве разумный человек полезет в драку против троих? И забор грязный. Его, Алехина, значит, прижали к мокрому грязному забору, испачкали ветровку. А он все сдерживал этих типов. Вот чего, дескать, разошлись, мужики? Рядом отделение милиции, в отделении сержант Светлаев. Но мужикам было все равно. Особенно бесился длиноволосый. Алехин, если бы захотел, мог за просто утопить его в луже, но ведь рядом находились Заратустра и Вий. Черт знает, что у них там в широких оттопыренных карманах и что у них там за голенищами? По рассказу Алехина выходило, что все трое были в высоких резиновых сапогах.

Чтобы не пугать длиноволосого, чтобы не спровоцировать настоящую неравную драку, Алехин якобы демонстративно отступил в лужу и, понятно, промочил ноги. Кроме того, скользко ведь, и Алехин опять нечаянно упал в лужу.

Эти типы вроде опомнились, начали извиняться, длинноволосый протянул руку помощи, но рука оказалась мокрая, и Алехин опять – в лужу. Это совсем рассердило длинноволосого: вот, дескать, Алехин, ты не держишься на ногах, а потом начнешь говорить, что это мы тебя замарали! Стали тянуть Алехина из лужи уже все втроем и, конечно, опять уронили.

Но подняли. А чтобы снова не упал, прижали к грязному сырому забору. Длинноволосый при этом нечаянно сорвал с Алехина шарфик и вроде совсем нечаянно втоптал в грязь.

– Ну, берешь рака? За деньги.

– За какие деньги? – отмахивался Алехин.

– За хорошие деньги, – дергался длинноволосый. – За отечественные.

– Я вообще не беру чужого, – отмахивался Алехин.

– А ты не бери. Ты купи.

Для надежности Алехина еще плотнее прижали к забору, но забор оказался скользкий, и Алехин опять упал.

– Теперь возьмешь?

– А что изменилось? – якобы обиделся Алехин. – Цены упали? Не хочу брать ничего чужого. Не мой этот рак. Не хочу рака. Он и не ваш, наверное.

– Вот заладил! – У длинноволосого прямо руки опускались. – «Наше – ваше». О чем ты? Чего как попугай? Раз наше, значит и ваше. Что за непонятки? Наше, значит ваше, а ваше – это наше. Не так разве?

– Нет, конечно. Совсем не так!

– А как? – обозлился длинноволосый. – Если рак наш, тогда что твое?

– Ветровка моя, – заявил Алехин. – Шарфик мой. Лужа моя. Родина моя. Земля.

– Земля? – сильно удивился длинноволосый. – Неужели и Земля твоя?

– Ну, наша, – поправил себя Алехин.

– А Родина? – еще сильнее удивился длинноволосый. – Она твоя?

– Ну, наша.

– Тебя прямо никак не поймешь. Ну, чё попало. Да ладно, уговорил. Бери рака без денег. – И добавил, пытаясь достать кулаком до ровных зубов Алехина: – Ты нам сразу понравился. – Но не перестал интересоваться: – А реки, горы, Алехин? Они чьи? А подземные ископаемые и облака? А вымершие существа? Тоже твои?

– Наши, – совсем запутался Алехин.

– А море?

– Обское, что ли?

– Ну, пусть Обское.

– Тоже наше.

– А Черное?

– И Черное – наше.

– Это, значит, и твое, Алехин?

– Ну да, мое.

Алехин не врал. Черное море, Понт Евксинский он любил, раз пять ездил к Черному морю. Возвращался из любимой Пицунды всегда загоревший, уверенный, похорошевший. Начинал считать себя обаятельным, что льстиво подтверждали некоторые его пожилые клиентки. Загоревший, уверенный подолгу тренировал перед зеркалом южную уверенную улыбку. Для опытного страхового агента широкая уверенная улыбка – первое дело. Спорт, искусство, кино и все прочее – это второе дело, а улыбка – первое.

– А вот лишишься ты Черного моря, Алехин, хорошо тебе будет?

Ну, козлы! Алехин даже рассмеялся. Лишиться Черного моря! Да пусть оно окажется хоть грузинским, хоть украинским, хоть турецким, хоть румынским или там болгарским и так далее, никто всего моря никогда не лишится. Хватит моря на них и на нас. На всех хватит. Смех Алехина Заратустру Наманганова и его корешей неприятно разочаровал. Они переглянулись, вроде как не поверили Алехину. Все мокрые, на Вие телогрейка раскисла, да и сам Алехин, плотно прижатый к грязному сырому забору, сильно скучал. Не поленился бы пойти в обход опасного переуллка, сидел бы в своей кухоньке и варил чай.

До него не сразу дошли слова ласкового Заратустры.

– Ох, лишишься ты, Алехин, Черного моря. Аральского лишился, а теперь и Черного лишишься. Вспыхнет море в одночасье и не будет больше ни твоим, ни ихним.

– Как это вспыхнет? – поразился Алехин.

– А вот так. – Длинноволосый сделал неприятное движение, будто чиркнул спичкой под носом Алехина. – Пых – и готово!

И спросил:

– У тебя телефон есть?

8

Домашний телефон для Алехина был предметом особой гордости.

Алехин простоял в очереди на телефон почти десять лет, и все равно ему пока поставили только воздушку – в один день и почти случайно. Кстати, именно в тот день он впервые увидел Верочку. Ноги длинные, глаза лесные, зеленые, полупрозрачная кофточка на груди и все такое прочее. И Алехин чем-то ее привлек. Может, осторожной стеснительной улыбкой, Алехин никогда об этом не спрашивал. Строго ответив на стеснительную улыбку страхового агента, Верочка, как и подобает опытной секретарше, пробежала тонким красивым пальчиком по длинному списку, лежащему перед ней:

– Опаздываете, товарищ Алехин.

Алехин удивился, но виду не подал.

Как это опаздывает? Неужели его очередь подошла?

Начальник телефонной связи, человек еще молодой, но умудренный, сидел за просторным письменным столом и ку-

рил длинную иностранную сигарету. При этом он внимательно слушал острые анекдоты какого-то кудрявого смуглого весельчака – может, своего помощника. Увидев Алехина, кудрявый умолк и недовольно отсел в сторону, а начальник телефонной связи закурил новую сигарету. Алехин в ответ улыбнулся открыто. Он видел: начальник телефонной связи много работает – пепельница забита окурками, на столе свежий номер газеты «Советская Сибирь». Он даже немного упал духом. Конечно, у начальника телефонной связи тысячи важных дел, а тут он, Алехин, явился со своим мелким вопросом.

К счастью, начальник уже поднял на Алехина глаза.

– Мне уже звонили о вас, товарищ Алехин, – сказал он. – Мне рекомендовали вас как уверенного работающего человека. Наверное, правильно рекомендовали, я верю товарищам сверху. Но теперь придется работать еще больше. Перестройка, товарищ Алехин! Не какие-то там застойные времена. Гласность. Ускорение. Каждый должен показывать личный пример в быту. Учиться и работать. Все больше и больше работать и учиться. – При словах «перестройка» и «гласность», а особенно «ускорение» полные безмыслия глаза начальника телефонной связи становились какими-то обиженными. Было видно, что на душе у него накопело. А до Алехина дошло наконец, что, может, принимают его за кого-то другого, но он промолчал, решил дослушать до конца умного человека. – Телефон не роскошь, это всем известно. До-

машинный телефон – это определенное признание обществом. Вы, товарищ Алехин, отдаете себе отчет, как много теперь придется работать?

Слова начальника телефонной связи взволновали Алехина.

Он, конечно, не думал, что его вот прямо сейчас из кабинета отправят в колхоз на копку картофеля или, наоборот, в Институт повышения квалификации, но насторожился. Он очень хотел установить домашний телефон. Он очень хотел вписаться в строй непонятных, но мудрых мыслей начальника.

– Я теперь много работаю, – сказал он вслух.

Некоторое время начальник связи с сомнением рассматривал Алехина.

– Это хорошо, товарищ Алехин, – наконец сказал он. – Перестройка, гласность, ускорение. – (После каждого из этих слов в голове Алехина вспыхивали и гасли разные яркие факты из богатой и содержательной жизни страхового агентства. Конечно, он будет теперь работать еще качественнее. Он прижмет хвост пенсионеру Евченко.) – Мы с вами не можем молчать! Мы не можем поступаться принципами.

Начальник явно шел вброд, на ощупь, он не знал, что сказать еще.

Выручила Верочка, открывшая дверь:

– К вам из профотдела, Иван Георгиевич.

Счастливый Алехин задержался в приемной.

Он так и ел глазами Верочку, разбиравшую какие-то бумаги.

Документы на телефон были подписаны. Алехин не знал, какое чудо произошло, но документы были подписаны. И юбка у Верочки оказалась с длинным разрезом. При ходьбе, да и просто при движении разрез этот расходился, правда, ничего такого особенного Алехин не увидел, наверное, Верочка немного неправильно к нему стояла – боком. Но это ничего. Это ничего, думал Алехин. Вон как хорошо все началось, главное – дальше не испортить.

9

– Есть, есть у меня телефон.

Длинноволосый отпустил Алехина.

А Заратустра Наманганов вдруг резво пошлепал по луже за угол бетонного забора и через пару минут принес телефонную трубку с оборванным проводом. А ну-ка, сказал он, набери свой домашний номер.

– Зачем? – спросил Алехин, рассматривая трубку с циферблатом.

– А ты не трусь. Набери.

– Меня же все равно дома нет.

– Какая разница? Ты набери, Алехин.

Ага, догадался Алехин. Они меня тут держат, а другие такие же шмонают сейчас, наверное, мой домик. Так оно и бы-

вает. Слыхали мы про такое. И неохотно набрал свой номер. В молчащей до того трубке сразу раздались длинные гудки.

– Ну вот, – снисходительно начал Алехин, но в этот момент что-то в трубке щелкнуло, и из бездонной мглы, из дымных времен, из какой-то совершенно невероятной и страшной бездны донесся до страхового агента заволаживающий ужасный голос:

– Горит, Алехин, море. Горит. Зря не веришь.

– Какое море? – ошеломленно спросил Алехин.

– Черное...

Длинноволосый отобрал у Алехина трубку.

– Хватит с тебя, – сказал он с придыханием. – Тяжелый ты человек.

До Алехина наконец что-то дошло.

– Эй, мужики, – обеспокоенно сказал он. – Если даже и горит море, я-то тут при чем?

– Тебе сколько лет? – спросил длинноволосый.

– Немного за тридцать, – неохотно признался Алехин.

– Тридцать пять. Медленно взрослеешь, Алехин. – Длинноволосый почти с сочувствием похлопал Алехина по грязной ветровке, но тут же пригрозил: – Смотри не потеряй рака. Мы его тебе отдаем на время. Ну, как переходящий приз. Когда понадобится, придем. Так что сваливай!

И Алехин свалил. Да с такой скоростью, что чуть не сшиб в садике странный, похожий на гранатомет, прибор математика Н. Чертыхнулся второпях: этот Н. тоже придурок. При-

бор поставил, а не страшует.

10

А в конторе в тот день он услышал:

– Ой, Алехин! Зоя Федоровна видела летающую тарелку!

Все конторские метелки были в ужасе и восторге. Все – молоденькие, все, как на подбор, некрасивые. Правда, все замужем. Видно, для такого дела, как замужество, остренькие коленки, белесые реснички и копешки волос на маленьких головах вовсе не препятствие. А вот Зоя Федоровна, заведующая отделением Госстраха, при всей своей внешней импозантности всю жизнь просидела в старых девах. Отсюда и характер. Зная, например, что Алехин пьет крайне редко, Зоя Федоровна все равно каждый день незаметно к нему принималась. И всяко предупреждала:

– Был у нас один человек, Алехин. Все пил и пил. А где он сейчас?

И сама отвечала:

– На каторге!

– Да какая каторга в наше время?

– А жизнь? – резонно возражала Зоя Федоровна. – Разве не каторга?

О жизни Зоя Федоровна знала все. О счастливой тоже. Чтобы жить счастливо, знала она, надо все предметы роскоши поровну разделить на всех и бесплатно раздать. После

такого важного события в истории человечества надо будет лишь следить за тем, чтобы ни у одной отдельно взятой человеческой особи снова не возникло ужасной жажды накопления. Если такая жажда возникнет, незамедлительно отправлять такую ненадежную особь на каторгу, невзирая ни на пол, ни на возраст, ни на образование. А всем вора́м, даже самым мелким, рубить руки выше локтей. А чтобы нигде и никогда не возникало дурацких несуразиц, связанных с так называемым любовным томлением, раз и навсегда освободить все человеческие особи от исполнения дурацкого супружеского долга. И все такое прочее.

НЛО (неопознанными летающими объектами) Зоя Федоровна раньше никогда не интересовалась. Но вот ночью встала, захотелось воды, пошла босиком на кухню. А окно кухни выходит прямо на пустырь, на заброшенную стройку, на домик Алехина. И вот над тремя деревьями маленького садика Зоя Федоровна увидела огромный, как бы зеркальный шар. А на поверхности шара Зоя Федоровна увидела свое огромное отражение. И это отражение Зое Федоровне безнравственно подмигнуло.

– Да это вы сами, наверное, моргнули от удивления, – догадалась худенькая метелка Ася, ответственная, хорошая работница.

Зоя Федоровна обиделась:

– Зачем это мне моргать ночью?

Алехин промолчал. Он не хотел вступать в споры.

Он сам находился в смятении, потому что ночью увидел сон, явно один из тех, которыми интересовался крупный математик Н. Приснилось Алехину, что он идет по узкой тропинке. Вот Зоя Федоровна ночью ходит босиком на кухню, а он во сне шел босиком по узкой тропинке. Солнце печет, вокруг пологие коричневые глинистые холмы, редкая скудная травка. А может, холмы не глинистые, может, они из коричневого суглинки, который, как сметана, расплзается после дождя. Кое-где торчат сосны, похожие на рыжий укроп. Короче, страна блаженная на прекрасном морском берегу. А он, Алехин, идет босиком по тропинке и твердо знает, что уютный домик с тремя балкончиками на берегу – это его собственный домик. Или дача. Не важно что. Главное, его собственное! И получил он этот домик или эту дачу не просто так, а официально от правительства. Что-то он, Алехин, сделал такое, что ему, как большому Герою, дали то ли домик, то ли дачу с тремя балкончиками. И стоит у зеленой калитки Верочка и ждет его, Алехина. Нетерпеливо и страстно ждет. Играет круглым бедром, глаза лесные, зеленые. Алехин во сне так и набросился на Веру, будто правительство и ее отдало ему вместе с дачей. Как большому Герою. Обнял Веру, врос корнями в землю, бомбой не сдвинешь. А может, не корнями врос, может, лапами, или звериными когтями, или какими-нибудь ужасными псевдоподиями, этого Алехин уже не помнил. Но сон такой, что Алехин долго млея, проснувшись...

И вот еще что.

Его же вчера били и унижали.

Его вчера мордой тыкали в грязный мокрый забор, у него вся морда должна быть раскрашена синяками, а он проснулся, а на лице ни следа, ни царапины. Он специально смотрелся в зеркало, изучал свое лицо. Где ссадины? Где царапины? Где синяки? Его возили по луже, ставили к забору, как смертника, ему вчера тыкали кулаком в зубы, а где же следы насилия? Вот ведь чудо.

Глядя в зеркало, Алехин улыбнулся.

Улыбка получилась уверенная, профессиональная.

В страховом деле такая улыбка очень важна. Придешь к какой-нибудь бабуле, которая давно ничему на свете не верит, уговариваешь, убеждаешь, улыбаешься ей, перечисляешь условия, а сам как бы невзначай посматриваешь на полуоткрытую дверь ванной, там взрослая внучка купается. Главное, улыбаться. Но и, собираясь на работу, недоумевал: что за сон такой?

Без всякого интереса глянул на замоченную с вечера одежду.

Там в кармане ветровки должен лежать рак. Металлический, заржавеет.

А на работе шум. «Ой, огромный зеркальный шар!» Метелки в трепете и в восторге. Огромный зеркальный шар! И отражение Зои Федоровны! Зина, мать троих детей, самая смелая, предположила: «Увидишь тарелку – жди событий».

А Тася – голубоглазая, тихая, всегда немножечко приторможенная, вдруг рассказала ужасную историю про то, как один американский летчик погнался на военном истребителе за летающей тарелкой, а из летчика чудным образом вымыло весь кальций. Вернулся на базу, трясется, как холодец. Жена теперь держит своего летчика в большом эмалированном ведре. А метелка Ася, всегда симпатизировавшая Алехину, вспомнила, что некоторые люди, видевшие летающую тарелку, сами научились летать. Подпрыгнут, зависнут в воздухе и начинают летать понемножку.

– Да вы чего это, – обиделась Зоя Федоровна. – Я на девятом этаже живу.

11

Пользуясь разговорами, Алехин из кабинета Зои Федоровны позвонил Соньке Лужиной. Было время, когда с этой Сонькой они запросто могли сделаться мужем и женой – лет семь назад, когда Алехин только начал работать в страховой конторе. Но Сонька с самого начала водила его за нос, то есть даже в самые лучшие месяцы их отношений не отвергала ухаживаний речника Косенкова. Позволяла провожать до дому, вывозить на веселые пикники, но, если что, рядом сразу оказывался мрачный речник Косенков. Устраивая свое счастливое будущее, Алехин на самых льготных условиях последовательно застраховал все немалое Сонькино иму-

щество, даже устроил ей льготное свадебное страхование, но вышла Сонька все-таки за речника. И теперь Алехин видел ее раз в год, когда скромно заходил к Косенковым пролонгировать их многочисленные страховки. При этом Сонька смотрела на Алехина с укором.

Разговаривал он с нею всегда на одну тему. «Ну почему так? – жаловался. – Ну почему, Сонька, как что-то плохое происходит, так непременно со мной? Сама погляди. Всех соседей давно посносили, а мой домик обходят как заколдованный. Мне что, жить на пустыре до старости?»

И сейчас пожаловался, а Сонька сладко зевнула.

– Сразу видно, что ты спишь, – разозлился Алехин. – Все работают, а ты спишь.

– Ну ты даешь. Может, я сейчас не одна...

– Нужен мне твой речник!

– Ну ты даешь.

– С тобой поглупеешь, – опять пожаловался Алехин и попросил: – Сонька, ну ты же друг. Ну придумай что-нибудь!

Сонька знала, о чем он. Время от времени Алехиным овладевал зуд перемен. Бросить к чертям осточертевший деревянный домик с деревянными удобствами под многочисленными окнами девятиэтажки, забыть про печку, пожирающую тонны угля и дров и старомодно коптящую на зеркальные окна девятиэтажки! Он был согласен на любую квартиру.

– Ты же начальница обменного бюро, ты все можешь.

– Ну ты даешь. Твоя хибара официально предназначена под снос, – зевая, объяснила Сонька. – Мы тебя даже на учет поставить не можем. Хотя в Совет министров звони.

– А ты? – спросил Алехин с надеждой.

– Сволочь ты, Алехин, – рассердилась Сонька. – Было время, я тебе все предлагала. Я всю себя тебе предлагала. А ты растоптал.

На самом деле Сонька преувеличивала. Вся она и тогда была в руках жадного речника Косенкова. Все равно до сих пор укоряла Алехина: дескать, вот слушался бы меня, и все мое было бы у тебя в руках.

Он повесил трубку.

Что-то его тревожило.

Никак не мог понять что.

Не хулиганы же, правда, всучившие ему игрушечного металлического рака. Не пойдет он больше по тому переулку. Он лучше в тот узкий сырой переулок пошлет милиционера сержанта Светлаева.

Все равно что-то тревожило Алехина. Что-то непонятное вторглось в его жизнь. А-а-а, вспомнил он. Голос по телефону – мерзкий, чужой. *«Горит, Алехин, море... Горит...»*

12

Он незаметно выскользнул из кабинета, а метелки всюду разошлись, особенно Ася.

Ася с детства была натурой художественной, хотя и прихрамывала тоже с детства, как Серая Шейка. Однажды ее стихи даже напечатали в городской вечерней газете. Алехин радовался вместе со всеми, но потом Зоя Федоровна попросила и его написать что-нибудь. «Но по делу... – укоризненно повела она глазами в сторону Аси. – Короткую рекламную статейку о льготной страховке для очень пожилых людей, например».

Алехин написал, но из редакции ответили, что для них это скучновато.

Он осторожно провел рукой по лицу. Все-таки странно. Длинноволосый дважды заехал мне по морде, потом меня прижимали к забору, а кожа как новая, ничем не испорченная. У него даже настроение улучшилось. «С одним моим приятелем, – вмешался он в разговор сотрудниц, – однажды тоже необычное случилось. Он в Томске жил. Жена от него ушла».

Метелки так и сгрудились вокруг Алехина.

Тема несложившейся личной жизни всегда их интересовала.

А приятель Алехина был человеком благородной души. Такого каждый обидеть может, тем более что жена его оказалась стопроцентной самкой. Он без всяких споров оставил ей и квартиру, и обстановку, и детей, а сам трагически скитался по друзьям и знакомым, случалось, ночевал на вокзале. Начальство, боясь потерять замечательного слесаря, вы-

делило ему комнату в пустом, обреченном на слом здании на месте бывшего городского аэропорта на Каштаке.

Там приятель и зажил. А звали его Коля, руки золотые.

При случае, кстати, мог и поддать. А поддав, мог и побить самку. Но по своему родному углу сильно соскучился. Вселившись в свою комнату, твердо решил: теперь все, хватит, теперь целую неделю отдыха! Обстановку комнаты составили на тот момент мягкий диван, а у противоположной стены в метре от входной двери – холодильник. На диван Коля набросил простыню, чтобы уже никогда этим не заниматься, а холодильник загрузил некоторой едой и красным портвешком. И первый вечер в собственной комнате решил отдать не гостям, а отдыху и глубоким благородным раздумьям.

Стояло лето. Окно распахнуто настежь. В пустом доме ни души.

Раздевшись до трусов, Коля солидно прогуливался от мягкого дивана к белому холодильнику и обратно. Подойдет босиком к белому холодильнику, возьмет небольшой вес красного портвешка и, довольный, топает босиком обратно к мягкому дивану. Полежит немного, отдохнет, подумает и снова босиком топает к белому холодильнику. Хорошая жизнь. Коля решил жить так долго, пока не отдохнет полностью.

Малость захорошев, залег на диване.

В окно заглядывала луна, весело мерцали летние звезды. Звезды мерцали так ярко, так близко, что казалось, про-

тяни руку – и ухватишь любовь. Коля когда-то читал или слышал, может, что звезды на самом деле это вовсе не серебряные обойные гвоздики, а самые настоящие Солнца. А значит, вокруг разных таких звезд обязательно могут быть разные планеты. Даже такие, как Земля. А если есть планеты, то на них возникает жизнь.

От чего? Да хоть от сырости.

Ну а если уж на какой-то планете появляется жизнь, знал Коля, ее уже ничем не остановишь. На Земле, например, пробовали всякое. И напалмом жгли, и взрывали водородную бомбу, и устраивали искусственные землетрясения, и просто сжигали в специальных печах большие количества людей, а жизни наплевать на это – цветет и развивается. Ведь простому человеку, такому как Коле, что надо? Простой человек, он ведь как живет? Он правильно живет. Получил, к примеру, комнату в пустом доме – и отдыхает.

Коля понимал, что на других планетах все, наверное, немножко не так, но твердо верил в тот факт, что если уж на какой-то планете появилась жизнь, то ее уже ничем не остановишь. Удобно устроившись на диване, раскурив недорогую отечественную сигарету «Прима» (он все предпочитал отечественное), Коля мысленно представил, что где-то за миллиарды, а может, за миллиарды верст от него, на другой отдаленной планете, пережившей, как и Земля, множество войн, даже атомных, вот совсем как он, Коля, лежит сейчас и смотрит на сияющие над ним звезды некий одино-

кий, как он, внеземной самец. И может, он тоже вчера получил небольшую личную жилплощадь и теперь отдыхает, купил межзвездного портвешка.

И так хорошо, так благородно стало Коле, что даже глаза увлажнились.

Он босиком прогулялся до холодильника, взял небольшой вес, подышал на запястье, где в принципе мог находиться широкий обшлаг праздничной белоснежной рубашки, и босиком неторопливо двинулся обратно к мягкому дивану по своей родной, принадлежащей теперь ему комнате.

И тут что-то случилось.

Из-под босых Колиных ног, как бы пройдя сквозь темный линолеум, которым был покрыт пол, поднялся пухлый огненный шар. Этот огненный шар не был ярким, от него не несло жаром, но шипел он крайне выразительно и зловеще, как сало на сковороде, с какой-то необычной, как заметил Коля, блатной интонацией. И в долю секунды Коля оказался в коридоре за плотно прикрытой дверью, вероятно продиффундировав сквозь ее плотную древесину и дерматиновую обшивку, потому что сам он выскочить из комнаты за такое короткое время физически не мог. А за дверью грохнуло, и в коридор понесло отчетливым запахом уксусной кислоты и аммиака.

Коля осторожно заглянул в комнату. Да, там попахивало уксусной кислотой и аммиаком, но все осталось на своих местах. Горел свет, окно открыто, призывно поблескивала бе-

лая эмаль холодильника, манил к себе мягкий диван, обещая полноценный отдых. Никакой копоти, никаких новообразований.

Неужели портвешок такой крепкий?

Коля нерешительно вернулся в комнату.

Опасности не чувствовалось. Он открыл холодильник и на всякий случай сразу взял хороший вес. Решил, на сегодня хватит. Решил, прилягу на диван. И осторожно босиком пошлепал к дивану. И вот как раз на середине комнаты, как раз между холодильником и диваном, из-под босых Колиных ног всплыл все тот же пухлый огненный шар и от всей души шваркнул Колю.

Как молнией. Как высоковольтным разрядом.

На этот раз Коля диффундировал на мягкий диван.

Он стоял босиком на чистой простыне и двумя руками держался за полуспаленные трусы. Как человек благородный, он сразу и напрочь отмел всякие мысли о возможном сумасшествии. По той же причине он напрочь отмел все сомнения о религиозных чудесах. Очень осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, решив все перепроверить, медля и вздыхая, он отправился в новую экспедицию к белому холодильнику, мерцающему у дверей, как айсберг.

И ничего. Опасная экспедиция завершилась благополучно.

Коля покачал головой. Жизненный опыт у него был богатый. Он чуть ли не с детства знал гениальную формулировку

– всякое бывает. А что трусы спалило, ну так и такое, наверное, бывает. Поэтому он уже успокоенно прилег на диванчик и снова попытался настроиться на далекого внеземного самца, о котором думал недавно.

Но что-то мешало его раздумьям.

Пораскинув мозгами, он решил, что, пожалуй, рано завязал с выпивкой.

Но когда, поднявшись, он вновь двинулся к холодильнику, стебануло его по-настоящему. Взыв, он мгновенно оказался на мягком диване. Как молния, резнула ослепляющая сознание мысль: неужели теперь он навсегда отрезан от белого холодильника? Поэтому, немного отдышавшись, мудрить Коля не стал. Просто вылез в открытое окно и, обогнув здание, вошел в свою комнату, как положено, через входную дверь. Глотнув из бутылки, тем же кружным путем вернулся на диван. Чтобы успокоиться, даже похвалил себя: вот, мол, даже в самых экстремальных условиях способен на скромные и разумные решения. Вот, правда, зимой комната будет выстуживаться.

Утром все ребята по слесарному цеху знали Колину историю.

И вечером к нему заявила веселая дружная компания. Шумели, выпили весь портвешок и принесенную водку, ходили босиком из угла в угол, некоторые для чистоты эксперимента раздевались до трусов – и ничего! Ни на одном трусы не спалило. Это, Коля, у тебя видения, так решили ребята.

та. Ты теперь хорошенько отоспись, и все как рукой снимет. Коля, собственно, и сам так думал, но, оставшись один, уже раздевшись, не посмел босиком пойти к холодильнику, натянул резиновые сапоги. Вот в этих-то сапогах его и шваркнуло. Да так, что следующую ночь Коля, опаленный до пояса, провел в доме одного своего пьющего, но надежного приятеля-электрика. Будучи специалистом, приятель-электрик отверг все самые смелые и неожиданные гипотезы. В жизни, Коля, все проще, покачал он головой. И посоветовал: ты сходи в политех. Там есть такой крупный математик Н., он всякими такими историями интересуется.

В этом месте, к большому огорчению метелок, Зое Федоровне позвонили. Отправляясь к телефону, строго напомнила: «Рабочий день, девочки! Хватит лясы точить!»

– Алехин! А чем кончилось? – жадно шепнула худенькая Ася, но Зоя Федоровна так строго на нее взглянула, что Ася без понуканий направилась к своему столу.

– И тебе, Алехин, пора.

13

У Алехина как раз была назначена встреча с пенсионером Евченко.

Оглядываясь на зловещий переулок, в котором вчера напали на него Вий, Заратустра и длинноволосый, Алехин прошел к знакомой девятиэтажке. На седьмом этаже нажал на

звонок. Соседняя дверь вела в однокомнатную квартиру Верочки. Он всячески старался не смотреть в ту сторону. Там бельгийский ковер, литовская стенка, всякий хрусталь, агаты от геолога. И все такое незастрахованное!

Алехин испытывал нежность и беспокойство.

Вздыхнув, нажал на звонок, и за дверью далеко-далеко запела невидимая птичка, потом послышались легкие птичьи шаги. Персональный пенсионер Евченко Кузьма Егорыч когда-то писал книжки по советскому праву, преподавал в высших учебных заведениях, был активным членом единственной прогрессивной партии и много занимался общественной работой.

Он и сейчас многим интересовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.